



## "Выживальщик (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы  
в онлайн-библиотеке  
[mir-knigi.org](http://mir-knigi.org)

Выживальщик

Выживальщик. На островах.

Глава I

Происшествие местного значения.

Дом ощутимо трянуло, и экран монитора погас. Я чертыхнулся. Сотрясения дома от взрывов на руднике, расположенном вблизи, были привычными. А вот электричество давненько не отключали. Хорошо, хоть чайник успел вскипятить. Пойду, попью кофе, а последние новости в Интернете дочитаю, когда включат свет.

Из-за зашторенного окна слышался какой-то мерный, однообразный шум. И хотя пластиковые окна обладали хорошей звукопроницаемостью, шум просачивался и был непривычным.

Пройдя на кухню, стал насыпать в чашку сахар и растворимый, гранулированный кофе. Со стороны кухни шум доносился привычный: лаяли собаки и гомонили громкие голоса. Вот только голосов этих становилось всё больше и больше. Когда их стало слишком много, я перестал размешивать сахар, отхлебнул из чашки кофе и отдернул плотную штору на кухне. Надо было посмотреть, что за бучу подняли люди во дворе.

Яркий солнечный свет ударил по глазам. - Ох, ну ни хрена себе! - вырвалось непроизвольно при виде, открывшемся из окна. Дома напротив не было. И домов, которые стояли за ним, тоже не было. До самого горизонта тянулись зелёные заросли из которых вдалеке торчали зубцы невысоких гор. Не было подтаявших апрельских сугробов. Не было машин, обычно стоявших во дворе. И самого двора не было. Тротуар, шедший вдоль дома, был, а сразу за ним зеленела густая трава. Метрах в двадцати начиналась опушка леса.

Машинально сделав глоток кофе, прошёл быстро в свою спальню, расположенную на другой стороне дома. Раскрыл шторы. Отделённая от дома узкой полоской зелени, простиралась безбрежная водная гладь. Монотонный шум, который я услышал из-за окна, был рокотом прибора.

Вернувшись на кухню, распахнул окно. Тёплый летний воздух ворвался в помещение. Высунувшись наружу, увидел жильцов нашего дома, толпящихся на узкой асфальтовой дорожке тротуара, который обрывался метрах в трёх по обе стороны дома. Собаки вовсю лаяли на зелёную стену зарослей, люди непрерывно кричали, перебывая друг друга, размахивая руками. Орала дети, верещал младенец, мяукали коты и кошки, вылезшие из подвалов и из квартир. Гвалт стоял невообразимый .

Закрыв окно, сел на кухонную табуретку и закурил. Так. Это не глобальная катастрофа, не всемирный Апокалипсис. Это локальное происшествие. Версии о том, что это сон или глюки не было. Трезвый и ясно мыслящий, не принимающий наркотиков, психотропных препаратов, снотворного и прочей дребедени, я был, как никто другой в нашем доме готов к такому развитию событий.

Когда мои родители погибли в автокатастрофе, раздавленные "КамАЗом", за рулём которого сидел вдребезги пьяный водитель, я хотел обменять трехкомнатную квартиру, в которой мы жили, на меньшую. Но лень было возиться с обменом. Потом подумал, что, если женюсь и пойдут дети... Так и остался жить один в трехкомнатной. Заработка хватало на коммунальные платежи, нехватки денег не ощущал.

Одно время, увлечшись муссируемой в Интернете темой Апокалипсиса, прочёл на многочисленных сайтах кучу статей о грядущем конце света. На тех же сайтах и многих форумах были рекомендации и советы по выживанию в условиях ядерной зимы, всемирного потопа, падения огромного астероида и прочих глобальных катаклизмов.

Продав родительскую двуспальную кровать, трехстворчатый шкаф и стол, полностью освободил от мебели одну комнату. Там и хранились мои запасы. Кроме того, кое-что было распахано по другим комнатам, а два чуланчика были набиты "под завязку".

Поэтому, сейчас я не захотел присоединяться к уличному митингу. Догадывался, что там впустую мелют языками, обсуждая, что произошло, как произошло и что теперь делать.

Что делать - я прекрасно знал. Из секретера, служившего мне баром, достал бутылку, влил чайную ложку коньяка в чашку с кофе и закурил вторую сигарету подряд.

Надо было тщательно продумать свои дальнейшие действия, не спешить, не метаться. Пока я составляю план, может быть и так, что дом перенесут обратно на своё место те же самые силы, которые забросили его сюда, на берег моря-океана, посреди зелёной тропической растительности.

Если же этого не случится, надо будет выживать в сложившихся условиях. Без электричества, водопровода, канализации. И делать это лучше всего в одиночку. Изначально меня не прельщала мысль о выживании со всем населением дома. Во-первых, моих запасов на всех не хватит. Во-вторых, мне не хотелось становиться спасителем для всех, без исключения, обитателей шестидесяти квартир.

Впрочем, в каждом из трёх подъездов дома есть нежилые квартиры. К примеру, в нашем подъезде их две. Соседняя с моей однокомнатная квартира пустует. Дверь в неё заколочена здоровенными гвоздями. Нет, при всемирном катаклизме, например, после ядерной войны, лучше держаться сообща с другими людьми. Там в одиночку не выжить. А вот сейчас работает принцип - каждый сам за себя.

В нашем подъезде я не знал почти никого, не говоря уже о соседних подъездах. Жил здесь всего три года. Отца пригласили на здешний рудник на работу. Они с мамой сразу же въехали в эту квартиру. Я в это время служил в армии. Так вот и вышло: призывался из одного города, а после "дембеля" приехал в другой. Все друзья-товарищи остались в прежнем городе, а здесь новыми как-то не обзавёлся. Тем более, что работал дома, зарабатывая себе на хлеб с маслом в Интернете.

Здоровался с примелькавшимися в подъезде соседями и не более. Немного общался только с приветливой старушкой, жившей на третьем этаже - тётей Варей. Пару раз поболтал с ней о погоде, стоя возле дверей подъезда, да как-то помог дотащить из магазина тяжеленную сумку.

Опять раскрыв окно, окинул взглядом людей, толпившихся возле дома. Десятка полтора пенсионеров - старушек и стариков. Полтора десятка мужчин и десятка два женщин. Около

двух десятков детей. Ну, правильно. Перенесло дом (знать бы ещё: куда, и кто, и зачем) в начале десятого утра. Сегодня пятница, будний день. Большинство детей в школах и детских садах. Часть взрослых ушла на работу. Кто-то пошёл в магазин. Дома были те, кто не работает; те, кому в вечернюю смену на работу; те, кто сегодня выходной или на больничном. Дети дома остались или из-за болезни, или решили "сачкануть" - не ходить в школу.

На тротуар из среднего подъезда выкатили ярко-красный скутер. Это дед с первого этажа, не зная, куда потратить пенсию, приобрёл себе японскую или китайскую "тарактелку". Сзади, резинками от эспандера, была прикреплена двадцатилитровая канистра. Застрекотал мотор и, под восторженные вопли мальчишек, старик с важным видом, доехав до конца асфальта, свернул за угол, в сторону побережья.

Мальчишки, бросившиеся за ним, через пару минут прибежали назад с криками: "Море! Там море!". Все дружно ринулись в сторону морского берега и тротуар перед домом опустел.

Про море я знал. Дед, похоже, отправился на скутере на разведку. Пора было двигаться в путь и мне. Камуфляжный костюм, высокие кожаные берцы, на поясе фляжка с водой и два ножа. Финка и "Тайга" - универсальный нож, похожий на мачете.

Пользуясь тем, что чайник не успел остыть, развёл кофе и заполнил им литровый термос. Но с собой его брать не стал, оставил дома. Быстренько провёл ревизию в холодильнике. Так, в морозилке две свиные отбивные и куриная грудка. День-другой пролежат, завёрнутые в фольгу, пока холодильник окончательно не разморозится. Два литровых пакета яблочного сока - это здорово! С пол-литра молока в открытом пакете. Выпью молочка на дорожку. Полукопчёная колбаса, масло, сыр - наделать себе бутербродов на весь сегодняшний день. В хлебнице целый батон и половинка чёрного. Вчера вечером, как провидение, понесло меня в булочную. Растяну на два-три дня. Открытый кетчуп - дня три простоит. Майонез съем за ужином, открытые консервы - тоже на ужин. Хорошо, что вчера не набрал пельменей, было такое намерение.

Всё, надо идти. Подошёл к металлическому шкафу, стоящему в спальне, отпёр оба замка. Вот оно - моё главное богатство. Пятизарядное помповое ружьё 12-го калибра (шестой патрон - в стволе), с полусотней патронов, пулевых и картечных. Газовый пистолет "Браунинг" с запасной обоймой. Каждая - на пятнадцать патронов. И наконец - гладкоствольный карабин "Сайга" с двумя десятизарядными магазинами и двумястами пулевыми патронами. Взяв "Сайгу", решил не тащить помповик и не очень-то пригодный для полевых условий газовый пистолет. Им только шум производить.

Чуток поразмыслив, положил в рюкзачок пачку с двадцатью патронами. Снаряжённый магазин сунул в набедренный карман камуфляжных штанов. Второй воткнул в карабин, передёрнул затвор, загоняя патрон в ствол, поставил на предохранитель. Бутерброды и бинокль лежали в небольшом рюкзаке за спиной.

Тщательно заперев на два замка наружную тяжёлую металлическую дверь квартиры, вышел на улицу и слегка сощурился от яркого солнечного света. Противосолнечные очки я никогда не носил, считая это ненужным пижонством.

Пошёл, для начала, направо, туда же, куда уехал на скутере старик. В торце нашего дома находилась сберкасса. Сейчас на крыльчке, перед запертой металлической дверью, топтались двое мужчин.

- Эй, мужик, у тебя лома или монтировки не найдётся?- окликнули они меня,- хотим вот Сбербанк распотрошить. В доле будешь. Там денег-то немеряно.

Отрицательно помотав головой, пошёл дальше, не пускаясь с ними в дебаты. Лом и монтировка у меня были, но я не собирался давать их кому попало. Тем более придуркам, которые думают, что в джунглях им пригодятся деньги. Разве что, купюрами костёр разводить.

Через полсотни метров дорогу мне перегородила неширокая речка. Она текла в сторону моря (океана? Пусть будет пока море, термин роли не играет). Речку легко можно было перейти вброд, но я повернул назад, на сто восемьдесят градусов. Меня не устраивала близость реки к дому. Сюда ринется за питьевой водой всё население дома. Мне нужен был более отдалённый питьевой источник.

Возле дверей сберкассы толклись уже трое, четвёртый нёс из дома лом. От берега к дому тянулись люди.

- Людка, купальник-то есть?- кричала одна женщина другой.

- Мам, где мои плавки?- канючил десятилетний пацан.

Искупаться все решили. Ну-ну. Только это не Сочи и не пляж пионерлагеря. Буйков нет, спасателей тоже. Что в воде - кто знает?

## Глава II

### Две части Марлезонского балета

Прошагав мимо дома, вышел на кромку песчаного берега и пошёл вперёд быстрым шагом. Но, по мере удаления от дома, стал идти помедленнее. Море, что было по левую руку, меня не интересовало. Изредка бросал на него взгляд и отводил - море пустынно. А вот зелёные заросли справа разглядывал тщательно, ища просвет между деревьями.

Обнаружив поляну, снимал "Сайгу" с плеча и углублялся в зелень. Две осмотренные поляны мне не подходили. Одна была совсем маленькой. Другая - побольше, но без всяких признаков пресной воды поблизости. Прошагав часа три, пройдя от дома, по моим прикидкам, около десятка километров, решил устроить небольшой привал с перекуром. Солнце припекало уже изрядно, но куртку я не снимал. Укусит какая-нибудь тварь летучая в руку, распухнет она, как бревно, будет мне весело. Лучше попотеть чуть-чуть.

Сквозь шум прибоя услышал стрёкот мотора. Вдали показалась красная точка, двигавшаяся у самой кромки воды. Вскоре стало ясно, что это - дедок на скутере. Я подошёл к воде. Дед рассудил правильно, по утрамбованному водой песку, он ехал почти, как по асфальту. Заглушив мотор в шаге от меня, спросил:

- Ты из нашего дома, вроде?

Я кивнул.

- Далеко до дома-то? А то бензина осталось километров на тридцать.

- Тогда хватит. Чуть больше десяти надо проехать. Я так понимаю, что это - остров?

- Точно. Всю дорогу восемьдесят километров выжимал. Две с половиной сотни на спидометр намотало. Море и море вокруг. Как же это нас угораздило?

Я пожал плечами. Знал не больше, чем он. А вот то, что мы на острове - знать очень ценно. Спасибо деду, не пожалел бензина. Хотя мог потратить его с большей пользой. Значит, остров с периметром в двести пятьдесят километров. Диаметр, выходит, около тридцати км. Это, если круглый...

Пожелав деду счастливого пути, пошёл дальше. За спиной заработал мотор, звук стал удаляться. Встреча со стариком принесла мне удачу. Почти сразу же увидел в песке промоину от воды, вытекавшей из леса. Двинулся вдоль ручейка и вышел на чудную поляну. Будучи размером около двухсот квадратных метров, она одним своим концом примыкала к невысоким горам. С горы и стекал ручей, точнее - родник. Кустарника на поляне практически не было, только густая зелёная трава.

Вот здесь я и обоснуюсь. Великолепное место. И всего в десяти километрах от дома. Зачерпнув ладонью ледяную воду, струившуюся по камням, и падающую в каменную чашу, с удовольствием попил. Чистейшая вода, без запаха и без привкуса. Что ж, первая часть "Марлезонского балета" исполнена - место нашлось. Вторая будет труднее. Надо обживаться.

К дому вернулся около пяти вечера, по моим земным часам. На лавочке возле нашего подъезда сидела тётя Варя и ещё какая-то старушка. Они со мной поздоровались, я вежливо ответил.

- Далеко ли ходил, Володя?- спросила тётя Варя, - Алексеич тут в обед вернулся на своём мотоцикле, сказал, что на острове мы теперь живём. За какие же грехи нас сюда засунули, на остров этот?

Я, как и в случае с Алексеичем, пожал плечами. А тётя Варя продолжала информировать:

- Воду тут в речке нашли неподалёку. Ничего, чистая, пить можно. А купаться в море не ходи. Трое уже утонули. Светка с мужем из первого подъезда и Вовка Петренко из второго. Сначала эти двое в воду полезли. И вдруг не стало их. Вовка-то уже в воду залез, хотел на берег вернуться. Да только руками махнул, заорал и тоже исчез. Теперь боятся все в воду соваться.

Это известие меня не удивило. В море, наверняка, есть какие-нибудь хищники. Так что, сегодня они знатно пообедали. Хорошо, хоть не скопом в воду кинулись и Петренко этот успел закричать. А то утопленников было бы больше.

Поднявшись к себе на пятый этаж, я стал готовиться к завтрашнему дню. Заправил бачок на бензопиле, вынес в коридор к входной двери двадцатилитровую алюминиевую канистру с бензином. Садовая тележка, на двух резиновых колёсах большого диаметра, рассчитана на вес в сто тридцать килограммов. Ничего, будет чуть больше, не развалится, новая.

Но бензопилу придётся тащить на плече, на ремне. Потому, что в тележку, кроме канистры, я положу мотки колючей проволоки, которые успел достать из чулана.

Шёл я как-то из магазина с бутылкой пива. Из стоящего "Урала" меня окликнули солдаты:

- Пивком не угостишь?

А я уже тогда начал копить свои запасы. Вот и ответил:

- Угостить не угощу, а на что-нибудь армейское сменяю.
- Да нет у нас ни хрена. Колючка только. Ездили ставить, так четыре мотка остались.
- Давайте всю проволоку и забирайте всё пиво.

Счастливые солдатики выкинули колючую проволоку из кузова и, блаженствуя, принялись сосать пиво из горлышка.

Магазин был рядом с домом, я потихоньку перекатил мотки к подъезду и по одному затащил в квартиру, переколов себе все руки. Вот ведь, как пригодились!

Топор, молоток и гвозди положил в рюкзак. Туда же засуну остатки батона, пару банок рыбных консервов, бутылку с питьевой водой. Не хотелось рисковать и долго пить некипячёную воду из родника. Ещё прихватит желудок, испорченный цивилизованной пищей, потом мучайся с поносом. А это в мои планы не входило.

Отметив для себя, что солнце село в море в половине десятого вечера, после чего наступила абсолютная темнота, лёг спать.

Будильник поднял меня с постели в четыре часа утра. На улице ещё была темень. Наощупь найдя на кухне термос с кофе, подсвечивая фонариком-зажигалкой налил чашечку бодрящего напитка. Выкурил сигарету. Не люблю курить натошак, но сейчас нет возможности перекусить.

Осторожно нащупывая ногой ступеньки, стащил вниз колючую проволоку, канистру, тележку. Повесил на плечи карабин и пилу. Рюкзак ощутимо оттягивал плечи. Пока грузил проволоку и канистру в тележку, пока регулировал лямки рюкзака, на востоке начало светлеть. В путь я тронулся уже в полутьме. А вскоре из моря вынырнул краешек солнечного диска, озаряя всё ярким светом.

К тому времени я с превеликим трудом дотолкал тяжело нагруженную тележку до края воды. По мокрому песку катить её было значительно легче. Пилу пришлось положить сверху на мотки проволоки - болтаясь на ремне, она мешала идти. Через три часа нелёгкого пути, увидел оставленную мною вчера вешку, с привязанным к ней носовым платком.

Вновь пересёк пляж, провёз тележку по траве. Сняв канистру и пилу, вывернул на траву мотки проволоки. Скинул рюкзак, сделал пару глотков воды из фляжки. С наслаждением закурил, чувствуя, как начинает высыхать пот на спине. Мотки проволоки везти было тяжело, но сколько ещё таких рейсов мне предстоит! Ящички с консервами или мешки с сахарным песком будут не легче.

Вдруг я ощутил, что из зарослей за мной наблюдают чьи-то глаза. Зверь? Человек? Схватив бензопилу, дёрнул пусковой шнур. Отличная шведская "Гускварна" пронзительно заверещала. Взгляд сразу исчез. Значит, зверь. Карабин пришлось положить на моток колючки, он мешал работать. Но бензопила в ближнем бою - тоже грозное оружие.

Я работал, как одержимый. Недостаток умения при валке деревьев, восполнял рвением и

энтузиазмом. Наградой мне стали двадцать шесть трёхметровых брёвен, очищенных от сучьев. Зелень со стороны моря не трогал, она маскировала поляну и защищала от ветра с моря. Углублялся в джунгли и заметно расширил свободное пространство. Верхушки деревьев, сучья, срезанный бензопилой кустарник, собрал в кучу. Высохнет, будет отличный хворост для костра.

За день сделал всего один получасовой перерыв, чтобы пообедать. На часах было семь вечера, когда я, спрятав бензопилу под колючую проволоку, сунув топор, молоток и гвозди под брёвна, засобирался домой.

Путь с пустой тележкой проделал намного быстрее. Солнце почти село в воду, когда подходил к дому. На улице никого не было. Окна все тёмные, только в одном из них горит свеча - кто-то оказался запасливым. Из одного окна неслись пьяные вопли, значит, спиртное ещё не всё выпили. Я успел затащить тележку на пятый этаж по полутёмной лестнице. Зажёг свечу, чтобы не блуждать по квартире впотьмах. Приготовил груз на завтрашний день. Поужинал остатками хлеба и консервами. Рухнул в кровать, чувствуя, как ноют натруженные мышцы. И провалился в сон.

Утром всё повторилось, как и вчера. Только проволоки был один моток, зато канистр с бензином - две. Штыковая лопата, лом, две ножовки(по металлу и по дереву), пара напильников. Пятилитровая бутылка с питьевой водой.

Прикатив тележку на "свою" поляну, по-быстрому её разгрузил. Закурил сигарету, короткий отдых перед тяжёлой работой. Помня о вчерашнем взгляде зверя из-за кустов, карабин снимать не стал, только перевесил через плечо. Неудобно, но ничего не попишешь.

На установку одного столба уходило минут двадцать. Один метр бревна я вкапывал в землю, оставляя заострённый конец высотой два метра. Установив четыре столба по краям участка, протянул между ними шпагат и принялся вкапывать через каждые два метра следующие столбы. Получился участок двенадцать на четырнадцать метров. 168 квадратов. Успел ещё спилить дерево для ворот. Пора собираться в обратный путь. Спрятав инструмент и бутылку с водой, пошёл к берегу. Услышав позади себя шорох, повернулся, вскидывая карабин, снимая его одновременно с предохранителя. Между деревьев мелькнуло большое тело зверя, и я выстрелил. И, конечно, промахнулся, времени тщательно прицелиться, не было. Но звук выстрела отпугнул животное.

До заката добравшись домой, поужинал опять консервами. И вновь заснул, как убитый.

На следующий день груз моей тележки состоял из двух конфорочной портативной газовой плитки, пятилитрового баллона с газом, сковородок, кастрюль, ножей, ложек и прочей кухонной утвари. Из морозилки вынул курятину и свинину. Они не испортились, но совсем оттаяли от заморозки, только фольга и спасала. Прихватил с собой несколько банок консервов, пару пачек галет, крекер, термос с остатками кофе.

Сегодня решил не возвращаться к дому, а переночевать в лесу, так как моя оборонительная ограда должна быть закончена.

Ночью на поляне кто-то побывал. Одна канистра с бензином была опрокинута. Хорошо, что закрывалась герметично. Трава была примята, подвытоптана. Не маленький зверь ходил.

Одел толстые брезентовые рукавицы. Карабин, как ни печально, работать мешал сильно. Поэтому оставил его лежать наготове неподалёку, всё время перетаскивая с места на место, поближе к себе. А на пояс повесил открытую кобуру с газовым "Браунингом".

Первый ряд проволоки протянул на высоте в десять сантиметров от земли. Это, чтобы никто не подлез под изгородь. Следующий ряд  $\gamma$ - на расстоянии в пятнадцать сантиметров от первого. Потом шли три ряда с промежутком в двадцать сантиметров и три - с промежутком в тридцать сантиметров. В итоге получилась изгородь из колючки высотой в сто семьдесят пять сантиметров. Каждый ряд был приколот к столбам гвоздями взагиб. Между каждой парой столбов колючка шла не только горизонтальными рядами, но и была переплетена по диагоналям крест-накрест. Выглядела ограда довольно внушительно и прочно. Полутораметровые ворота закрывались на толстый кованый крюк. Столб, которым открывался проход в колючке, был утоплен в землю. Чтобы открыть ворота, надо было вытащить его из ямы. В столбах ворот были вбиты кольца, и ворота можно было запереть на прочный навесной замок.

Проработав весь день без обеда, я перевёл дух только в семь часов вечера. Одному трудно справиться с такой работой. До темноты оставалась ещё пара часов. Зажёг газовую плитку, поставил на одну конфорку кастрюлю, в которой варилась куриная грудка. Завтра обжарю её на костре. На второй конфорке на сковородке аппетитно шкворчали две свиные отбивные и запах жареного мяса плыл над поляной. Пока мясо готовилось, я быстро поставил двухместную брезентовую палатку, бросил туда спальник.

И тут на поляну из джунглей вышел тигр. Что, полосатый, свининки жареной захотел? Я осторожно дотянулся до лежащего рядом карабина. Каким тихим не был щелчок предохранителя, но чуткое ухо зверя его уловило. Тигр тотчас исчез. В оружии он разбирается, что ли? Как догадался, что это я не ложкой об сковородку брякнул?

Так, значит, тигр. Может он перепрыгнуть мою изгородь? А фиг его знает. Ладно, посмотрим, что дальше будет. А сейчас - жрать хочу. Именно, не есть, а жрать. Три дня недетской "пахоты" закончились. Дальше будет легче. Поставил на плитку чайник. Роскошь, конечно, на костре надо кипятить. Но сегодня можно и на газе. В честь окончания лесоповально-земляных работ. Нет, я и дальше буду пилить деревья для всяких своих надобностей. Однако, такого аврала, как в эти три дня, уже не будет.

Умял обе отбивные под галеты, заварил чай (люблю крепкий). Литровая банка с сахаром и банка с кофе были привезены вчера. Грудка ещё варилась. Я сидел около плитки, прихлёбывая горячий чаёк, попыхивая сигаретой. Благодать! За три дня убедился, что ни комаров, ни москитов, ни прочей кровососущей гадости здесь нет. Это было огромным плюсом. Можно ходить в ограде в майке и трусах. А то ведь, как вспомнишь слепней на Дальнем Востоке, особенно возле воды (служил я в морской пехоте Тихоокеанского флота, и в тайге бывать доводилось), так вздрогнешь.

Кастрюля с куриным бульоном поставлена на траву так, чтобы ненароком не перевернулась. Плитка выключена, баллон закрыт. Пора баиньки, скоро стемнеет. Влез в палатку, застегнул изнутри. В спальник залезать не стал, ночи тут тёплые. Использовал его, как матрац. С одного бока лежит "Сайга" с патроном в патроннике и снятая с предохранителя. С другого бока - мощный фонарь. Заявится ли ко мне ночью хозяин джунглей?

Заявился. Проснулся я посреди ночи от громкого звериного рёва. Подхватив "Сайгу",

растянул палатку. И, только выкатившись кубарем из палатки, включил фонарь. Обежал лучом вдоль ограды. Никого. Глухой рёв послышался уже вдаль. Но в одном месте проволока на изгороди прогнулась. Значит, всё же не перепрыгнул. Успокоившись, залез в палатку и безмятежно проспал до самого утра.

Утром осмотрел колючку. Проволока выдержала вес здорового зверя. Не зря её к столбам гвоздями-соткой приколачивал. На колючках висели клочки шерсти, и даже видна была засохшая кровь. Ну, сюда он больше не сунется. Проволоку выпрямлю позже. А сейчас надо сходить домой, прикатить тележку с необходимыми вещами и с частью еды.

### Глава III

#### Убийца.

Шёл вдоль кромки воды, тележку катил левой рукой. В другой руке зажата рукоятка "Сайги", приготовленной к стрельбе. Указательный палец лежит на спусковой скобе, готовый в любую секунду соскользнуть на спусковой крючок. Пока этот гад будет пересекать пляж, успею пару раз шамальнуть.

До дома дошёл благополучно. Жители толпились возле второго подъезда и опять митинговали. Не обращая на них внимания, зашёл в свой подъезд и поднялся на пятый этаж. Опаньки! Дверь соседней квартиры чуть-чуть приоткрыта. Значит, гвозди вынули. Оставив тележку на площадке, вошёл в соседнюю квартиру. Стену, соседствующую с моей квартирой, начали долбить ломом, но что-то, по-видимому, помешало. Та-ак! Ну, это надо пресекать в корне. Есть у меня в заначке кое-что.

В замке моей двери ковырялись, видны были свежие царапины. Оставив тележку в прихожей, поставив её на попа, чтобы не мешала проходу, пошёл на улицу. Толпа переместилась к первому подъезду. У нашего подъезда стояла тётя Варя и ещё две пенсионерки. У второго подъезда каменным изваянием застыла девушка. Видел я её неоднократно, жила она во втором подъезде. Довольно симпатичная. Только, несмотря на высокий рост и развитые формы, малолетка. В школе ещё учится. Училась.

- По какому поводу шум подняли?- спросил я у тётки Вари, главного моего информатора о жизни обитателей дома.

- Да вот, на Люду Петренко поутру тигр напал. И в лес её утащил. Осталась Наташка сиротой круглой. Вовка, отец её, ещё в первый день в море утонул. Ну, а девка-то она ладная. И решили наши кобели её в карты разыграть, кому она достанется. А, может, и всей сворой своей набросятся. Вон, в первом подъезде Алла живёт, так её мужики хором изнасиловали.

Я подошёл к девушке. Крупные слёзы текли из её глаз. При виде меня, она принялась размазывать их ладонью по щекам.

- Ты плачь, не стесняйся. Мать, все-таки...

- Не хочу к этим козлам,- прошептала она сквозь слёзы.

- Не хочешь, и не надо.

- Так, заставят...

- Никто тебя не заставит. Сейчас мы этот вопрос порешаем,- и пошёл к первому подъезду.

Народ уже разошёлся. Остались стоять только полтора десятка мужчин. Я остановился в шагах семи-восьми от них. Моя правая рука лежала на рукояти "Сайги", висевшей на плече, при этом указательный палец лежал не на скобе, а на спусковом крючке.

- Мужики, кто-то из вас пытался залезть ко мне в квартиру. Сразу предупреждаю - это плохо для него кончится.

- Может, пацаны баловались,- попытался откреститься один из них.

- Ага. И гвозди двухсотые из двери повыдергали? Слабо пацанам такое сотворить. Вторым раз предупреждать не буду. Теперь про Наташу...

- Поучаствовать хочешь?- вперёд выдвинулись двое полуголых невысоких мужчин. Один весь покрыт наколками, у второго тоже их хватает. Таким и представляться не надо. У них на теле нарисовано, что бывшие сидельцы. Один прятал правую руку за спиной, на неё я и переключил своё внимание.

- Не поучаствовать, а её от участия избавить.

- Ишь-ты, избавитель нашёлся. Думаешь, если пукалка есть на плече, так ты и крутяк? - и вытащил правую руку из-за спины. В кулаке был зажат "Макаров".

Блатной взялся левой рукой за затвор, чтобы передёрнуть его.

Идиот! У него даже патрон не в стволе! И движения пла-а-авненькие такие. Ну, понятно, блатные любят покрасоваться. А ещё попугать. Сейчас я от его "Макарки" задам стрекача. Крича: "Милиция, меня убивают!". Книжки читать надо умные, придурок. А в них чётко пропечатано, что на Диком Западе действовал закон: "Кто стреляет первым, тот и прав".

Он успел дотянуть затвор до середины. Я поднял правой рукой карабин вверх, ремень легко скользнул по плечу. Поймав левой рукой цевьё, нажал на спуск. Промахнуться с такого расстояния невозможно. Никакой картинности. Его отбросило ударом пули назад, пистолет выпал из руки. Дырка была точнёхонько рядышком с левым соском.

Второй, забыв про финку, зажатую в руке, потянулся за пистолетом. Но "Сайга" перезаряжается автоматически. И приклад я успел прижать к плечу. Этому пуля прилетела в башку. Для верности, выстрелил в дёргающееся тело ещё раз. И, держа карабин наизготовку, пошёл на мужиков, медленно так, давая им время попятиться. Что они и не замедлили сделать. Подобрал "Макаров", заткнул его себе за пояс, а финку бросил в кусты, в сторону джунглей. Мужикам отдал приказание:

- Оттащите этих урок к морю, раскачайте за руки, за ноги, да в море и бросьте. Их живо утилизируют. А то они тут начнут разлагаться на жаре, потом заразы не оберётесь.

Жмуриков взяли за ноги и поволокли в сторону моря.

Вернулся к Наталье. Глаза у неё были сухие. И круглые от испуга.

- Ты их убил?- произнесла она дрожащими губами.

- Нет, по головам погладил, ручки пожал и сказал, чтобы и дальше продолжали беспредельничать, девушек насиловать и свои блатные законы для всего дома устанавливать. Ключи от квартиры есть у тебя?

Она кивнула.

- Пойдём, вещи свои заберёшь.

Мы поднялись на второй этаж. Наташа открыла замок, вошли в квартиру.

- Возьми сумку большую и сложи туда свою летнюю одежду. Шубы нам ни к чему. На случай дождя возьми какую-нибудь куртку с капюшоном, тоже летнюю. Платья, юбки-блузки и всякое такое. Если есть плед, возьми и его. Из посуды прихвати пару кружек, ложки, столовую и чайную, можно даже по две. Вилку, ножик. И всё, что осталось из съестного.

Наталья вихрем пронеслась по квартире, и большая чёрная сумка наполнилась минут за пятнадцать. Молнию застегнули с трудом. В одной руке я нёс сумку, из второй не выпускал рукоять "Сайги".

Возле моего подъезда я поставил сумку на лавочку. Из дверей осторожно выглянула тётя Варя:

- Ты, Володя, стрелять-то прекратил?

- Прекратил, тётя Варя. Всего-то двое уродов было, остальные - понятливые.

К нам подошёл Алексеич из второго подъезда. Молча пожал мне руку и показал большой палец. Ну, этот дед и умён, и адекватен.

- Стрелять умеешь?- спросил я Наташу.

- КМС по стрельбе. И из пистолета, и из винтовки. Правда, из мелкашки.

- Ничего, тут отдача только посильнее,- вынул из "Макарова" магазин. Шесть патронов. Вполне. Вставил магазин, передёрнул затвор, снял с предохранителя. Протянул Наташе, она взяла осторожно, но держала пистолет вполне грамотно.

- А лучше всего, если Алексеич и тётя Варя с тобой постоят. Я быстренько обернусь.

- Конечно-конечно, мы постоим тут с Наташенькой,- заверила меня тётя Варя. Я взлетел по лестнице на пятый этаж, отпер дверь, вытащил тележку на площадку. Чтобы не делать полупустых ходок, прихватил из квартиры четырёхместную польскую палатку. Квартиру запер только на один замок. Вытащив груз на улицу, положил палатку и Наташину сумку в тележку, выдохнул:

- Я сейчас,- и унёсся в подъезд. В квартире достал картонную коробку, кинул в неё несколько банок рыбных консервов, пару банок тушёнки, пару пачек макарон. Так. Бутылка растительного масла, три пачки галет, две пачки печенья. Соль вчера отвёз. Чая листового большая пачка, заварочный чайник. Из секретера достал початую бутылку с коньяком, тоже сунул в коробку. Пара плиток шоколада, пакет с яблочным соком. Достал небольшую сумку, сложил туда кое-что из одежды. Покидал в сумку весь свой запас патронов и к "Сайге", и к помповому ружью. Оптический прицел к "Сайге", хоть он и в футляре, бережно завернул в футболку и уложил сверху. В коробку с провизией кинул и несколько пакетиков с семенами.

Коробку замотал скотчем, а ещё несколько пакетиков семян положил в карман камуфляжки. Поменял магазины в "Сайге" и поставил её на предохранитель. Взял сумку и коробку, вынес на площадку, запер дверь. Спустившись вниз, сложил всё в тележку. Алексеич, тётя Варя и Наташа сидели на лавочке и тихонько о чём-то разговаривали.

- Мне ещё минут десять надо,- сообщил я им, и Алексеич махнул рукой, иди мол.

В квартире я залез в самый конец складской комнаты, прямо по мешкам и коробкам. Покопался в глубине одной из коробок, выживая оттуда гранату. Достал пассатижи из инструментальной тумбочки, моток проволоки. И через пять минут в соседней квартире стояла отличная растяжка в прихожей. Вся квартира была завалена хламом и мусором, так что замаскировать растяжку труда не составило. Забив дверь парой гвоздей, отнёс в квартиру инструмент. Взял помповое ружьё, повесил на другое плечо, ухватил пару блоков сигарет и три новёхоньких ведра, два оцинкованных и одно эмалированное. Тщательно запер квартиру на оба замка и ринулся вниз.

Выйдя на улицу, положил помповик и ведра на тележку. Туда же бросил и сигареты. И увидел, как жадно проводил их взглядом Алексеич. Не говоря ни слова, вытащил из тележки один блок и протянул деду. Тот схватил блок обеими руками и нарушил молчание:

- Вот спасибо, так спасибо! Уважил старика! Знаю, что бросать придётся, но пока никак. Буду хоть по одной сигаретке в день выкуривать.

Я полез в карман камуфляжки и протянул тётя Варя пакетика с семенами.

- Тут пара моркови, пара свёклы, кабачки, лук, чеснок. Вскопайте грядки и посадите. Лопаты найдутся? Ну, и отлично. В здешнем климате всё моментом прорастёт. Если поливать водой из речки.

Потом протянул два пакетика Алексеичу:

- Вскопай отдельную грядку и посади. Когда вырастет - высушишь, нарежешь. А уж газеты найдутся.

- Семена табака,- прочёл Алексеич на пакетиках,- ну, теперь не пропаду. Прям, благодетельствовал.

- Это вам за то, что Наташу охраняли.

Тётя Варя вздохнула:

- Эти гады у нас весь урожай выкопают.

- А вы им скажите, что, если хоть одну морковку тронут, перестреляю всех, к чёртовой матери! Я тут пока каждый день буду бывать.

- А тигр?

- Займусь. Если не сегодня, то завтра точно грохну.

- Вооружился-то ты по полной,- показал на помповик Алексеич,- и чего бы мы без тебя делали? Ходили бы под этими урками. Они же на второй день с пистолетом по всем квартирам прошли и у всех весь сахар и все дрожжи конфисковали. Самогон им варить надо было. Отварились,

слава Богу.

- Ладно, счастливо вам оставаться. Завтра, может, и не приду, тигра буду гонять. Но послезавтра-то точно придём. Пойдём, Наталья,- и , сняв карабин с предохранителя, взялся за ручки тележки. И тут в полуметре от меня об асфальт со звоном разлетелась пустая литровая бутылка из-под водки. Отпустив тележку, я отпрыгнул в сторону, сдёргивая карабин с плеча. Кто кинул бутылку, я увидеть не успел, а вот какое окно только что закрылось, заметил. И пустил туда пару пуль, высадив всё стекло.

Открыв сумку, вынул пачку патронов и дозарядил магазин. Заодно, достав другую пачку, зарядил картечью помповое ружьё.

- Всё, нам пора. До свидания,- и мы тронулись в путь.

- Пойдите! Погодите!- раздался сзади пронзительный девичий вопль. Я опять стащил с плеча карабин, поворачиваясь назад. К нам бежала длинноногая девчонка с сумкой в руке. Добежав до нас, она с шумом выдохнула воздух:

- Уф-ф! Успела! Возьмите меня с собой. Сейчас, когда Наташка уйдёт, я следующая на очереди. Эти сволочи меня в покое не оставят.

- Лариса, тебе же всего пятнадцать,- удивилась Наташа.

- И что? Думаешь, это их остановит? Вчера приставал один: "Титьки у тебя пока маловаты, но между ног-то уже и волосня выросла". Еле отбилась. Хорошо бабушка Тома вышла из своей квартиры и давай кричать: " Не трожь ребёнка, скотина!". А напьются все, так точно на хор поставят, как Аллу.

- А мать-то в курсе?- спросила тётя Варя.

- Ага, в курсе... Она не в курсе, а в ракурсе. Они как увидели, что урок пристрелили, сразу дверь у них взломали и принялись, не отходя от кассы, самогон глушить. Возьмите меня, я готовить хорошо умею.

Наташа вопросительно посмотрела на меня, тебе, дескать, решать.

- Ну, если хорошо умеешь, поваром возьмём. Не пропадать же человеку. Клади сумку на тележку, вот сюда, сбоку.

Счастливая Лариса положила сумку, захлопала в ладоши и в порыве радости чмокнула Наташу в щёку.

- Блин, попаду я сегодня на поляну или нет,- пробурчал я.- До свидания, мы ушли, наконец.

Когда дотолкал тележку до воды, велел Наташе и Ларисе:

- Дальше катите сами. Каждой по одной ручке. А я буду вас от тигра охранять,- и снял "Сайгу" с плеча.

Девушки безропотно покатали тележку. Вдвоём было не очень удобно, и они стали катить по очереди. Дошли до поляны, на удивление, довольно быстро, меньше, чем за три часа. Увидев изгородь, они восхитились:

- Ты сам это построил? Здорово!- сказала Наташа. Лариса была экспрессивнее:

- Фига се! Вот это защитка! Сюда никакой тигр не пролезет!

- Сегодня ночью пробовал. Ничего у него не получилось,- подтвердил я, открывая ворота.

Зашли в ограду, ворота я закрыл, но запирать не стал. Разгрузил тележку, вскрыл коробку. Кастрюля с курятиной стояла в большей кастрюле с холодной водой из родника. Обе кастрюли стояли под палаткой так, что солнечные лучи туда достанут только к вечеру. Я посмотрел на часы. Была только половина первого. Быстро достал плитку, открыл баллон, зажёл конфорки, поставив на самый маленький огонь. Спросил Ларису:

- Газом пользоваться умеешь (в нашем доме стояли электроплиты)?

Она кивнула:

- Мы раньше в квартире с газом жили.

- Ну, и отлично. В кастрюле - куриная грудка. Мясо можно пожарить на сковороде, вот масло. Бульон можно на суп пустить, можно так выпить. Здесь посуда, здесь соль и сахар. Мне некогда, я пойду тигра искать. Пить захотите, вода в пятилитровой бутылке и в чайнике кипячёная. Пакет сока в коробке. Там же галеты, вместо хлеба. Так, Наталья, "Макаров" вот так ставится на предохранитель, вот так снимается с него. Помпуха с предохранителя снята, там шесть картечных патронов. Цевьё вот так дёргаешь, происходит перезарядка. Учти, отдача очень сильная, приклад плотнее к плечу прижимай. С оружием не играйте, не балуйтесь. Я уйду, закроете ворота на крюк. За ограду ни ногой. Всё поняли?

- Всё,- ответили слитно.

Не тратя времени, я стал собираться. Снарядил оба магазина, двадцать первый патрон был в патроннике. Запасной магазин положил не в набедренный карман, а в боковой на куртке. Поставил на "Сайгу" оптику, в карман сунул ПБС. На поясе фляжка с водой и "Тайга". На шее висит бинокль. Всё, можно идти.

- Я пошёл,- объявил девчонкам.

- Ага,- ответила Лариса, колдуя у плитки. Наталья встала, порывисто шагнула ко мне, положила обе руки мне на плечи, и ткнулась в мои губы полными свежими губами.

- Удачи тебе,- и покраснела. Да, голубушка, целуешься-то ты, как пятиклассница.

- Запри ворота за мной.

Вытащил столб из ямы, вышел за ограду, поставил столб на место. Наташа воткнула крюк в кольцо и помахала рукой.

Я взобрался на скалу и пошёл по гребню хребта. Взгляд провожал меня. Обернулся, и Наташа опять помахала мне. Всё, вперёд! Не до сантиментов. На охоту на страшного хищника вышел, не на прогулку.

По моим прикидкам, тигр не мог находиться очень уж далеко. Хуже всего, если логово спрятано в зарослях джунглей, там его не увидишь. Пройдя по гребню хребта метров триста, я останавливался, и внимательнейшим образом разглядывал окрестности в бинокль. И слева, на

всякий случай, и справа от хребта. До рези в глазах вглядывался в зелёную стену джунглей, вдруг что-то да промелькнёт. Порхали с ветки на ветку птицы, прошёл выводок поросят с мамашей во главе. Отлично, свининка будет. Но сейчас не до неё.

Прошёл примерно два километра, когда увидел в бинокль обширную проплешину среди джунглей, примыкавшую к горам. И через полкилометра узрел. Вот, вот оно! Маленькое, полосатенькое лежало в тени деревьев. Это мне в награду за бурно проведённое утро.

Дальше двигался осторожно. Не дай Бог, поскользнусь, и из-под ног посыплются вниз камни. Спугнуть нельзя. Ветер благоприятствует - дует в мою сторону. Теперь видел тигра и без бинокля. По мере моего приближения к проплешине, зверь вырастал в размерах. Сначала я передвигался пригнувшись. Затем лёг и пополз по-пластунски. Чёрт! Вниз тянулась каменная осыпь, и была она почти напротив тигра. Он по ней и до гребня хребта доскакать может. Я полз по осыпи совсем медленно, молясь про себя, чтобы тигр не вскочил и не убежал куда-нибудь. Но, у зверюги, похоже, была сиеста.

Наконец-то я на огневой позиции. "Сайгу" я снял с предохранителя ещё тогда, когда только увидел тигра вдалеке. И тут к тигру подошла тигрица. У неё было, по-видимому, игривое настроение. Она прыгала возле тигра, ластилась к нему. Его же, одолевала лень. Тигрица обиделась и отошла от него прочь. Вам это ничего не напоминает?

Тигрица подошла к окровавленным останкам несчастной Наташиной матери и нехотя принялась насыщаться. Я достал из кармана ПБС и одел на дуло карабина. Хотя из-за глушителя убойная сила пули слабеет, но я не успею быстро перевести прицел с одного зверя на другого. Подвёл перекрестье нитей прицела чуть правее и чуть выше глаза. Примерно на височную область. Задержав дыхание, как учили, плавно потянул на себя спуск. Раздался щелчок, приклад толкнул в плечо. Времени на тщательное прицеливание в тигрицу не было. (После выстрела она застыла, подняв голову). Просто навёл прицел в область головы и два раза подряд нажал на спуск. Потом ещё пару пуль выпустил в тело. Тигрица упала и не шевелилась. Тигр тоже был неподвижен. А со стороны хребта выкатились два полосатых комочка.

Только тигрят мне и не хватало. Они подбежали к тигрице и принялись её тормозить. Старательно прицеливаясь через оптику, я застрелил обоих. Для верности выпустил ещё пулю в живот тигра. В магазине оставалось четыре патрона, и я сменил его на полный. Спустился, точнее, съехал по осыпи на поляну, на ходу снимая с "Сайги" глушитель. Загнал патрон в ствол. Подошёл к тигру. Метил я ему в висок, а попал прямо в глаз. Но контрольный выстрел никогда не помешает. Вставил ствол в ухо, выстрелил. Затем ту же операцию проделал и с тигрицей, и с тигрятами. Теперь все четверо были мертвее мёртвого.

От Люды Петренко остались две ноги, чуть выше колена и обглоданный до половины череп. И тут меня вывернуло наизнанку. Хорошо, хоть не обедал. Чашка кофе и кусок холодной курятины утром. Желудок был пустой, так что рвотный позыв быстро прошёл.

У подножия хребта была пещера. В ней тигры и обитали. На всякий случай, выпустил в тёмный зев пещеры пару пуль. Но оттуда никто не появился.

В каждом из магазинов оставалось по четыре патрона, и я снарядил один из них восемью патронами. Пустой магазин сунул в набедренный карман. Движением, ставшим уже привычным, загнал патрон в патронник и поставил карабин на предохранитель. Теперь предстояла нелёгкая обязанность. И берцами, и руками я вырыл в осыпи яму. Сложил туда человеческие останки, засыпал мелкими камнями и сверху нагрёб небольшой холмик из камней. Воткнул в щель между камнями толстую засохшую ветку, бормотнул: "Покойся с

миром", - и полез по осыпи наверх, на хребет.

Отойдя с километр, уселся на большой гладкий камень, нагретый солнцем. Глотнул воды из фляжки и жадно выкурил две сигареты подряд. Внутри меня царилла пустота. Сегодня я впервые в жизни убил человека, даже двоих. Меня качественно учили убивать. И в психологическом плане тоже. Да и не люди это были. Но, всё же...

И зверей было жалко. Не повезло им, оказались на этом чёртовом острове. Тут уж вступило в силу правило: "Или ты, или тебя". Я вынужден был их убить. Тигрят тоже. Они ведь выросли бы. Закурил третью сигарету и медленно побрёл к моей поляне. Теперь, уже к нашей. Докурив сигарету, перешёл на быстрый шаг. Мельком глянул на часы. Половина пятого. Всего-то три с половиной часа прошло. А, как будто, целую жизнь прожил.

#### Глава IV

Если пахнет дымом...

Увидев, как я спускаюсь с хребта, девчонки завизжали и запрыгали от радости. Приятно, что меня ждали, меня встречают. Наталья откинула крюк на воротах и открыла их. Я вошёл в ограду, и она заперла ворота за мной опять на крюк. Не говоря ни слова, я снял с шеи бинокль, с плеча карабин и бережно положил их на траву. ПБС и пустой магазин кинул рядом. Подошёл к коробке, которую мы сегодня привезли из дома, достал оттуда плитку шоколада и бутылку с коньяком. Не дагестанская "палёнка", а настоящий мартель.

Вынув пробку, хлебнул прямо из горлышка. Сел на траву по-турецки. Открыл шоколад и отломил одну полоску. Сунув в рот сладкий квадратик, разжевал его и сделал ещё солидный глоток "конины". Протянул всю оставшуюся плитку Ларисе:

- Подсластитесь, девочки,- приложился к бутылке третий раз и закурил сигарету. Пожалуй, пока хватит. Дела на сегодня ещё были.

Девчонки, разломив шоколадку напополам, жевали, жмурясь от удовольствия.

- Есть будешь?- тихим, ласковым голосом спросила Лариса и, не дожидаясь ответа, пошла к плитке. Нет, всё-таки молодцы девушки. С дурацкими вопросами не лезут, не беспокоят понапрасну. Видят, что пришёл я малость не в себе. Отойду, всё сам расскажу. Чуткие, одним словом.

Передо мной, по-прежнему сидящим на траве, как по мановению волшебной палочки возник натюрморт. В глубокой тарелке, стоящей на некоем подобии скатерти, дымился куриный суп. Как полагается, с картошечкой, морковкой, луком и кусочками куриной грудки. Горкой лежали галеты. Стояла кружка с яблочным соком. Только я дохлебал вкусный супчик, Наташа забрала пустую тарелку, а Лариса поставила следующую. На ней лежал кусок обжаренного куриного мяса в окружении макарон. Всё было сверху полито подливкой.

Доев подчистую всю вкуснятину, выпил яблочный сок, и скатёрка исчезла. Вместо неё подставили импровизированную пепельницу из консервной банки. Сервис был на высоте и, закурив, я смог, наконец, улыбнуться.

- Спасибо огромное. Обед был замечательный.

Девчонки просияли, особенно, Лариса.

- Я старалась. Убил тигра?

- Убил. И тигра, и тигрицу, и тигрят.

Лариса ахнула:

- А тигрят-то за что?

- За то, что вырастут и начнут на людей охотиться.

- А с мамой моей, что?- осторожно спросила Наташа.

- Съели. Что осталось, я похоронил.

Она закрыла лицо ладонями и отошла в сторону. Лариса, выждав некоторое время (действительно, в чуткости не откажешь), подошла к ней сзади и принялась гладить по голове. Я встал, взял оба оцинкованных ведра и пошёл к роднику за водой. В квартире у меня лежат полипропиленовые трубы, надо будет провести воду за ограду, чтобы не выходить.

Принеся вёдра с водой в ограду, взял эмалированное ведро и пустой рюкзак.

Ведро поставил под струю воды, а в рюкзак напихал камней. Еле доволоч.

Камни выложил кругом, обозначив место для костра. Вёдра поставил на самый солнцепёк, чтобы вода в них хоть немного нагрелась. Взял "Гускварну", заглянул в бачок. Полбачка есть, должно хватить. Вышел с пилой за изгородь, закрыл за собой ворота. У самых скал стояло старое, засохшее дерево. Я его спилил. Внутри оказалось не гнилым, что и требовалось. Спилит второе дерево, самое близкое к изгороди. Деревья подтащил к воротам, отпилил сучья. На засохшем дереве отпиливал, как попало. На свежем, тщательно, но так, чтобы выступали на несколько сантиметров. Старое дерево распилит на чурбачки. Открыл ворота, перекидал в ограду чурки, сучья, верхушки деревьев. Распилит свежее дерево напополам. Чурбачки и сухие ветки отнёс к будущему кострищу и взялся за топор. Затесал оба, получившихся у меня, столба и вкопал их в землю. Там где сучьев было мало, вбил в столбы гвозди. И стал развешивать на обоих столбах кухонную утварь: кастрюли, сковородки. На гвозди даже кружки одевались за ручки.

- Здорово придумал!- Лариска подскочила помогать. Вскоре вся посуда цивилизованно была повешена на столбы.

Вбил у кострища рогатки, положил поперёк палку, проверил на прочность. Пожалуй, даже пару вёдер выдержит. На кучу хвороста уложил пару чурбачков и разжёг костёр. Над поляной поплыл дымок, запахло горящим деревом. Повесил над костром одно оцинкованное ведро с водой. Пожалел, что не все вёдра сразу забрал. Ладно, завтра исправим ошибку.

Девчонки уже уселись у костра.

- Если пахнет дымом, значит, пахнет домом,- провозгласила Наталья.

- И дом вам сейчас поставлю,- сказал я, берясь за польскую палатку. Девушки хотели помочь, но я их отогнал - только мешать будем друг другу, один управлюсь. Через полчаса польская двухслойная четырёхместка с навесом и тамбуром была установлена входом к костру. Но на

положенном удалении от огня. В палатку закинул два туристических пенополивиниловых коврика и Наташин плед, на всякий случай. Это я ночью не мёрзну, вдруг девчонкам холодно будет.

Налил воды в чайник, тоже повесил на огонь. Чайку хлебнуть на ночь не помешает, почти восемь часов. Часа через полтора стемнеет. Потихоньку подбрасывал хворост в костёр. Сучья, оставшиеся после строительства ограды, уже подсохли, и хвороста была огромная куча. Впрочем, и сухие чурки горели неплохо. Когда вода в ведре начала закипать, я одел на руку сварщицкую перчатку и безболезненно снял ведро с костра. Поставил все три ведра рядом, положил в ведра два ковшика. Скомандовал:

- Девчонки, раздевайтесь донага и мойтесь. Подглядывать не буду. Только волосы не надо мочить. И воды мало, и стемнеет скоро. Полотенца есть?

- Я два взяла с собой. Одно - мне, второе - Лариске. А тебе воду оставлять?

- Вам двоим-то еле хватит. Завтра ещё ведер принесём, тогда всю грязь с себя и смою. А до завтра похожу зачуханный,- только сейчас я подумал, что хожу уже пять дней невымытый. При этом потел ведь, как чёрт. Но только утром у родника умывался. За всеми хлопотами не до гигиены было. Ничего, ещё пара-тройка дней и жизнь войдёт в спокойное русло. Обживёмся, вещи перенесём.

За моей спиной, метрах в двадцати от палаток, повизгивали девчонки, поливая себя тёплой водой. Наташа даже мыло и губку из дома прихватила. Так что вымылись они на славу. Я успел заварить чай, почистить и смазать "Сайгу", набить патронами магазины и выкурить сигарету, когда они подсели к костру с розовыми после мытья лицами, с чуть мокрыми волосами.

- Как заново на свет родилась,- изрекла Наталья.

- Замечательно,- подхватила Лариса,- какой всё-таки Вова у нас заботливый.

- Чего уж там,- слегка смутился я.

- Вы не представляете себе, как я рада, что вы меня взяли с собой. Сидела бы сейчас, пьяные стенания мамы слушала: "Ой, Ларисёночек, чем же я завтра тебя кормить буду? Ой, и когда же всё это прекратится?". А у самой полхолодильника водкой забито. "Это наша жидкая валюта. С ней-то мы не пропадём." Ага, ты, может и не пропадёшь, выпьешь пару стопок, тебе и весело. А из еды осталось четыре картофелины и одна морковка. Да пригоршня пшена. Через пару дней - зубы на полку. Если бы вы от меня отказались, дня через три в море бы утопилась.

- Прекрати, все твои беды позади. С нами не пропадёшь. Кстати, в море не вздумайте соваться, даже по колено. Чёрт его знает, кто там в воде.

Это я неудачно сказал. Наталья сразу вспомнила утонувшего отца и погибшую мать. Слезы побежали по щекам. Да оно и понятно, за пять дней потерять обоих родителей. Торопливо стал разливать чай по кружкам, достал печенье. Лариса утешала Наташу, как могла.

Солнце ушло за деревья. Длинные тени легли от джунглей на поляну. Наступили вечерние сумерки. Ни малейшего дуновения ветерка. Никаких гадов летучих. Полная тишина. Только в траве тихо стрекочут какие-то насекомые.

Девчонки грызли печенье, запивая горячим сладким чаем. Наталья перестала плакать, и на

лицах у обоих было написано умиротворение.

- Благодать-то какая,- вздохнула Наташа,- в доме вечером темно, страшно. А здесь... Прямо, душа отдыхает.

- На сто процентов согласна,- поддержала её Лариса,- так бы и сидела всю ночь у костра, балдела.

- Не балдела, а наслаждалась,- строго поправила её Наташа,- мы с Володей матом не ругаемся, бомжовский сленг не употребляем.

- Бомжовский, чего?

- Сленг, ну, словечки всякие жаргонные: прибалдеть, тащиться, торчать, отпадно, клёво, по кайфу и так далее.

- Воспитывать будете?

- Нет, назад к маме отправим,- решил я быть в этом вопросе солидарным с Натальей.

- Только не к маме!- ахнула Лариса,- постараюсь говорить, как надо, но вы меня поправляйте, если что. Что делать, жизнь у меня раньше не очень-то клё... ой, не очень-то хорошей была.

Посмеялись над поправкой. Пора, наверное, и укладываться, вот-вот совсем стемнеет.

- Так, как водится, писать перед сном девочкам налево, мальчикам направо. Потом отбой. Вам ещё обустроиться надо в палатке. Скоро темень наступит, а аккумуляторы в фонарях я берегу. Ни комаров, ни москитов здесь нет, даже мух нет. В этом плане - рай. Костер заливать не буду, пускай прогорает. Ветра нет, искры не летят, пожара не будет. Я тоже, выкурю сигарету, и спать лягу.

Проснулся, как только рассвело. Вчера, когда девчонки ушли в палатку, я перед сном принял ещё коньячку граммов несколько. Чтобы совесть не мучала, когда засыпать буду. Но от хорошего коньяка, в количествах разумных, наутро никакой абстиненции нет. Бодро подскочил, принялся разжигать костёр. Пока он разгорался, сходил на родник за водой. Заодно и умылся. Налил в чайник воды, поставил кипятиться. Чем завтракать будем? Хорошо было в той, "докатастрофной" жизни: залез поутру в холодильник, достал масло, сыр, колбасу, состряпал пару бутербродов и нет проблем. А ещё можно было их в микроволновку засунуть. Вообще, чудесно!

Ну, на безрыбье, и консервы -рыба. И я выудил из коробки три банки сайры бланшированной, пачку галет. Ещё оставалась пачка печенья к кофе. В польской палатке открыли тамбур. Из палатки вылезла Лариса и сладко потянулась. Была она в длинной футболке, очевидно заменявшей ей ночнушку. Подойдя ко мне со спины, она обвила горячими, нежными руками мою шею и прошептала на ухо, щекоча скулу волосами:

- Повариха должна вставать самой первой и готовить всем завтрак. Куда в такую рань поднялся?

Я показал ей на банки с консервами, и ответил, тоже шёпотом:

- Полминуты работы консервным ножом и завтрак готов. Сегодня привезём продукты, и завтра

утром буду спать, пока на завтрак не позовёшь.

Чайник закипел. Я сделал себе кофе и вопросительно посмотрел на Ларису.

- Я чаю поплюю, заварка вчерашняя ещё ничего. Не привыкла я к кофе. А маман моя напитки признаёт только горячительные.

Говорила Лариса совсем тихонько. Но из палатки на четвереньках стала выползать Наталья. Вырез у неё на ночной рубашке был большим, а ткань, повинувшись закону земного тяготения, отвисла вниз. Я поспешно отвёл глаза от открывшегося моему взору чудесного зрелища. Взял третью банку консервов и тоже открыл.

- Умыться можете из ведра, чтобы к роднику не ползти. Тем более, на четвереньках.

Лариса засмеялась, а улыбающаяся Наташа встала на ноги и тоже потянулась, разводя руки в стороны. Тонкая ткань натянулась, обозначив крошечные соски. Я озверел. Дразнится, что ли?! А она ещё и облизнула полные губы язычком. Я же не монах-скопец!

- Марш в палатку! И оденься во что-нибудь попримечнее!

Наташа повернулась к нам спиной, опять опустилась на четвереньки и поползла в палатку. Лариса уже не смеялась, а хохотала. Потому, как коротенькая Наташина рубашка совершенно не прикрывала ничего сзади. А трусиков не было. И не мог я никак взгляд оторвать от девушки.

- И к маме-то её не отправишь, потому что мамы нет,- шепнула Лариса мне и пошла к ведру с водой, умываться. Через пару минут из палатки показалась чуть смущённая Наталья в белой футболке и в шортах. Я показал ей кулак. Она, покачивая бёдрами, пошла за палатку. Шорты обтягивали круглую попку. Ох, похоже, трудноато мне придётся в плане соблюдения целибата.

Девчонки позавтракали. Я покуривал, допивая кофе.

- Сегодня нам предстоит топтать ножками весь день. Надо два рейса сделать, а это - почти одиннадцать часов ходьбы. Так что, обувайте кроссовки, боевые подруги, и на крыло.

## Глава V

Скучные бытовые хлопоты.

Вышли мы с поляны в половине седьмого утра. И уже в десять минут девятого были возле дома. Оставив Наташу внизу с помповым ружьём и пистолетом охранять тележку, я и Лариса поднялись наверх. Дверь в соседнюю квартиру была приоткрыта и из неё торчали чьи-то ноги.

- Пьяный?- спросила Лариса. Не отвечая, я открыл дверь квартиры. На двери виднелись следы от удара ломом. Но остались только небольшие вмятины, даже сам стальной лист не повело. Хорошо, что в замочные скважины не били. Если бы смяли так, что и ключ не вставить, пришлось бы на поляну за инструментом возвращаться.

Войдя в квартиру, усадил Ларису на диван, а сам пошёл в соседнюю квартиру. Распахнул дверь в неё. Рядом с трупом валялся лом. Отставив его в сторону, взял труп за ноги и протащил из прихожей на кухню. Открыв окно, взвалил неудачливого грабителя на подоконник и сбросил вниз. Тело глухо шлёпнулось на траву позади дома. Потом заглянул в соседскую ванную комнату. Что ж, ванна довольно в приличном состоянии, эмаль не отбита. Но это на потом, скорее всего на завтра. А, может, и на послезавтра. Дверь в соседнюю квартиру забил всего одним гвоздём. После того, как сработала растяжка, желающие залезть сюда найдутся не скоро.

Хозяйственно прихватив лом, внёс его в свою ванную комнату и положил на пол. Ухватил из ванной мочалку, пару кусков туалетного мыла, бритву с помазком, зубную щётку с зубной пастой, шампунь и гель для душа. Всё это сложил в пакет и засунул в сумку. В сумку же положил три больших полотенца и пару маленьких. Скатерть, плед, пару комплектов постельного белья. Сумку застегнул. Вытащил из чулана полиэтиленовую упаковку с килограммовыми пакетами муки. Ещё одну упаковку с литровыми бутылками постного масла. Коробка со сгущёнкой. Ещё коробка - с банками концентрированного молока без сахара. Коробка с пакетами гречки. Оставил гречи только треть, остальное заполнил пакетами с рисом и пшеном. Коробка с пакетами макарон. Переложил так, чтобы были и рожки, и вермишель, и спагетти. В пустую коробку положил пачки галет, банки с кабачковой икрой, маленькие банки с томатной пастой, с консервированными салатами, с ананасами и кружочками, и ломтиками. Пару банок компота, вишнёвого и сливового. Джем абрикосовый, печенье, пару килограммов сахарного песка.

Вспомнил про вчерашний суп, прошёл на кухню, выдвинул ящик из-под электроплиты. Там у меня лежала картошка, пара морковок, с килограмм лука.

Из опустевшего холодильника вынул три головки чеснока. И ещё память озарило. Хорошо, они долго не портятся, а купил совсем недавно. Бережно вынул картонную упаковку с десятком яиц. Ведь напрочь про них забыл.

Сложил все овощи и яйца в коробку. Наверное, и хватит. Нет, возьму ещё коробку с рыбными консервами. Подумав, решил, что быстрее всё перетащу, если дверь не запирает. Оставил Ларису в квартире, сторожить наше богатство, а сам принялся с коробками скакать по лестнице вниз. Складывал всё на лавочку, возле тележки, чтобы потом уложить покомпактнее. Последними вынес шесть оцинкованных вёдер и одно эмалированное.

Ещё не было девяти, когда мы тронулись в обратный путь. С грузом шли не так быстро, но всё же в половине двенадцатого очутились на поляне. Разгрузив тележку, я пять раз сходил на родник, наполнив все вёдра водой. Все поставил на солнце, греться.

- Лара, ты останешься, обед готовить, а мы с Натальей ещё раз до дома прогуляемся. Помповик тебе оставим и на замок изгородь закроем,- утром я потратил десять минут, обучая девчонок заряжать и перезаряжать помповое ружьё.- Посмотришь по продуктам, что сварганить можно. Кроме того, что мы сегодня привезли, вон там лежат банки с тушёной.

Утрамбованный песок у моря тянулся узкой полоской. Если идти по нему рядом, даже вдвоём, то один из идущих одной ногой вязнет в рыхлом песке. Поэтому мы передвигались всегда друг за другом, в затылок. Вот и сейчас впереди меня шла Наташа, я вслед за ней катил пустую тележку. На песке никаких препятствий не попадалось, под ноги можно было не смотреть. И никак не получалось у меня отвести глаза в сторону от девичьей фигуры, двигавшейся легко и

грациозно.

- Наталья,- окликнул я её.

- Аюшки,- остановилась она, поворачиваясь ко мне.

- Давай ты сзади пойдёшь. А то я боюсь тебя по ногам тележкой стукнуть. Вот и торможу.

- Ну, хорошо,- покорно согласилась она, подходя ко мне. А под футболкой-то ничего нет, и ткань приподнимают два маленьких бугорка.

- Только мне кажется, что причина вовсе и не в тележке. Я же не совсем чурка бесчувственная и этот взгляд на себе ощущаю.

- Какой этот?

- И ласковый, и жаждущий. А ещё ты мною любишься.

- Наташ, иди сзади. На поляну вернёмся, поговорим.

- На поляне Лариска, там об этом не поговоришь. Володя, ты ведь меня хочешь?

- Деточка, ты ещё малолеточка...

- Мне через три месяца восемнадцать исполнится. Между прочим, ты мне нравился ещё тогда, когда мы не на острове были. Только ты меня упорно не замечал.

- Вообще-то замечал, но видел, что ты ещё с портфельчиком в школу бегаешь...

- Так я уже одиннадцатый класс заканчивала. Значит, замечал?

- Не слепой же я. Такую красоту нельзя не заметить.

Она запрыгала и захлопала в ладоши:- Володенька!- и обвила руками мою шею, прильнув ко мне. Губы потянулись к моим губам.

- Наташка,- взмолился я, но было поздно. Когда свежие пухлые губы прижались ко рту, говорить уже не получалось, можно было только мычать. Но я же не корова. Оттолкнув от себя тележку, обнял Наташу и ответил на её неумелый поцелуй. Восхитительная в своей упругой подвижности, полная высокая грудь всё крепче прижималась к моей груди. Но безумства не произошло, голова не закружилась, трезвая мысль одержала победу над вспышкой страсти. И, едва коснувшись языком нежного язычка девушки, я разжал объятия и сделал шаг назад. Немая пауза, удивление в огромных серых глазах. И задрожали губы от обиды. Шагнув к ней, погладил по голове:

- Не обижайся и не сердись, малышка моя. Ну, нет у нас сейчас времени на ласки. Столько ещё сделать предстоит, прежде чем более-менее нормальной жизнью заживём. Всё хорошее у нас с тобой ещё впереди,- и поцеловал её в шею.

На Наташином лице появилась слабая улыбка. Подхватив ручки тележки, я двинулся вперёд. Возле подъезда дома отдал Наташе карабин:

- Патрон в стволе, с предохранителя снят. Просто давишь на курок. Перезарядка автоматическая.

Взбежал на пятый этаж. Дверь соседней квартиры по-прежнему заколочена. Посягательства, похоже, прекратились. В этот раз еды почти не брал. Зато в тележку улеглась армейская десятиместная палатка, два больших десятилитровых баллона с газом для плитки, полипропиленовые трубы. Понакидал в небольшую сумку всякой мелочи, вроде отвёртки, пассатижей, разнокалиберных гвоздей.

Когда, заперев дверь квартиры, вышел на улицу, Наташа болтала с Алексеичем. Поздоровавшись со мной, Алексеич поблагодарил меня от имени всего дома за избавление от тигриного семейства.

- Огород вчера вскопали и засадили. И табак посадил. Полили качественно. У нас дедов-то крепких всего двое, я да Петрович. Эдуард Михалыч - тот интеллигент, лопатой сразу мозоли натёр, Василич - хворый совсем, вечно неможется ему. Но старушки-то крепкие, копали, будь здоров! А сегодня пошёл на грядки взглянуть, а там уже ростки пробиваются. Мать честная!

- Климат тут благодатный,- согласился я с ним,- быстро всё вырастет. Вы, только всё подчистую не съедайте, на следующую посадку оставьте. С семенами у меня не густо. И ещё, поставьте колья вокруг грядок и проволоку протяните. Я тут в лесу диких свиней видел. Они ваш урожай ночью весь схрупают.

- Проволоку найдём. А как всё подрастёт, так и дежурить будем. Тигра теперь нет, не страшно.

- А вы ещё ямы-ловушки возле огорода выкопайте,- посоветовал я ему,- сами только в них не свалитесь, травматолога тут нет. Повезёт, так и свининкой разживётесь.

- Спасибо за мысль дельную. Сегодня же и выкопаю, да ветками прикрою. И наших всех предупрежу. Что-то вроде артели пенсионеров у нас организовалось. Вместе легче продержаться.

- Это, безусловно. А ты, Алексеич, председатель этой артели. Пистолет в руках держать доводилось?

- Так срочную в разведроту отслужил. Из всего пуляли, что стреляет.

- Тогда вот тебе "Макаров". Всего шесть патронов, правда. Чисти, смазывай, в руки никому не давай. Патрон в ствол загнал, на предохранитель поставил и спрятал куда-нибудь под рубашку. Какая-никакая, а оборона.

- Уж и не знаю, как благодарить. Крепко ты нас выручаешь. Повезло нам, что человек ты хороший.

- Не перехвали. Обычный я человек. Но человек, а не скотина. Пора нам идти. Ещё десять километров по жаре топтать.

Наташа, отдав мне карабин, вынула из кармана шортов ключ:

- Мне в мою квартиру заглянуть надо.

- Ну, пойдём,- снял "Сайгу" с плеча,- Алексеич посторожит пока наше барахло.

- Идите, я тут пока покурю на лавочке. Теперь с пистолетом-то любого пакостника шугану.

- Кстати, Алексеич, насчёт пакостников: за домом труп валяется, надо бы его в море закинуть.

Ты попроси мужиков. А то завоняет на жаре. Хотел тут один в мою квартиру, через соседнюю, забраться. А у меня там растяжка стояла.

- Слышали мы ночью взрыв. Но со сна ничего не разберёшь, где грохнуло, что грохнуло. Мало ли, самогонный аппарат рванул. Ясно, довыделывался кто-то.

Дверь Наталье открывать не пришлось, она была выломана. В квартире пошуровали, раскидав вещи.

- Вот, гады,- ругнулась Наташа, без особой злобы. То, что ей надо было, не унесли, она быстро побросала всё в маленькую сумочку и повесила её на плечо.

- Всё, можем идти.

Попрощавшись с Алексеичем, пошли обратной дорогой. Пройдя примерно половину дороги, я оглянулся на Наталью. Она шла мрачная, опустив голову. Отпустив ручки тележки, шагнул к ней. Отодвинув в стороны пряди волос, взял её лицо в ладони и пропел, фальшивя (увы, нет у меня вокальных талантов):

- Рыбка, рыбка, где твоя улыбка,

Полная задора и огня?

Самая жестокая ошибка, рыбка,

То, что ты не смотришь на меня.

Потянулся к девичьим губам. При этом стоял я спиной к морю, а Наташа - лицом. В глазах её вдруг появился неподдельный ужас. Она отшатнулась от меня, попятилась, споткнулась. Усевшись на песок со всего маху, принялась отползать назад, в сторону леса. Я не задавал ей глупых вопросов, а, срывая с плеча карабин, обернулся к морю.

Метрах в двадцати от берега из воды торчала огромная пасть, усеянная зубами. Такая и слона перекусит играючи. В маленьких глазках светилась злоба. Но мелководье не позволяло твари подобраться вплотную к берегу. Поэтому она повернулась к нам спиной и ушла в море, хлопнув по воде чем-то вроде хвоста.

- Э-э-это ч-ч-что было?

- Не что, а кто. Какая-то акула местная.

- Это она моего папу слопала?

- Вполне возможно. Вставай. На берегу она нас не достанет.

- А не может она на берег выбраться?- отряхивала с себя песок Наталья.

- Если бы могла, полезла бы. Я ведь, сколько ни хожу по берегу, никаких следов на песке со стороны моря не видел. А вот в воду категорически нельзя.

- Понятно.

Соперницы.

Ещё на подходе к поляне, плыли в воздухе аппетитные запахи и в желудке сразу заурчало. Суп из тушёнки и макароны по-флотски были выше всяких похвал. Лариса сияла, глядя, как мы уминаем её стряпню. Попив чаю и перекурив, взялся за лопату.

Когда вкапывал столбы для ограды, тогда понял, что огородничество будет делом нелёгким. Да и Алексеич жаловался: "Почва-то благодатная, но пока дёрн снимешь - семь потов сойдёт". Вот и моя спина вскоре заблестела от пота. Лопатой я нарезал дёрн на квадраты, поднимал их, обнажая землю. Брал дёрн руками и складывал в штабель, далеко в стороне.

Девчонки сначала порывались мне помочь, но я им объяснил, что лопата всего одна, да и не женское это дело, только мозолей им на руках не хватало.

Всё же, без дела они сидеть не хотели. Наталья затеяла постирушку. В полевых условиях это несколько отличалось от забрасывания белья в стиральную машину. Однако, Наташа справилась. Теперь на шпагате, натянутом между палатками сохли девичьи футболки, трусики, всё моё бельё, просолившееся за истекшую неделю.

Лариса занялась картофельными очистками, готовя их к посадке. И даже не побрезговала покопаться в помойке, куда я, по недомыслию, выкинул партию картофельной шелухи.

До заката успел перекопать землю. Заканчивал уже в полутьме, при отблесках пламени костра, разожженного Ларисой. Один-единственный перекур пришлось устроить, когда девушки мылись, поливая друг друга ковшиками из ведер, нагретых на солнце. Они ничего мне не объявляли. Переворачивая лопатой очередной пласт земли, я увидел два обнажённых тела, пританцовывающих среди блестящих оцинкованных ёмкостей. Так и застыл, не разогнув до конца натруженную спину.

Повизгивающие под струями воды, Наташа и Лариса взгляд мой не могли не заметить. Но не присели стыдливо и даже прикрываться никак не стали.

- Нравимся?!- крикнула мне Лариса. А Наташа захохотала: - Ты копай, Володенька, копай.

Воткнув лопату, повернулся к ним спиной и достал из кармана джинсов сигареты и спички. До мытья долгое время девчонок не видел, слышал только голоса. Они вдвоём ушли за большую армейскую палатку и чем-то там занимались. Когда увидел их моющимися, нагота меня ослепила. Истинный смысл выкрика Ларисы понял, только подойдя к костру, где они сидели на чурбачках. У обеих были очень короткие причёски. Наташины волосы подстрижены аккуратно и красиво, Ларисины - неумело, но старательно.

Я машинально сглотнул слюну. Девушки и так были внешне довольно привлекательными, а теперь... Наташа поднялась с чурбачка:

- Пойдём, полью. Мы тебе два ведра оставили. Ты же весь потный. Ведра поближе к костру перенесли. Тут хоть кое-что видно. Нет, джинсы тоже снимай. Хочешь сказать, что ноги у тебя не потели? А между ног, ниже пояса?

- Развратница,- вздохнул я, но трусы снял, повернувшись к костру спиной.

- Какая попка белая,- восхитилась Наталья.

- А можно и я полью? В два ковшика лучше,- подскочила Лариса.

- Сиди, малолетка, грей ужин,- тоном собственницы осадил её старшая.

На ужин поварила, не мудрствуя, разогрела макароны по-флотски, оставшиеся от обеда. Мы подчистили всё, без остатка. А чаёк с дымком от костра, как всегда, бесподобен. В приложение к дымящейся в кружке янтарной жидкости, сигарета, заслуженная непосильными трудами. Девчонкам достаётся пачка печенья и плитка шоколада на двоих.

- Ларисёночек, давай ты на ночь переберёшься в Володину палатку, а он будет спать со мной,- изрекает в полной тишине Наталья, разрушая молчаливое очарование вечерних посиделок у костра. И снова воцаряется тишина. Сделав глоток ещё не остывшего чая, затягиваюсь сигаретным дымом. Слышу, как хрустит печеньем Лариса. Наташа - не Вера Холодная и не Грета Гарбо. Паузу она держать не умеет.

- Вы, что, воды в рот набрали?

- Наташенька, я же утром объяснял тебе...

Так как в голосе моём звучала смесь растерянности и неуверенности, Лариса вмешалась:

- Наташ, ты же видишь, что мы ещё и не обустроились толком, Вова пашет, как вол. А тебе срочно медовый месяц потребовался. Раньше свадьбы играли только после уборки урожая.

- Я люблю его!- голос дрожит.

- Если любишь, потерпишь. Я ведь терплю...- голос тоже дрожащий. И не поймёшь, кто из них старшая, а кто - младшая.

- А ты-то тут причём?

- А при том...- истерики и всхлипываний не было, но слёзы по щекам покатались. Тихо, молча плакала.

Наташа подскочила к ней сзади, встала на колени у Ларисы за спиной и обняла её. Потом стала ладошкой вытирать ей слёзы. Я выбросил окурок в костёр и полез в пачку за следующей сигаретой. Ну, что тут скажешь? Через пару минут, когда Наташа вернулась на свой чурбачок, промолвил тихо, поднимаясь на ноги:

- Костёр пусть прогорит до конца. Золу я утром на удобрение пушу. Так что ты, Лариса, завтрак на газовой плитке готовь.

Она покивала головой и шмыгнула носом.

- Устал я. Спать пойду. Спокойной ночи, девочки.

Наклонился к Наташе, поцеловал её в губы, и она ответила на мой поцелуй. Повернулся к Ларисе и, нагнувшись, увидел горестный взгляд. Коснулся губами пухлых горячих губ. Горе в глазах сменилось радостным сиянием.

Мышцы ноют. Когда же я втянусь в этот нелёгкий ежедневный физический труд?! Спать, спать, спать...

Утром сладко потягиваюсь, до хруста в костях. На четвереньках, нехотя, ползу к свету. Палатка не застёгнута, ввиду отсутствия летающей нечисти. В щель выхода из палатки вижу Ларису. Она сидит на чурбачке возле газовой плиты. И мнёт свои груди прямо через футболку. Слышу её гневный шёпот:

- Давайте, растите! Ну, растите же!

Смеяться или плакать? С шумом вылезая из палатки, делаю вид, что ничего не видел. Иду умываться. Со вчерашнего дня осталась вода в ведре. Лариса поливает мне из ковшика, терпеливо ждёт, пока почищу зубы. Протягивает чистое полотенце. Вытерев лицо, целую девушку в тугую щёчку. Лариса отрицательно мотает головой и показывает пальцем на свои губы. Погрозив ей кулаком, выполняю немую просьбу. В глазах девчонки лукавство:

- Пока Наташка спит,- шепчет она и тоже чмокает меня в губы. И вприпрыжку бежит к плите, где на сковороде что-то шкворчит.

Получаю кружку с чёрным кофе и тарелку с омлетом из яичного порошка. На второй тарелке лежат оладьи, политые сгущёнкой. Вкусно и сытно.

- Добавки хочешь?- шепчет Лариса.

- Нет, наелся, спасибо.

- Спасибо к губам не приложишь.

- Ты - маленькая нахалка.

- Хорошо, завтра утром будут галеты с макаронами.

- Ещё и маленькая шантажистка.

- Не такая уж и маленькая,- шепчет она,- ну-ка, встань-ка.

Выпрямляюсь в полный рост. Лариса подходит вплотную и сомкнув руки у меня на поясе, прижимается ко мне всем телом. Явственно ощущаю тугие бугорки её груди, которые не такие уж и крошечные. Макушка её достаёт мне до носа. Она поднимает лицо кверху:

- Ну, и где твоё спасибо?- губы чуть приоткрываются в ожидании. Это уже не просто касание губами, а настоящий полноценный поцелуй. Лариса делает шаг назад.

- Маленькая, говоришь?- пальчик чуть касается моих джинсов ниже пояса. Я же не железобетонный. Живой мужик. Естественно, прореагировал.

- Оладьи сгорят,- шепчу Ларисе, и она бросается к плите. Пара оладий чуть пригорела.

- Все горелки - повару,- вздыхает Лариса,- но оно того стоило,- и показывает мне язык.

Допив кофе и выкурив первую утреннюю сигарету, начинаю таскать золу в огород. Затем разжигаю новый костёр. Привыкли мы уже как-то к пламени костра и к дымку. Приношу воды из родника, все двенадцать ведер полнёхоньки. Парочку ведер вешаю над костром, чтобы была

горячая вода. В это время из палатки вылезает Наталья.

- А вот и наша принцесса изволила проснуться,- в голосе Ларисы ни злобы, ни осуждения. Она уже закончила готовку и сидит у костра. С лица её не сходит радостная улыбка. Снимаю с костра одно ведро с водой, вешаю другое. Беру грабли и направляюсь в огород. Лариса Наталье умыться поможет и завтраком накормит.

До обеда я успеваю подготовить землю к посадке, разбить грядки и посадить картошку. Лук, редиску, чеснок, морковь и свёклу будут сажать девчонки. Все мы истинные горожане, тяги к земле ни у кого из троих нет. Делаем всё исходя из теории. Посмотрим, что вырастет.

Пообедав гороховым супом и гречневой кашей с тушёнкой, начинаю мастерить из полипропиленовых труб разного диаметра водопровод и водосток. Сто миллиметровые толстые трубы пилю ножовкой вдоль, чтобы получились желоба. Очень неудобно пилить, но терпение и труд всё перетирают. Из деревянных рогаток делаю подставки для труб. Заодно, заготавливая рогатки, пилю дрова для костра. Ещё с полканистры бензина есть. Потом придётся бензопилу оставить и пилить дрова вручную.

Девчонки, закончив посадку овощей, принимаются потихоньку таскать от скал камни. Выбирая из них плоские, выкладываю площадку, чтобы ставить вёдра, набирая воду. Теперь не надо выходить за водой за ограду.

Вечером, усталые, но довольные своими трудами, сидим у костра. Едим кашу с тушёнкой, на этот раз рисовую. Когда перед сном целую Ларису, Наташа грозит мне пальцем, но ничего не говорит. Только при поцелуе тихо шепчет:

- Полигамный ты наш,- и улыбается. Значит, одобрение на отношения с Ларисой получено.

Следующие два дня проходят под девизом : "Ванны". С утра, позавтракав, отправляюсь к дому. Ломом выковыриваю свою ванну и хорошо сохранившуюся ванну из соседней квартиры. С грохотом стаскиваю ванну по ступенькам подъезда. Привязав её кверху дном на тележку, волоку до нашей поляны. После обеда, заготавливая дрова, выкорчёвываю три огромных пня, подтаскиваю и устанавливаю их у костра. Теперь можно сидеть с удобствами, это не чурбачки, а полноценные сиденья. Кострище хорошо обложил камнями, которых девчонки натаскали огромную кучу.

На второй день устанавливаю обе ванны, вкопав их ножки в землю и сделав ямки для слива воды. Нагреваю воды на костре. Наполняю ванны горячей водой.

- Дамы, пожалуйста принимать ванну,- обращаюсь к девушкам. С радостными воплями они бегут за чистым бельём и полотенцами. Я продолжаю греть воду. Наташа с Ларисой вдвоём залезают в одну ванну, моются и переходят во вторую, ополоснуться чистой водой. Подтаскиваю к ванне вёдра, чтобы девчонки могли ковшиками полить друг дружке вместо душа. Совершенно не стесняясь меня, обе встают в ванне.

- Вова, ты-то будешь мыться?- спрашивает Лариса и хихикает,- а то залезай к нам.

Отворачиваюсь от душераздирающего зрелища, иду к костру. До чего же хороши, прекрасны и соблазнительны! Вот сидят у костра с сияющими чистотой лицами. Я курю и люблюсь ими. Они видят это и обе ласково мне улыбаются. Эдакая вечерняя идиллия.

Прибавление в семействе.

В огороде проклюнулись первые ростки. Наташа занимается поливом и прополкой. На Ларисе по-прежнему готовка еды. А я таскаю из квартиры пакеты, мешки и коробки. По две ходки за день. Крупы, тушёнка, мука, сахар, концентрированное молоко, овощные консервы. Комната с провизией в квартире потихоньку пустеет. Зато на поляне армейская десятиместная палатка заполняется провиантом.

Пока выношу продукты в тележку, у подъезда её сторожит Алексеич, не расстающийся с "Макаровым". После погрузки садимся с ним на лавочку, закуриваем и делимся новостями. Жизнь у стариков в их "пенсионерской коммуне" потихоньку тоже налаживается. Они все перебрались жить на одну лестничную площадку. Вовсю огородничают, расширяя посевную площадь. Остальное население дома балбесничает.

- Пойдут в джунгли, бананов нарвут, и сидят всю ночь у костра, песни орут. Потому, как наладилась из бананов самогон гнать. Квартиры пустые все обшарили, наскребли еды. Думаю, ещё на пару недель им запасов хватит. А потом - голодать начнут. К огороду мы их не подпускаем. Я сразу предупредил, что стрелять буду на поражение,- вещал мне Алексеич.

Пожелав старику удачи, направляюсь к нашей поляне вдоль морского берега. Памятуя об морских чудовищах, на всякий случай держу море в поле зрения краем глаза.

Лариса помогает мне разгружать тележку с радостными восклицаниями:

- Ух, ты, компотик вишнёвый!

- Открою вам вечером баночку.

Размещением продуктов в палатке командует Лариса. Ей, как повару, решать, что должно быть под рукой, а что можно задвинуть пока и подальше.

На следующий день, когда перед дальней дорогой я курю с Алексеичем на лавочке, к нам подходит женщина, ведущая за руки двух девочек близнецов. Годика по три каждой. Девочки грязные и замурзанные. Женщина нетрезвая.

- Забери себе девок моих,- обращается она ко мне,- всю дорогу ведь жрать просят, а бананы уже есть не хотят. А что я им ещё дам? У тебя вон, жратвы полная тележка. За пару банок консервов отдам девок. Бери, не пожалеешь. Они тихие, спокойные. Только плачут, когда голодные.

- Пойдёте со мной?- спрашиваю девочек,- тётя Лариса вас супом покормит и кашей.

Они обе согласно кивают с серьёзными лицами. Я достаю из коробки четыре банки рыбных консервов и отдаю женщине. Прижав банки к груди руками, она молча поворачивается, пошатываясь идёт к костру, горящему за рекой.

- Мама,- пискнула одна из девочек.

- Никакая она вам не мама,- вздыхает Алексеич,- даже слова на прощанье не сказала. Вы

идите, Даша и Маша, с этим дядей. Он добрый. С ним не пропадёте.

Попросив Алексеича ещё посидеть на лавочке, взлетаю пулей на свой пятый этаж. Беру из квартиры бутылку с минеральной водой, кружку. Из коробки достаю пару плиток шоколада. Запираю квартиру, сбегая вниз. Получив по плитке шоколада, девочки немеют от восторга, потом, немедля принимаются шуршать фольгой.

Прощаюсь с Алексеичем и, толкая тележку, иду к берегу. Девочки покорно идут за мной, доедая на ходу шоколадки.

Обратный путь намного дольше обычного. Через каждые пару километров устраиваю небольшой привал. Близнецы грызут галеты, по очереди прикладываясь к кружке с минералкой. Но идут, не жалуясь на усталость, довольно бодро. Вот, наконец, и поляна.

Лариса колдует у котелков с едой, Наташа пропальвает грядки. Оглядываются только тогда, когда я открываю ограду.

- Ты чего так долго?- спрашивает Лариса,- ой, а это кто?- из-за моей спины показываются две маленькие фигурки. Запахи еды завораживают девочек.

- Принимайте пополнение. Это Маша и Даша. Правда, пока не знаю, кто из них Маша, а кто - Даша.

- Мамочки мои, до чего ж чумазые,- ахает подошедшая Наташа,- хорошо, что я воды нагрела, как чувствовала. Первым делом надо их в ванну засунуть. Давай, Володя, ещё воду ставь, потом тележку разгрузите.

Через час нелёгкий Наташин труд увенчался успехом. Розовощёкие близнецы, закутанные в Ларисины футболки, усердно брякают ложками в мисках, поглощая суп. На второе их ждут мои любимые макароны по-флотски. Грязная одежонка девочек откисает в тазу. Наташа и Лариса не обедают, а смотрят, как насыщаются Даша и Маша. После обеда Лариса собирается их обстричь наголо.

- Ничего, потом обрастут. Главное, чтобы вшей не было.

- А есть?- пугаюсь я.

- Не знаю. Бережёного бог бережёт. Опять же без волос не так жарко. Мы с Наташей довольны, что подстриглись.

- Вы мне с короткими стрижками больше нравитесь.

- Мы так и поняли.

Наташа объявляет девочкам, что сегодня тихого часа у них не будет, но с завтрашнего дня, после обеда, она уложит их поспать.

- А тебе, Лариса, хлопот добавится, надо будет им полдник после сна устраивать.

- Да не проблема, чай с печеньем сделать или оладушек со сгущёнкой.

- Сегодня компота банку открою и печенья по пачке выделю,- решаю я.

Лариса стрижёт девочек, Наташа опять загоняет их в ванну и поливает из ковшика, чтобы смыть остатки стриженных волос. Потом, чтобы головы не напекло солнцем, повязывает беленькие косыночки. В этих косынках и футболках до пят, Даша с Машей похожи на древнерусских деревенских детей. Различать их, оказывается, очень просто: у Даши на щеке маленький звездчатый шрамик. Он не обезображивает личико девочки, зато позволяет отличаться от Маши.

Наташа стирает близнецам их бельишко. На жаре к вечеру высохнет. Я иду к опушке леса с топором и ломом, выкорчёвываю пару пеньков. Устанавливаю их у кострища - теперь девочкам есть на чём сидеть. Открываю банку ананасов кусочками и накладываю две полных кружки. Достая из палатки-склада пару пачек печенья. Девочки чайными ложками достают из кружек кубики ананаса, грызут печенье. На лицах написано блаженство.

- Какая вкусняшка,- не выдерживает Даша.

- Вкуснотища,- поддерживает её Маша.

- Нравится вам у нас?- спрашивает их Лариса, готовя на костре ужин. Близнецы дружно кивают.

- Мама у нас хорошая была, пока нас в джунгли не закинуло. Она воспитательницей в детском саду работала, мы к ней в группу ходили,- объясняет Даша. Разговаривают девочки очень чисто, не картавят, не шепелявят, все звуки выговаривают правильно.- А когда мы здесь очутились, она заплакала: "Как же мы без нашего папы жить будем?". И стала с разрисованным дядей водку пить, что от папы в холодильнике оставалась. Потом дядя Володя разрисованного дядьку убил, а мама всё равно водку пить не перестала. Принесёт нам бананов связку, а весь сахар и хлеб унесла, чтобы водку делать. Дедушка Алексеевич нас по чуть-чуть подкармливал. Редиски дал по две штучки...

- Редиска у нас скоро своя вырастет. И лучок, и морковка,- подошла к костру Наташа,- Володя, я завтра утром с тобой пойду. Надо девочкам одежду принести, игрушки. Дома у меня книжек детских полно осталось, если на растопку не пустили.

- Да, уж, как-то я про это не подумал, второпях. Растерялся, что таким приданым наградили.

- Замечательное приданое,- обняла девочек Наташа, и они прильнули к ней со счастливыми лицами. Наталья взяла их за руки и повела по нашему участку, показывая, где что расположено.

Накормили девочек ужином пораньше. Мы привыкли ужинать уже впотьмах, при свете костра. А близнецов надо было укладывать спать. После сытного ужина они "клевали носами". И, едва солнце опустилось за деревья, Наташа уложила девочек в свою палатку. Даша и Маша вежливо пожелали всем спокойной ночи и почти мгновенно уснули. Напевавшая им колыбельную, Наташа вылезла из палатки и прижала палец к губам. Мы перешли на шёпот.

- Спят ангелочки, умаялись за день,- вздохнула Наташа, улыбаясь.

- Не тесно вам в палатке будет?- спросил я у неё.

- Палатка-то четырёхместная, а нас в ней только трое.

- Хочешь сказать, что Маша и Даша за одного взрослого сойдут?

- Нет, хочу сказать, что Ларисёнок к тебе переселится. Надеюсь, не обидишь малолетку?
- Вау!- шёпотом выкрикнула Лариса и запрыгала у костра,- я сама его обижу. Сбылась мечта идиотки!
- Ты учти, мечтательница, тут ни акушеров, ни гинекологов нет,- одёрнула Ларису Наталья.
- Ты что, Наташа. Да у повара гигиена на первом месте. Я, как девочек подстригла, сразу мыться пошла. И дни у меня сейчас самые безопасные, только вчера месячные закончились.
- Меня упрекала, что я тороплюсь в постель к Володе, а сама...
- Что же, я рядом с ним, как полешко, лежать буду?
- Ладно, будем считать, что появление Даши и Маши принесло тебе удачу в личной жизни.
- Ага. За что я им безмерно благодарна. У меня, как раз, комплект чистого постельного белья есть.
- Кровь на простыне будешь демонстрировать после первой брачной ночи?- ехидно прошептала Наташа.
- Да, ну тебя,- смущённо шепнула Лариса, но радостно улыбаться не перестала.

## Глава VIII

### Женщины мои.

С первыми лучами утреннего солнца, лежащая в моих объятиях обнажённая Лариса, открыла глаза. И улыбнулась мне ласково и счастливо. Гордо прошептала:

- Вот и стала я твоей женщиной. Если не считать, что сначала было чуть больно, то всё остальное - прекрасно. А в конце чуть с ума не сошла. Как от крика удержалась, не знаю. Так орать хотелось от наслаждения.
- Мне тоже пришлось сдерживаться.
- Но немножко порычал всё-таки. Хорошо тебе было, я же видела.
- Ещё бы!- и поцеловал торчащий сосок на белоснежной груди.
- Век бы с тобой рядом пролежала, но плита зовёт,- вздохнула Лариса,- ничего, дотерплю до следующей ночи. Ты теперь мой. А я - твоя.

Встала на четвереньки и поползла к выходу из палатки, с футболкой и трусиками в руках. Я не удержался и легонько шлёпнул по белой округлой попке. И поцеловал место шлепка.

Наташа тоже встала сегодня рано. Потому, как надо было поскорее сходить к дому. Умывшись, Наташа подошла к костру позавтракать. Не говоря ни слова, вопросительно посмотрела на Ларису и та показала ей большой палец, поднятый кверху.

- Ясно,- вздохнула Наташа и принялась есть. Через полчаса мы уже шли по берегу, покурить я решил на ходу. Наталья надела на ремень шортов кобуру с газовым "Браунингом". Девчонки привыкли к оружию, я для практики дал им пострелять и из помповика, и из пистолета. Патронов от "Сайги" пожалел.

Шли мы быстро. К дому подошли, когда на моих наручных часах не было ещё и девяти часов утра. Но Алексеич уже бодрствовал. Пока я таскал в тележку коробки с продуктами, он вызвался привести к нам мать Даши и Маши. Она явилась с опухшим лицом, нечёсаными волосами, заспанная.

- Одежду для Маши и Даши отдай,- потребовала Наталья.

- Консервов дадите, будет одежда.

- Ну, квартиру-то твою нам покажут, сами возьмём. А вот консервы покойникам ни к чему,- спокойно отрезала Наташа, доставая из кобуры "Браунинг". Клацнула затвором.

- Пойдёмте, всё отдам,- испуганно забормотала пьянчужка.

Наташа набила сумку летней одеждой и обувью близнецов. В другую сумку положила их игрушки. Часть игрушек достала из чулана в своей квартире. Набрала кучу книжек: и Чуковский, и Маршак, и сказки Пушкина. Взяла пару альбомов, цветные карандаши и фломастеры. И даже коробку пластилина разыскала.

- Будет чем моих девочек занять,- радовалась она. И прихватила из своей квартиры покрывало. Я не стал спрашивать, зачем. Тележку набили доверху. Как всегда, перекурил с Алексеичем. Но Наташа торопила в обратную дорогу, поэтому беседа со стариком была короткой.

Мы прошли примерно половину пути, когда Наталья вдруг пошла от берега через пляж в сторону леса. При этом взяла из тележки лежавшее сверху покрывало. В джунглях находилась небольшая поляна, которую я ранее отверг из-за её малой величины. Вот на этой поляне Наташа и расстелила покрывало. Я шел за ней, оставив тележку на берегу - что ей сделается. Сняв кроссовки, Наташа расстегнула ремень шортов и стянула их с себя вместе с кобурой. В мгновение ока скинула футболку и осталась в одних трусиках. Лифчики они с Ларисой теперь совсем не одевали.

- Тебе надо что-то подробно объяснять?- спросила меня Наташа и я расстегнул ремень на джинсах. Через минуту мы лежали на покрывале нагишом и я покрывал нежными поцелуями прекрасное девичье тело. Прошло ещё полчаса и, дрожащая от возбуждения Наташа, выгибаясь дугой, задышавшись, выкрикнула:

- Возьми меня, Володенька, не могу больше!..

Рядом никого не было и Наташины крики, и стоны заглушали пение птиц. Содрогаясь от оргазма, она простонала:

- Мой, мой! Любимый! Ах, как сладко!!!

- Наташенька моя,- прорычал я ей на ушко. Стиснув друг друга в объятиях, мы рухнули в пропасть.

Пришли в себя через сколько-то минут. Продолжая ласкать Наташу, я ощущал, как вздрагивает её тело, но дыхание уже успокаивалось.

- Боже, какое это было чудо,- тихо простонала она. И вдруг вскочила на ноги.

- Всё, всё. Надо идти. Я-то думала, что это займёт минут десять-пятнадцать. А, кажется, целая вечность прошла.

Я посмотрел на часы, валявшиеся рядом с одеждой. Всего-то полтора часа прошло. Наташа торопливо одевалась. Стал одеваться и я. на покрывале отчётливо было видно пятно крови. Наташа показала на него пальцем:

- Не сомневаешься, что ты у меня первый?

- Посыпь солью и застирай.

- Нет уж. Буду хранить, как реликвию. На этом покрывале я отдалась любимому человеку и стала женщиной,- бережно свернула покрывало и пошла к берегу. Я шёл позади, на ходу набрасывая ремень "Сайги" на плечо.

Когда пришли на поляну, близнецы только что закончили обедать и с радостными воплями бросились к Наташе обниматься.

- Так, что я вам привезла, посмотрите после полдника. А сейчас умываться и спать,- строго скомандовала Наталья, но при этом ласково улыбалась девочкам. И они послушно улеглись в палатке. А мы опять перешли на шёпот.

Наташа перебирала одежду девочек: что чистое, а что надо постирать. Лариса взялась доставать из тележки продукты. Увидела покрывало, развернула его, обнаружив пятно крови. Вопросительно посмотрела на Наташу, и та, улыбаясь, показала ей большой палец.

- Наш пострел везде поспел,- прошептала мне Лариса,- в один день сразу двоих невинности лишил. Это, что же, вы по-пионерски, на бегу?..

- Ага,- отозвалась шёпотом Наташа,- совсем на бегу, полтора часа провалялись.

- Ой, у тебя вон и на ноге кровь видно,- шепнула ей Лариса.

- Так разлёживаться-то некогда было, дальше надо идти. Это тебе хорошо было всю ночь в палатке... Зато, я орала, как резаная.

- Больно было?

- Ни капельки. Только когда пошла, чуть болело поначалу. Орала от наслаждения.

- Повезло. А мне пришлось ночью простыню грызть, чтобы не кричать.

- Всё, закрыли сексуальную тему,- одной рукой я обнял Ларису, другой - Наташу. Притянул их к себе, и они обвили меня сразу четырьмя руками, крепко ко мне прижавшись.

- Вот что, девочки мои, точнее, женщины мои. Чтобы никакой ревности и никакого соперничества между вами не было. Я люблю вас обеих. Правда, немного по-разному,

поскольку вы - разные. Но вы мне обе одинаково дороги и выбор между вами я сделать не могу,- поцеловал Ларису, поцеловал Наташу.

- Что ж поделаешь, если ты у нас один-единственный,- шепнула Наташа.

- Но мы согласны делить тебя между собой, чем искать кого-то среди козлов из дома,- подытожила Лариса и Наташа с ней согласилась. Семейный союз был заключён.

## Глава IX

Первый дождь.

Решив, что запаса продуктов нам пока хватит, занялся обустройством нашего лагеря. Над кострищем на высоких жердях закрепил большой брезентовый тент. Он прикрывал от палящих солнечных лучей Ларису во время готовки. И должен был предохранять от дождя. Хотя, до сих пор, ни одной тучки на небе не появлялось, облака-то были огромной редкостью.

Рядом с основным костром, появилось ещё одно кострище, обложенное камнями. В центре его располагался большой плоский камень, который Лариса тщательно вымыла. Я вспомнил, что в одном из чуланов были мешки с углями для шашлыков. Притащил их из дома, камень нагрели, и Лариса плюхнула на него тесто.

Первые две тёплые лепёшки достались, разумеется, близнецам. Надо было видеть, как они эти лепёшки "уписывали", даже забывая макать в абрикосовый джем, который им положили на блюдечко.

- Сто лет хлеба не ели,- радовались девочки,- галеты, всё-таки, не хлеб.

- Три годика живёте, а хлеба сто лет не видели,- смеялась Лариса.

Над основным кострищем на толстых крепких рогатках лежал теперь железный лом. Возле костра лежали толстые рабочие перчатки сварщика. Ими можно безбоязненно брать горячий лом. А над костром спокойно можно было повесить три, а то и четыре ведра с водой. Привёз кухонный стол, чтобы Ларисе не держать продукты на земле. Хотя ели, по-прежнему, держа миски на коленях, сидя на пнях. Создание столовой было в планах дальних, надо тащить из дома стол и стулья. В пустующих квартирах в них недостатка не было.

Наташа, всё свободное от огорода время, посвящала близнецам. Они с игрушечными лейками ходили между грядок, поливая овощи. Брала формочки, совки, лопатки и уходила за ограду, играть в песочек. Но не на морском берегу, а на берегу нашего ручья, где он вытекал из леса на песчаный пляж. Наташа, вооружившись помповым ружьём, охраняла играющих детей. Читала Даше и Маше книжки, пела вечером колыбельные. Девочки, действительно, были тихими и спокойными. Любили рисовать, лепить из пластилина. Не шумели, никому не надоедали. С удовольствием хрупали первыми редисками и сочными молодыми морковками. Пёрышки зелёного лука Наташа их есть заставляла:

- Вам витамины всякие нужны.

Ларису близнецы называли тётей Ларисой, а Наташу - всё чаще - мамой. Лариса, видя, что Наташа загружена с Дашей и Машей, кроме готовки взяла на себя и всю стирку.

У меня же целую неделю заняло сложнейшее инженерное сооружение у края ограды. Унитаз я из дома не потащил, но на стульчаке из брёвнышек были закреплены круг и крышка от унитаза. А вот над выгребной ямой и системой канализации пришлось потрудиться. Теперь все отходы нашей жизнедеятельности из выгребной ямы, выложенной большими кафельными плитками, по толстым наклонным трубам стекали в огромный котлован, вырытый далеко в стороне от лагеря, на опушке леса.

Чтобы выбраться из этого котлована мне пришлось в его стенке проделать ступени. Два дня копал котлован. Ещё три дня закапывал трубы. С утра до ночи. При этом всё размышлял, что во всех прочитанных мною книгах, герои как-то обходились без гальюнов. У того же Даниэля Дефо подробнейшим образом описывается жилище Робинзона Крузо. А вот оправлялся он, вероятно, в углу своей хижины, создавая "аппетитную" кучку. Ну, это так, к слову. И лопухами нам подтираться придётся не скоро. Кроме двух коробок туалетной бумаги, есть ещё коробка бумажных салфеток и две коробки бумажных же полотенец.

Утром, чуть свет, из палатки вылезла Лариса. Ей надо было приготовить завтрак на всех. Я поднимался чуть позднее, завтракал и начинал набирать воду в вёдра, в ванны. Но сегодня Лариса сразу же просунула голову назад, в палатку:

- Вова, вылезь, глянь на небо.

Выскочив из палатки, увидел, что всё небо сплошь затянуто серыми облаками. То-то солнечных лучей, проснувшись, не увидел. А далеко, на севере, клубилась чёрная туча.

Отложив на потом и завтрак, и утреннюю сигарету, принялся натягивать брезент. Жерди у меня были вкопаны заранее, брезентовые полотнища в местах стыков сшиты и проклеены широким скотчем с двух сторон. Вскоре под навесами оказались и туалет, и второе кострище. От палаток до кухни всего несколько шагов, но кухонный навес я продлил до входа в палатки.

Я читал про сезон тропических дождей. И, с некоторым страхом, ожидал его. В том, "бывшем" мире сейчас середина мая. А в этом? И сколько продлится этот сезон дождей? И не сгниёт ли наш урожай в огороде, картошка, в первую очередь? А ведь тропические ливни могут быть очень сильными. Не смое ли наш лагерь к чёртовой бабушке?

Первые капли дождя стукнули по брезенту, когда я, поев рисовой каши, пил кофе и курил первую сигарету, обуреваемый мрачными предчувствиями.

Наташа с близнецами, баюкаемые шумом дождя, сладко проспали почти до десяти часов. Когда они, потягиваясь, выбрались из палатки, дождь лил вовсю.

Лариса поставила кашу разогревать, а Наташа, высунув из-под брезента руку, набирала в ладонь дождевую воду и умывала Машу с Дашей. Туча заволокла всё небо, но грома и молний не было.

После завтрака, Наташа в палатке, сидя у входа, чтобы было посветлее, читала близнецам книжку. Лариса, убравшись, пошла к столбу с посудой - пора начинать готовить обед. Вернувшись под навес с парой кастрюль, мокрая до нитки, она с восторгом заявила:

- А дождь-то тёплый-претёплый. Приму-ка я душ. Прямо по-царски помыться можно.

Услышав Ларисины слова, Наталья отложила книгу в сторону и взялась за мыло и мочалку. Я пошёл мыться за палатку-склад. Минут через сорок все сидели у костра чистые-пречистые, в выстиранной одежде. До обеда ещё пара часов и я открыл всем четырём девчонкам пару банок компота, достал печенье и шоколад. Получился праздник первого дождя. Но я с тоской думал, когда же дождь закончится и закончится ли вообще.

Брезентовый навес закрывал от нас небо. Только капли дождя барабанили по нему всё реже и реже. И неожиданно под навес скользнул солнечный луч.

- Солнышко!- восторженно закричали близняшки. Я поднялся и подошёл к краю навеса. На чистом синем небе сияло солнце. А туча уходила в сторону океана. Вот последние капли упали на брезент, и наступила тишина. Жаркое солнце принялось осушать мокрую листву, траву, брезент палаток и навесов. Влажным воздухом было трудно дышать. Пообедали без особого аппетита, да ещё и съеденные недавно сласти не способствовали еде.

- Ничего, за ужином доедим, мне хлопот меньше,- не расстроилась наша повариха.

Наташа уложила близнецов спать прямо на открытом воздухе, под навесом кухни-столовой. В одних трусиках они лежали на туристических ковриках, чуть прикрытые лёгкими простынками.

К вечеру спала жара, вместе с ней ушла и духота. Все отменно поужинали, как всегда, посидели у костра, и Наташа увела девочек в палатку.

## Глава X

### Возвращение.

А наутро опять всю светило солнце. Как и в последующие дни. И всё же я задумался о строительстве дома, точнее, домика. Пока ещё в "Гускварне" есть бензин, надо спилить толстые деревья на сваи. Вкопать их в землю. Надрать в доме, в пустующих квартирах половых досок, дверей, несколько окон, вместе с рамами. Опыта строительства у меня нет, но глаза боятся, а руки делают. Надо только детально продумать план строительства, расписать всё по пунктам.

Мысли мои были прерваны толчком от Ларисы в плечо:

- Вова, смотри, кто к нам пожаловал.

Возле ограды маячила женская фигура в коротком халатике. Я сделал несколько шагов к ограде. К нам пришла Алла из первого подъезда. Волосы вымыты и тщательно расчесаны. И даже макияж на лице есть. Только лицо всё же какое-то помятое и слегка опухшее. И халат мятый, и грязный.

В той жизни, что до переноса на остров, Алла была какой-то чиновницей или начальницей. В строгом деловом костюме она садилась за руль новенького "Шевроле". Гордая и неприступная, воплощение женской лощёной красоты. Но это всё в прошлом. Теперь она являлась наложницей мужской половины "лагеря пьяниц". Интересно, зачем она к нам заявила? Алла

не замедлила изложить причину своего появления:

- Владимир, возьмите меня к себе.

Опаньки! Нет, уж, подруга, нам ты и даром не нужна в нашем маленьком дружном семействе. Как бы ей повежливее отказать? Однако, меня опередила Наталья:

- Губозакатальной машинки нет? Нужна ты нам, как собаке - пятая нога.

- Я и не к тебе обращаюсь, а к Владимиру. Владимир, вы же мужчина, вам женщина нужна. Настоящая. А не эти две соплюшки.

- Мы и есть настоящие женщины. А ты - подстилка бомжовская, - не осталась в долгу Наташа.

Не обратив внимания на обидные слова, Алла распахнула передо мной халатик, под которым больше не было никакой одежды. Посмотреть было на что. Тело, действительно, роскошное, хотя и грязноватое.

Бабах! Держащиеся за руки близнецы, взвизгнули и присели от страха. Наташа и Алла вздрогнули от неожиданности. Я оглянулся. Лариса стреляла из помповика намного выше голов. Но ствол опустился вниз, глядя прямо на Аллу. Решительно дёрнула цевьё, стреляная гильза вылетела на траву.

- Следующую пулю словишь в пузо! Запахнись, лярва! Кругом и шагом марш к своим алкашам!

- Ларисёночек, прекрати баловать с оружием, - спокойно сказал я Ларисе. А Алле объявил:

- Хотите нормальной жизни? Идите к Алексеичу в коммуноу.

- К этим старым пердунам? Мне мужик нужен!

- Ну, в них-то у вас недостатка нет.

- Я неправильно выразилась, не мужик, а мужчина. А там даже не мужики, одни уё....

- Не матерись при детях, - строго одёрнула её Наташа.

- Женщины у меня есть, других мне не надо. У нас всё по любви, а не по расчёту. Здесь у вас полный облом. За дальний проделанный путь могу выделить банку тушёнки.

- Да, иди ты со своей тушёнкой! - и сделала пару шагов к выходу с поляны. Но обернулась:

- Давай.

Взял с кухонного стола банку тушёнки и просунул через проволоку. Дрожащей рукой Алла взяла банку, прошептала: "Спасибо". В глазах стояли слёзы. Но жалости я никакой не испытывал. Каждый сам хозяин своей судьбы. Приди она на второй-третий день жизни на острове, стояла бы сейчас по другую сторону ограды.

Девчонки не свистели, не улюлюкали вслед медленно уходящей Алле, даже не смотрели на неё, а занялись своими делами. Лариса убрала помповик в палатку, подобрала и выкинула в помойку стреляную гильзу. И направилась к костру. Наташа взяла близнецов за руки, повела в

огород. Визит закончился.

Я взял лопату и тоже пошёл в огород. Овощи росли, как на дрожжах. Лук, редиска, морковь, свёкла уже не были редкостью на нашем столе. Теперь я решил проверить картошку. Вонзив лопату поглубже, вывернул ком земли с ботвой посередине. И с радостью увидел крупные, светлые клубни. Отряхнув землю с картофельного куста, оторвал клубни и аккуратно отложил ботву в сторону - пригодится на удобрение. Взял ведро, сложил туда картофель и выкопал следующий куст. Всего четыре куста и ведро полнѐхонько. Подошла Наташа с Дашей и Машей.

- Ура! Картошечка!- закричали близнецы. Я отнёс ведро к кухонному столу. Наточил на оселке маленький ножик и Лариса с восторгом принялась скоблить картофелины. Все устали от макарон и круп. Хоть каши и очень полезны, но привычка к картошке ещё не исчезла. А уж молодая картошка - это же объедение. Тем более, что к ней есть и зелёный лук, и укроп, и перья чеснока.

На обед уже была сварена гречка. Картошку Лариса отварила на ужин. К картошке были свежие огурчики, которые Наташа поливала очень часто и тщательно, чтобы были не горькими. Лариса напекла лепёшек. И уж, чтобы ужин был совсем королевским, я открыл большую банку вишнёвого компота. Но близнецы так "налопались" картошки, что прошло не менее получаса, прежде чем они взялись за компот. Наевшись, немного послушали английские детские стихи и запросились спать.

Укладывать их повела Лариса. Потому, что сегодня была Наташина очередь спать со мной. Лариса не была такой певучей, как Наташа, но на то, чтобы спеть Даше и Маше колыбельную, её вполне хватало. Усыпив близняшек, Лариса посидела с нами у костра, потому что Наташа перемыла посуду после ужина. Со вздохом зависти поцеловала меня и пошла, спать в палатку к девочкам.

- Так вздыхает, можно подумать, что завтра не её очередь с тобой спать,- тихо засмеялась Наташа.

Посреди ночи меня словно ударило током. Открыв глаза, я осторожно освободился из-под обнажённого Наташиного тела, которое полулежало на мне. Сел и несколько секунд приходил в себя, осмысливая это неожиданное пробуждение. Затем с силой потряс за плечи Наташу.

- А? Что?- сонно пробормотала она.

- Наташенька, одевайся быстрее,- ответил ей, натягивая на себя футболку, джинсы.

- Куда одеваться? Ночь же,- ещё недоумевала Наталья. Тем не менее, послушно влезала в трусики и шорты.

"Сайга" и большой аккумуляторный фонарь всегда ночью лежали возле меня. Я очень берёг заряд аккумулятора, и он был разряжен не более, чем наполовину. Включив фонарь, я приказал Наташе:

- Пойдём, надо одеть Дашу с Машей.

С включённым фонарём, мы вломились в четырёхместную палатку. Лариса спала одетой. Наташа принялась одевать на сонных, хнычущих близнецов платица, носочки, сандалии. Лариса, не задав ни одного вопроса, стала зашнуровывать кроссовки.

- Нам срочно надо в дом,- коротко объяснил я, вылез из палатки и , быстро добравшись до выхода из ограды, открыл его. Посветил лучом фонаря, чтобы девчонки не наткнулись на кострище, столик или водосток. Когда все вышли за ограду, я стал освещать дорогу к пляжу, но ограду, чисто автоматически, за собой закрыл. На плече у Наташи висело помповое ружьё.

- Брось помпуху, хватит "Сайги",- сказал я ей, и Наташа покорно отшвырнула помповик в сторону. Закинув "Сайгу" за спину прикладом вверх, я подхватил на руки Дашу. Наталья, поняв всё без слов, взяла на руки Машу. В экстренных ситуациях мои девушки действовали выше всяких похвал.

Первой по берегу пошла Лариса с фонарём в руке, освещая дорогу. За ней шла Наталья с Машей, а замыкал маленькую колонну я с Дашей на руках. Шли молча и быстро. Близняшки хныкать перестали, Даша у меня на руках начала дремать. Наташа и Лариса несли фонарь и Машу по очереди, сменяя друг друга. Одной тяжело было нести полусонную девочку. Примерно через час пути устроили короткий привал.

- Мы до рассвета должны дойти до дома,- пояснил я девушкам,- похоже, что нас хотят вернуть обратно.

- Тебе это открытым текстом сообщили?- спросила Наташа, баюкая Машу на коленях. Мне в ухо тихонько сопела спящая на моём плече Даша.

- Нет, как бы какое-то предчувствие....

- Тогда потопали,- сказала Лариса, передавая Наташе фонарь, и принимая Машу.

Мы спешили. Часы у меня были без светящихся стрелок, но, по моим ощущениям, в три часа вполне уложились. Была ещё абсолютная темень, когда ступили на асфальт, который начал зарастать травой. переводя дух, посидели пару минут на лавочке у подъезда. Затем вошли в подъезд, поднялись по ступенькам на первый этаж.

- Всё. Выше не пойдём. Чёрт его знает, как этот перенос произойдёт. На всякий случай останемся здесь, внизу.

Подсвечивая себе фонарём, поднялся на свой пятый этаж, открыл квартиру. Сдёрнул с кровати покрывало и одеяло. Спустившись вниз, постелил их на пол лестничной площадки.

- Садитесь. Вдруг тряхнёт сильно. Наташа, если что, прикрой собой Машу, а я Дашу прикрою.

Только успели расположиться, как фонарь погас совсем, хотя я его и не выключал. В полной темноте послышался тихий Машин голос:

- Mamочka, мне страшно.

- Не бойся, маленькая, я ведь рядом,- так же тихо ответила Наташа. Тут же сознание моё отключилось, как и свет фонаря. Не было ни толчков, ни падения в пустоту. Просто канул в "бессознанку".

Открыв глаза, услышал тихое шелестение кулера в компьютере. На мониторе светилась заставка рабочего стола. Может, заснул за компом и сон приснился? Машинально посмотрел на правый нижний угол экрана. Время - 10 часов 01 минута. А вот дата!... Второе июня. Это что

же, я спал за компьютером почти два месяца?!

Встал из-за стола, пошёл на кухню. По дороге заглянул в чулан. Всё на месте, включая мотки колючей проволоки. Открыл дверь в комнату-склад. Тоже всё стоит нетронутым.

Пройдя на кухню, машинально включил чайник и подошёл к окну. Дом, стоявший напротив нашего дома, никуда не делся. За ним виднелась крыша поликлиники. Вот только снег на газонах растаял и трава уже зеленеет. Автомобили стоят возле дома, как ни в чём не бывало. По улице идут люди, вот автобус проехал.

Щёлкнул выключатель закипевшего чайника. Развёл себе кофе, закурил сигарету. Был остров или не был??? "Интересные пироги с котятками. Их ешь, а они пицчат".

## Глава XI

Дальнейшие действия.

Когда чашка кофе опустела, и в пепельнице было три окурка, окончательное решение созрело. Чего там гадать: было или не было. Надо действовать.

Вернулся к компьютеру, открыл "Webmoney". Вот ещё одно подтверждение, что всё-таки что-то было. Точно помнил, что на счету у меня была сотня тысяч рублей. А теперь - куча нераскрытых сообщений и на счету триста тысяч. Благоприятные изменения. Перевёл все деньги на банковскую карту, через пару дней придут. Опустошил и счёт на Яндекс-деньгах. Взял паспорт, сберкнижку и отправился в сберкасса, которая находилась в нашем же доме, с торца здания. Сберкасса на месте, дверь ломом никто не курочил. Снял все деньги со сберкнижки, хоть мне и попеняли, что такие крупные суммы надо заказывать заранее. Но, по видимому, налички у них было предостаточно, поэтому всю мою заначку в пятьдесят тысяч рублей мне выдали.

Так как я был частным предпринимателем без образования юридического лица, то справку о доходах мне пришлось брать в налоговой инспекции. Увидев размер моих доходов, а также документы о том, что являюсь владельцем трёхкомнатной квартиры и новенькой "Субару", кредит в Сбербанке мне выдали без всяких проволочек. Подписав кредитный договор и выяснив, что деньги придут на карту дня через два-три, заехал в агентство и купил железнодорожный билет до Москвы.

Электронные деньги уже пришли на мою банковскую карту и, проверив её баланс, с радостью убедился, что и без кредитных денег стал рублёвым миллионером.

Сложив вещи в не очень объёмистую сумку, где главной поклажей были различные документы и ноутбук, присел на лавочку у подъезда. Перекурить на дорожку, собраться с мыслями. Тут ко мне и подошёл Алексеич. Сел рядышком и тоже закурил.

- Ну, и как оно?- осторожно спросил он.

- Что - как?

- Кто-то помнит про остров, а кто-то нет. Я со многими переговорил. Сначала думал, что приснилось. Потом - что из ума выжил на старости лет. Некоторые совсем ничего не помнят.

Вот, Петренки, например. Урка, которого ты на острове застрелил, водку глушит и по ночам под окнами песни орёт.

Хоть дела денежные меня и замотали, но видел я из окна, как вновь важно шествует к своему "Шевроле" Алла. Видел, как пробежала по тротуару спешащая куда-то Лариса. Провели мимо меня, держа за руки, радостных Дашу и Машу их мама и папа. Близнецы не обратили на меня ни малейшего внимания. А ведь на острове они уже начинали называть меня папочкой.

Видел из окна, как прошла в ветровке и короткой джинсовой юбке Наталья Петренко. Её стройные ноги были ослепительной белизны, а совсем не загорелыми, как на острове. При виде Наташи сердце у меня защемило. Но, пока сбегал по лестнице с пятого этажа на улицу, Наташа скрылась из виду.

- Здравствуй, Володенька,- раздался сбоку от меня знакомый певучий голос. Легка на помине, возле лавочки стояла Наташа. Смотрела на меня и радостно, и ласково, и чуть смущённо,- тебе привет от Ларисёнка, от поварихи нашей. Можно мне присесть рядышком?

Не говоря ни слова, но, не отводя от Наташи глаз, я подвинулся на лавочке, освобождая место.

- Пойду, пожалуй, не буду вам, молодёжи, мешать,- поднялся Алексеич.

чуть придержал старика за рукав:

- Погоди чуток. Был остров, Алексеич, был. И огород ты сажал, и табак выращивал, и с "Макаровым" ходил. Это не бред и не сон. Не знаю, для чего это всё с нами сотворили и кто. То ли испытывали, то ли изучали. Вернусь из поездки, побеседуем за рюмкой чая.

- Ну, спасибо. Счастливого пути. Буду ждать,- рукопожатие у Алексеича крепкое. Походка твёрдая, не шаркающая.

Я повернулся лицом к Наташе:

- Наташенька, всё помнишь?

Она молча кивнула. Около лавочки по тротуару прошла Алла. Обычно она проходила мимо меня абсолютно равнодушно. А сейчас взгляд её, обращённый на нас, переполнен злобой и ненавистью. Значит, помнит про банку тушёнки. Интересно, собирается ли она мстить обитателям "лагеря пьяниц" за свои унижения? Впрочем, мне на неё наплевать, что в том мире, что в этом. А вот Наташа...

- Ты надолго уезжаешь? И куда?

- Сначала в Москву, потом ещё кое-куда по делам. А надолго или нет, не знаю. Не меньше месяца, наверное.

- Но ведь ты вернёшься?

- Всенепременно.

- Я через месяц школу закончу, и в конце июля мне восемнадцать исполнится. А Ларисёнку только шестнадцать стукнет. Тоже в июле. Малолетка она ещё. И в нашем здешнем мире двоежёнство не приветствуется. На острове я лояльно к этому относилась, потому что

Ларисёнку деваться некуда было. А здесь она себе вполне может парня подходящего найти. Правда, она мне всё твердит, как заведённая: "Наташка, я люблю его, люблю!". А сама трясётся и плачет.

А Даша с Машей ничего не помнят. Я им дала по шоколадке, они удивились и вежливо так сказали: "Спасибо, тётя". Но мать-то у них здесь не алкашка. И отец есть. Алексей помнит про остров, а тётя Варя ничего не помнит. И мои родители тоже. Как подумаю, что они в том мире умерли, мне аж дурно становится.

- Пора мне, Наташенька. А то на поезд опоздаю.

День был солнечным, жарким. Наташа была без куртки, в футболке. И нежные, тёплые руки обвили мою шею. Полные сочные губы прильнули к моим губам. И такой знакомый горячий язычок!..

- Возвращайся скорее, любимый. Я ждать буду.

На глаза её навернулись слезинки, но она волевым усилием слёзы сдержала. Я поцеловал её шею, погладил круглый затылок. (А подстриглись они в этом мире с Ларисой так же совсем коротко, как и на острове.)

- Я вернусь, солнышко моё. Люблю тебя.

Таксист опять посигналил. Подхватив сумку, я уселся в машину. Грустная Наташа махала мне рукой вслед.

В Москве, поселившись в недорогой гостинице, я принялся мотаться от банкоматов в обменные пункты валюты. Брал только стодолларовые купюры. набрав сто штук, поплотнее их сжимал и, обернув бумажной лентой наподобие банковской упаковки, склеивал её. После некоторых поисков, мне удалось найти в магазине пояс для денег с двойным рядом кармашков. Всего числом двенадцать. Так что пару пачек долларов, а их набралось четырнадцать, пришлось сунуть во внутренние карманы куртки, застёгиваемые на молнии.

Хотя нынешняя авиация была весьма небезопасной, но время поджимало, и я вылетел из Москвы в Барнаул самолётом. На контроле в аэропорту пояс мой "не отсвечивал", молнии на кармашках были пластмассовыми. При моей фигуре, пояс под курткой был не заметен. Так что я благополучно прибыл на Алтай со ста сорока тысячами долларов.

Поселившись в дешёвой гостинице, хотя и в одноместном номере (не знал, сколько денег мне понадобится и сэкономил, как мог), первым делом взялся за ноутбук. Просмотрев все сайты, связанные с алтайской недвижимостью, ничего необходимого не нашёл. Поэтому весь следующий день ушёл на походы по агентствам недвижимости Барнаула, сайтов не имевшим. Но и там не было ничего подходящего, несмотря на то, что дома в сельской местности кое-где встречались.

Приехав на автовокзал, взял билет до районного центра. Небольшое агентство по недвижимости там было, но, опять же, я вытянул пустышку. Целый день ушёл на эту поездку. Потом ещё один районный городок. И ещё один. И ещё... В дальних райцентрах приходилось оставаться на ночлег, за день обернуться не успевал. Потихоньку начал приходить в уныние от бесплодных поисков. Но остров приучил не останавливаться и не сдаваться. "Дорогу осилит идущий". Да и Библия гласила: "Ищущие да обрящут". Выручало ещё и то, что равнинный

Алтай меня не интересовал, только горный, с большими высотами над уровнем моря.

Наконец заехал в такую глушь, что там и агентства по недвижимости не было. Но на автовокзале мне объяснили, что в городке есть агент - человек, занимающийся недвижимостью. Внешность Виталия Викторовича не была отталкивающей, но проскальзывало в нём что-то не очень приятное. Выслушав суть моей проблемы, он предложил:

- Давайте, вы мне поставите граммов двести коньяка с икорочкой, и я вам кое-что интересное поведаю.

В единственном на весь городок ресторане при гостинице, коньяк оказался, на удивление, не палёным. А вот бутерброды с красной икрой меня совсем не вдохновили. И, заказав для Виталия Викторовича пяток таких бутербродов, для себя попросил чашку чёрного кофе покрепче и плитку шоколада. Из пятисотграммовой бутылки коньяка выпил сто граммов, оставив остальное агенту. И он не подкачал.

Пока я грел коньяк в пузатой рюмке, Виталий Викторович лихо хлопнул пару рюмок, сжевал два бутерброда и довольно потёр руки.

- Ну, что ж, есть тут в тайге одна избёнка. Километрах в двенадцати от города. Хозяин её недавно приезжал ко мне и осторожненько расспрашивал на предмет продажи. Думаю, это то, что вы ищете. Во всяком случае, близко к искомому. Только, чур сделку оформлять, если что, через меня.

Заверив, что так оно и будет, узнал, что надо найти таксиста Колянныча и попросить его отвезти на староверскую заимку. Найти же Колянныча можно возле автовокзала. У него тёмно-зелёная "семёрка".

После чего я ещё с час выслушивал пьяные речи Виталия Викторовича, допивавшего коньяк. С трудом удалось от него отделаться, объяснив, что надо устраиваться в гостинице, а к девочкам мы съездим в другой раз. А коньячку попьём вволю после совершения сделки. Агент, довольный тем, что подцепил клиента, заказал себе бутылку водки. А я полночи провертелся в одноместном номере на узкой скрипучей койке. Через тонкую фанерную дверь, с огромной щелью над полом, неслась разухабистая музыка из ресторана и пьяный гам. Городок гулял. Наконец, под утро всё стихло, и я немного поспал, отрешившись от мыслей о предстоящих трудностях.

## Глава XII

Нашёл!

Колянныч нашёлся легко. Но цену заломил несусветную.

- По грунтовке ехать надо, машину жалко.

- Ты покажи мне в каком направлении двигаться, двенадцать кмэ я и пешком влёткую отшагаю.

- Не, пешком нельзя, в тайге заплутаешь.

- На грунтовке-то?

Вздыхнув, Колянч сбавил цену в три раза, и мы поехали. На выезде из городка сразу свернули с асфальта. Но погода стояла сухая, колея на грунтовой дороге была неглубокой. И, хотя дорога шла всё время в гору, быстро преодолели семь километров. Дальше подъем становился совсем крутым.

- Мне тут не проползти,- заявил Колянч,- хозяин-то заимки на полноприводном УАЗике ездит. И то, только в сухую погоду. Далее уж ты пёхом. С колеи никуда не сворачивай, как раз к заимке и выйдешь. Тут всего-то ничего осталось.

Получил деньги, потихоньку развернулся и подался в обратный путь. "Всего-то ничего" составляло пять километров, почти половину пути. Вот, жук навозный этот Колянч. Ладно, для бешеной собаки сто вёрст - не крюк. Дотопаю.

Закинув сумку на плечо, двинулся вперёд по колее. Крутизна подъёма всё возрастала, и я был вынужден признать, что на "Жигулях" и вправду бы не проехали. Но вот подъем стал более пологим. И, наконец, я уткнулся в высоченный забор из плотно прилегающих друг к другу тёсаных, широких лиственничных досок. Толщина их была немаленькой, они потемнели от времени. Но лиственница - дерево вечное и оплот был крепок.

Дорога доходила до закрытых ворот, а рядом с воротами была в заборе дверь-калитка. Сбоку приделан вполне цивилизованный дверной звонок. Но не звонок меня впечатлил. Ещё подходя к забору, увидел за ним ажурную стальную мачту, на которой лениво вращались лопасти - ветра почти не было. Ветрогенератор! Надо покупать дом за любую цену! Решительно нажал на кнопку звонка.

Спустя некоторое время, звякнула металлическая щеколда. Но открылась не дверь, а небольшое окошко в ней. Из под седых, лохматых бровей на меня не очень дружелюбно посмотрели пронизательные глаза.

- Чего надо?

- Я насчёт покупки дома,- ответил, как можно более спокойно.

- От Виталия, что ли?

- Про дом он поведал, но я, как бы, не от него, а от самого себя.

- По виду - городской. Из Барнаула?

- Нет. Из Мурманской области.

- Откуда-откуда?!

- С Мурманов.

- А чего же в такую даль занесло?- голос стал поприветливее.

- Видите ли, есть такое английское слово: "сюрвивалист". Но я иностранные слова не очень люблю. По-нашему, по-русски это будет проще и понятнее - выживальщик...

Дальше продолжить не успел. Звякнула более массивная щеколда и дверь широко распахнулась. Седой, но ещё довольно крепкий старик, державший в руке стволом вниз

карабин, приказал тоном таможенника Верещагина:

- Заходи.

Оказавшись на широком дворе, я быстро огляделся. Небольшая постройка с трубой, похоже, баня. Рядом - большой сарай из силикатного кирпича. Между сараем и домом стоит ветрогенератор. От него тянутся провода и к дому, и к бане, и к сараю. А за сараем стоят две железнодорожные цистерны, вросшие в землю до половины колёс. Хорошо покрашенные, без потёков и следов ржавчины. Дом не так, чтобы очень большой, но и не маленький. А вот забор уходил далеко за дом и противоположный край его еле виден. Это было не то, что я искал - это было более того. Сказка и мечта. Я потряс головой, отгоняя мираж.

- Нет, не снится,- голос у старика стал совсем дружеским,- именно то, что тебе и надобно.- И протянул мне широкую, крепкую ладонь,- Полынников, Николай Андреевич.

- Владимир,- отозвался, всё ещё не веря в небывалую удачу, словно ёжик в тумане, эхом.

- Володя или Вова?

- Кто так зовёт, кто - эдак. По мне - лишь бы в печь не совали.

Старик улыбнулся.

- Пойдём в дом, Вова. Перекусим, чем бог послал, и поговорим заодно. Переночевать есть где, а завтра поутру и баньку истопим. Али торопишься куда?- несмотря на простонародный говор, видно было, что передо мной человек образованный.

- Да, не особенно тороплюсь.

- Вот и ладно. Не только служенье муз суеты не терпит.

В сенях дома горела неяркая лампочка. Но не споткнёшься. Стоят лопаты, грабли, тяпки. Хомутов не видно, но над дверью, ведущей вовнутрь дома, прибита лошадиная подкова - на счастье и удачу.

В просторной горнице чуть поближе к окну стоит массивный, широкий стол, по обе стороны от него - такие же широкие и массивные скамьи. А с торцов стола, как из других времён, стоят два современных городских стула. В левом дальнем углу горницы - русская печь, прикрытая заслонкой. Перед ней на железном листе сложено несколько поленьев. У печи стоит небольшой сундук, покрытый домотканым старинным половиком.

Ближе к двери в полу квадрат с металлическим кольцом - лаз в подпол. Справа, между дверью и окном, стоит большой старинный буфет со всяческой посудой. А в противовес ему, в другом углу горницы, двухкамерный холодильник "Индезит".

Полынников, усадив меня на скамью, поставил карабин в пирамиду у стены. Кроме карабина там стояла ТОЗовская мелкашка .

Хозяин открыл буфет, достал оттуда несколько тарелок, пару стаканов и пару рюмок гранёного стекла. Откинул крышку лаза в подпол и через десяток минут тарелки на столе наполнились квашеной капустой, солёными рыжиками, бочковыми огурцами. Появилась банка с морсом. Из печи настоящим ухватом вынул настоящий чугунок с ещё не остывшей картошкой в мундире.

Пучками лежали свежий зелёный лук и укроп. Затем полез в холодильник, звякнуло стекло.

- Николай Андреевич, я водку-то не очень...- попытался откреститься от выпивки.

- А водку я тебе и не предлагаю. Водку, юноша, у нас пьют только алкоголики и барнаульские барыги. Приличные люди гонят для себя самогон, очищают его до наивысшего состояния, а затем настаивают на ста двух травах. И получается не самогон, а лечебный бальзам. Что называется: "Биттнер" отдыхает. В голову, конечно, шибает, при количествах изрядных. Так что главное - соблюсти количество. А качество я гарантирую,- и водрузил на стол слегка запотевшую бутылку с жидкостью светло-коричневого цвета.- Тут и женьшень есть,- заявил гордо.

Налил мне в блюдечко постного масла, подвинул солонку. Очистив картофелину, я обмакнул её в масло, посыпал сверху солью. Картошка была рассыпчатой, таяла во рту.

Рюмки наполнены. Я взял свою рюмку и понюхал содержимое. Пахло чем угодно, но не сивухой и даже не спиртным.

- Ну, за знакомство.

Чокнулись, выпили. Пилось на удивление легко, напоминая, скорее всего, по вкусу крепкий чай без сахара. Я взял ломоть мягкого, ноздреватого хлеба.

- А хлеб такой чудесный откуда?

- Так сам пеку в печи. Жена, царствие ей небесное, научила тесто делать и хлеб печь. Из города муку завожу мешками. И белую, и ржаную. Хлеба уже давно не покупаем - всю дорогу свой.

После третьей рюмки решили сделать остановку. И Андрейч, как я его теперь называл, начал свою повесть.

Молодым инженером приехал он в местный райцентр в командировку. Пошёл в тайгу с ружьишком побаловаться. Да напоролся на хозяина тайги. А ружьё дробью заряжено. Но успел медведь только ногу Николаю ободрать. Вышедший из тайги охотник, одним выстрелом уложил зверя наповал. А потом взвалил Николая себе на плечо, словно пушинку, и отнёс к себе на займку.

Тогда здесь только дом стоял, да баня. Из лиственницы они срублены, считай, навечно. Ну, и забор этот был, всю займку огораживающий вместе с огородом. А огород-то вовсе и не маленький - сорок пять соток. По краям росли ягоды, а почти весь огород засевали репой. Репа и была основным продуктом питания у староверов. Да дары тайги - грибы, орехи, ягоды. Дичь, когда поста нет. Ещё горох сеяли.

Лечили Николая в бане, в дом не пустили. Когда начал ковылять, дед Афанасий, так звали охотника, спасшего Николаю жизнь, запряг лошадь и отвёз инженера в городок. На прощание протянул ему его ружьё, подобранное в тайге, да кусок копчёной медвежатины.

Долго хромал Николай, но прошла хромота со временем. Женат он был, сын, и дочь у него подрастали. На работе всё ладилось. Но вот выпала ему опять командировка на здешний

трубопрокатный завод. И решил он проведать своего спасителя. Дорогу к заимке хорошо запомнил, когда его на лошади в город везли. А что в подарок взять, чтобы старовера ненароком не обидеть? Вспомнил, что охотился дед Афанасий. Купил пороха, капсулей, дроби да свинца. С тем и пошёл пешком в тайгу.

Нашёл заимку. Ворота нараспашку. Во дворе лошадь палая лежит, её уже обглаживать начали. В избе запах смертный. А на топчане дед Афанасий лежит. Глаза ещё смотрят, дышит хрипло, а двинуться уже и не может. Бросил свои подарки Николай и бегом помчался в город. По дороге понял, что не уговорит врача на заимку ехать. Но знал, что в ближней деревне бабка-знахарка живёт.

Прибежал в городок, выпросил у директора завода мотоцикл с коляской. Доехал до деревни, повалился бабке-знахарке в ноги, стал умолять с ним поехать. Умолил. Усадил бабку в коляску, и поехали они на заимку. Только мотоцикл подъём в гору одолеть не смог. Так Николай, в состоянии аффекта, затолкал его на подъём вместе с бабкой в коляске.

Не испугалась бабка смерти, вошла в избу. Жив ещё был Афанасий. Велела бабка Николаю печь затопить, да отвар готовить стала. А в избе трупный запах стоит.

- Выходишь?- спросил Николай бабку.

- Как бог даст,- отвечает она.

Прыгнул Николай на мотоцикл и до города вмиг домчал. Послал телеграмму жене, чтобы денег побольше выслала телеграфом. А сам на все командировочные накупил коньяку и поехал к командиру местной воинской части. Тот выделил "Урал", солдат, дал три готовых гроба.

Побоялись солдаты в избу заходить. Николай сам на руках тела из избы выносил и в гробы укладывал. Заколотил гробы, погрузили их на "Урал" и отвезли на староверское кладбище. Раньше кладбище посреди тайги было, а теперь оказалось почти на окраине города. Вырыли три могилы, похоронили. Николай последнюю бутылку коньяка отдал плотнику, который соорудил три креста, как на других староверских могилах.

Вернулся Николай на заимку. Афанасий сидит на топчане, качает его из стороны в сторону. Бабка отваром с ложечки поит. Что в рот попадёт, что и по бороде стечёт. Допоила, уложила на топчан, полушубков сверху накидала.

- Пусть спит сутки, а как проснётся, вон в печи горшок стоит, дашь ему, чтобы выпил одним махом. А теперь меня домой отвези, смерть-то я уже отогнала.

Через три дня сидел дед Афанасий на крылечке и рассказывал Николаю, что всю войну он в разведке прослужил. За всю войну ни стопки водки не выпил, ни папиросы не выкурил. Каждый вечер богу молился, даже когда в разведке был.

- Видать, не простил бог меня, что я столько людей жизни лишил, да из чужой посуды ел и пил. Вот и наказал.

После войны ушёл Афанасий в тайгу, построил там заимку, стал грехи свои замаливать. Женился на староверке, сын родился. Решил, что простил бог его.

- Ан, нет. Подождал только немного, а потом и наказал,- вздохнул дед Афанасий.

Вскоре недалеко от заимки построили посёлок, который затем превратился в город. Уйти бы Афанасию подальше в тайгу, а у него семья, хозяйство. Так и остался возле города.

- И за то наказал, что не ушёл в тайгу,- опять сокрушался Афанасий.

Но закваска разведчика сказалась. Через неделю Афанасий совсем оправился от болезни. Принесший из города продукты, Николай увидел деда Афанасия в чёрном костюме, стоящим у ворот. А на пиджаке - иконостас из орденов и медалей.

Был дед Афанасий полным кавалером ордена Славы. Это приравнивалось к званию Героя Советского Союза. Только было тех Героев много больше, чем полных кавалеров. И были ещё на пиджаке справа, возле гвардейского значка, двух орденов Красной Звезды и Отечественной войны шесть нашивок за ранения - две красных и четыре жёлтых. А за Берлин хотели присвоить звание Героя, но решили, что хвати и трёх Слав. Но комдив всё же орден Ленина своему разведчику сержанту Потапову выбил.

Пошли на кладбище. Показал Николай, кто, где лежит. Постоял дед Афанасий над могилами. Только и молвил:

- Кресты поменять надо.

Николай согласился. Выжига-плотник кресты поставил недолговечные, сосновые.

Потом пошёл Афанасий в город. Спросил у Полынникова:

- Паспорт с собой? Деньги есть?

Николай кивнул. Дошёл дед Афанасий до нотариальной конторы. Дождались очереди у нотариуса. Достал Потапов из кармана пиджака какие-то бумаги, паспорт протянул нотариусу, показал на Николая:

- Перепишите всё на него.

Так стал Николай владельцем дома и двух гектаров земли и леса, разрешение на владение которыми было выдано полному кавалеру орденов Славы Афанасию Потапову в 1945 году. Тогда ещё помнили и ценили боевые заслуги разведчика и пролитую им за Родину кровь.

В 1977 году вышел Полынников на пенсию в пятьдесят лет, поскольку работал в горячем цеху. Дети выросли, закончили институты, женились и вышли замуж. Начитавшись статей о грядущей ядерной войне и последующей за ней ядерной зиме, решил Николай Андреевич переселиться в тайгу, к деду Афанасию. Тому уже восемьдесят семь лет исполнилось. Сначала поехал один, разведать обстановку.

Суровый дед Афанасий виду не подал, что приезду Николая рад. Но перед сном, укладываясь на топчан, сказал:

- Осколки из меня военные полезли. Хорошо, Коля, что я дом на тебя оставил. Видно, бог меня к себе призывает. Своих увижу ли?

А утром лежал на топчане с открытыми глазами, но уже холодный.

Отправился опять Николай Андреевич в воинскую часть. Полковник был уже другой, но коньяк тоже любил. И "Урал" выделил. Тем более, что герою войны. Хотели похоронить Афанасия Потапова с воинскими почестями, но Николай этому воспротивился. И прибавилась к трём могилам на староверском кладбище ещё одна по соседству. Крест уже сам Николай делал и ставил.

На сороковой день после похорон Афанасия, выпил Полынников за упокой его души, а наутро послал жене телеграмму: "Приезжай". Сам же принялся приводить хозяйство в порядок, благо, денег поднакопил.

Инженером он хорошим был. С ветрогенератором сразу разобрался. Тот и переменный ток мог давать и аккумуляторы заряжал. Завёз кирпич и построил сарай. Пристроил к избе полуподвал для хранения овощей. Жена русскую печь освоила, и такие шанежки в ней пекла - пальцы откусишь!

Уже в середине восьмидесятых заскочил Николай Андреевич в воинскую часть. А её расформировать решили. Третий по счёту полковник и коньяк любил, и простую водку. И в хозяйстве Полынникова появился новенький УАЗ, гусеничный вездеход и новёхонькая дизель-электростанция.

Самым сложным и дорогостоящим был процесс подъема на гору и через высоченный забор двух железнодорожных цистерн, ранее принадлежавших той же воинской части. Но автокрановщик был мастером-виртуозом. Он потратил три дня, потихоньку перемещая цистерны, стопоря их после каждого подъёма. Перекинуть через забор еле хватило стрелы, крановщик сам заводил стропа, но с задачей справился. В награду получил автомашину "Волга", которая теперь была Полынникову не нужна, ибо подъем в гору взять не могла.

Тогда ещё была талонная система на бензин и солярку. Стоили они баснословно дёшево, особенно в конце квартала. И обе цистерны мгновенно заполнились. Одна - бензином. Другая - соляркой.

- Но нынче бензин кусается. Я уж стараюсь УАЗик зря не гонять, больно много ест. Если что по мелочи - пешком в город прогуляюсь.

Во дворе стоит старинный колодец, оставшийся от деда Афанасия. Но жившие летом на заимке геологи, не взяв с хозяина ни копейки, пробурили ему артезианскую скважину, обсадив её керамическими трубами, которые прослужат практически вечно. А зять привёз два насоса - один рабочий и один запасной. Так что воды в доме - хоть залейся. Стоит проточный электрический водогрей, посуду можно мыть горячей водой, вон в правом углу у дверей раковина из нержавейки стоит. Воду выносить не надо.

- Два года потратил на систему канализации. Потом нужник во дворе съёс и выгребную яму закопал.

- Мне тоже пришлось на острове над канализацией потрудиться,- вырвалось у меня.

- Это на каком таком острове?- поинтересовался Андреич, наполняя мою рюмку.

Пришлось поведать ему небывалую эпопею про перенос дома в неизвестные тропики.

- Жизнь порой превосходит любые фантастические сюжеты,- покачал головой Полынников,- а ты - молодец. Выдержал, значит, испытание.

- По мере сил своих...

- Достоин ты дома этого, достоин. А я всё переживал, что обалдую сыну по наследству достанется, и все мои труды прахом пойдут. И продать незнамо кому жалко. Вот зять у меня и с головой, и с руками. Но не хотят они с дочкой из Барнаула уезжать. У них там работа, друзья, внуки. Я ведь уже прадед. Как Аннушку мою схоронил, так места себе не нахожу. Решил в Барнаул вернуться. Я бы этот дом тебе просто подарил, как выживальщик выживальщику. Но мне квартира в Барнауле нужна. Свою-то мы сыну отдали. Этот балбес два раза женился и два раза разводился. В итоге у него полквартиры оттяпали. А дочка с зятем себе кооперативную купили, хотя мы с женой им деньгами, конечно, помогли.

Я своих всегда предупреждал: если какой-то там Апокалипсис, хватайте детей, внуков и ко мне. А сейчас мне уже восемьдесят три года, трудно хозяйство содержать. Вот в этом году, по привычке, весь огород мотоблоком вспахал, а засеял только половину. Куда мне одному столько? Дети не хотят за овощами приезжать, говорят, что при нынешних ценах на бензин проще картошки в городе купить. Раньше-то погостить летом наезжали, особенно пока дети маленькими были. Привезут к нам на лето, мы с бабкой и рады.

Одному же теперь жить тоскливо. Завёл себе кота, так тот в тайгу удрал, там и сгинул. Ты женат?

- Пока нет. Но собираюсь.

- Разумно. С хозяйкой вдвоём тут жить можно. Глядишь, и дети пойдут. Городок хоть и небольшой, но роддом на весь край славится. Из других городов рожать едут. Врачихи тут, говорят, просто волшебницы. Ни одной детской смерти.

- Это здорово. Это мне пригодится.

- купишь мне квартиру в Барнауле, где-нибудь рядом с дочкиной - и дом твой, со всем участком, с техникой, и причиндалами. В электрике разбираешься?

- Да не так, чтобы очень...

- Плохо. Летом ещё можно электрика из города позвать. Но зимой вы будете отрезаны от внешнего мира, прими во внимание. Не всегда даже на вездеходе можно пробиться. Вездеход водить сможешь?

- В армии доводилось.

- Тогда порядок. Только учти - в городе не дадут гусеницами асфальт корёжить. Доехать можно до шоссе и всё. Осенью и весной - на вездеходе. Летом - на УАЗике, куда хочешь. Давай по последней и на боковую...

Утром Андреич растормошил меня:

- Эй, городской, кто рано встаёт, тому бог подаёт. Вставай, Вовка, я баню истопил, весь пар уйдёт.

Веником Андреич отходил меня знатно. Дал свою чистую просторную рубаху, достал квас с ледника. Экая благодать-то! Попив кваску, достал из своей куртки сигареты. Андреич осуждающе покачал головой:

- А я вот не курил никогда.

Мы сидели на крылечке дома. И я смущённо сказал:

- Обещаю в доме не курить, чтобы не тревожить дух деда Афанасия. Знаю, что староверы табак дьявольским зельем считали, а курение - тяжким грехом.

- То-то и оно.

- Так они и выпивку считали тяжким грехом.

- Уел, уел. Докурил? Пойдём хозяйство осматривать.

### Глава XIII

Моё поместье.

Целую неделю Андреич обучал меня. Два дня я изучал электрику. Оказалось, что помимо воздушных проводов от ветрогенератора идут закопанные в землю кабели. Они запитываются переключением рубильника в случае обрыва воздушных проводов.

В полуподвал, где хранились овощи, вели две двери. Одна - с улицы. Другая, низенькая - из подпола, на случай, если зимой уличную дверь будет не откопать из-под снега. В овощехранилище стояли регулируемые электробатарей - поддерживать сухость и нужную температуру.

День ушёл на освоение мотоблока. Им можно было не только пахать, но и боронить, окучивать, и даже выкапывать картошку и репу, которая тоже была посажена в огороде. Вечером обучался открывать и закрывать замки в доме, на воротах, на калитке. Они все были хитрыми и с секретом. По верху забора шла тонкая проволока. Стоит её задеть и по всему периметру забора начнут взлетать сигнальные ракеты. Ворота, кроме всего, перекрывались толстым брусом, вставляемым в стальные скобы. Не дом - крепость в миниатюре.

Один день потратил на самогонварение и хлебопечение. Первые караваи получились корявыми и несъедобными. Только к вечеру достиг более-менее приличного результата.

- Будем считать, что освоил. Руку набьёшь, и чем дальше, тем будет всё лучше,- успокоил меня Андреич.- По солению, квашению капусты, маринованию грибов и огурцов оставляю вот эту книжку. Тут всё ясно и доходчиво изложено.

День заняли насосы. Их было три. Один - для воды и по насосу на каждой цистерне.

- С соляркой цистерна почти полнёхонька, я вездеход особо и не гоняю. Дизель-электростанция - это резерв на случай аварии с ветрогенератором. Геологи перед отъездом мне ещё солярки подлили. А вот бензина всего половина цистерны. Если деньги позволяют, то до наступления осени пригони бензовоз. Хотя тридцать тонн тоже надолго хватит, но ты же знаешь, как выживальщик, что запас никогда не помешает.

Ближе к вечеру пошли знакомиться с лесником Василичем. Он должен показывать, где можно напилить дров. Попили самогонки, настоящей на калганном корне и берёзовых почках.

Василич курил "Беломор" и мы с ним всласть подымили, под осуждающими взглядами Андреича. Контакт был установлен полный.

Ещё узнал я у Андреича, что мобильная связь на заимке есть.

- У меня "Nokia" старенькая, так я с дочкой иногда беседую. Билайн и Теле-2 тут не в ходу. МТС тоже порой барахлит. А вот Мегафон - надёжный. И десяток телеканалов у нас есть.

Что ж, есть мобильная связь, значит, есть и Интернет. Без куска хлеба не останусь. И даже с маслом. И даже колбаски сверху можно.

Один день мы провели в городе. Полынников переоформил на меня всё своё оружие, уазик и вездеход.

- Всё,- вздохнул с облегчением он,- сюда уже могу больше и не возвращаться.

Всем представлял меня новым хозяином заимки. А поскольку знакомых у него в городе было великое множество, то и меня многие запомнили.

И вот Андреич нарядился в костюм, собрал сумку с кое-какими пожитками. Мы закрыли все замки в доме, вывели за ворота УАЗик, закрыли ворота и калитку.

- Вообще-то, пакостников здесь не водится, но бережёного бог бережёт,- заметил Андреич.

С горы моментально докатили до городка. Машину поставили в уголке площади возле автовокзала. Верх у неё был не брезентовым, а металлическим. Бензобак, от слива бензина, предохраняли замок и секретная защёлочка,двигаемая ногтем, внизу заливочной горловины. Она опускала и поднимала заслонку, перекрывающую вход в бензобак.

Я купил два билета на автобус до Барнаула.

- Андреич, не протестуй, все расходы за мой счёт. На свою накопившуюся пенсию купишь подарки внукам и правнукам.

В Барнаул приехали вечером. Андреич направился ночевать к дочери. Я категорически отказался причинять хлопоты и неудобства его родственникам. Заверил, что прекрасно переночую в гостиничном номере. Договорились, где встретимся утром и расстались.

Поселившись в гостинице, сразу же подключил ноутбук. Проведя пару часов в Интернете, улёгся спать, весьма довольный достигнутыми результатами.

Утром, встретившись с Андреичем, после рукопожатия объявил ему:

- Мне повезло с домом. Тебе повезло с квартирой. Продаётся двухкомнатная в том же подъезде, где живёт твоя дочь, только этажом ниже. В ремонте не нуждается, евроремонт сделан совсем недавно. Агентство всего в пяти минутах ходьбы отсюда.

- Великолепно! Идём скорее. Чтобы вдруг не продали.

- Не продадут. Я им позвонил и сказал, что квартиру купим. Цена вполне божеская - около двух миллионов.

- Ого! Да в Барнауле за миллион можно квартиру купить - сейчас на рынке вторичного жилья

временный спад.

- За миллион ты купишь квартиру без ремонта. Сколько денег, времени и сил потребует ремонт - неизвестно. А здесь - заселяйся сразу. Кроме того имеется кое-какая встроенная мебель и встроенная же бытовая техника: стиралка, газовая плита, кухонный гарнитур, шкафы-купе.

За разговором дошли до агентства и остановились возле дверей.

- И чего ждём?- спросил Андреич.

- Не чего, а кого. Сейчас должна подъехать юрист Маргарита Свиридова, я с ней созванивался и договорился, что она приедет.

- А зачем нам юрист?

- Чтобы с квартирой не объегорили. Знаешь, как бывает? Купишь квартиру, а сделку объявят ничтожной. Или кто-то не выписан, или согласие какого-нибудь несовершеннолетнего не получено. Так вот, Свиридова считается лучшим специалистом в таких вопросах.

- Это ты хорошо придумал. Я бы и не допетрил.

Подъехала на новенькой иномарке Свиридова. Мы втроём прошли в агентство. Просмотрев все документы и сделав пару уточняющих звонков, наш юрист сделку одобрила. Договорившись с ней встретиться через час в нотариальной конторе, мы пошли с представителем агентства смотреть квартиру.

Что ж, квартира своей цены стоила. Действительно, свежий евроремонт, прекрасный кафель, ламинат на полу, натяжные потолки, красивые светильники. На двойной входной двери (одна - металлическая) стоят надёжные замки. Сантехника вся новая, хорошая. Бытовая техника на кухне - фирмы "Bosh". В спальне и в прихожей - встроенные шкафы-купе. В гостиной - встроенные книжные шкафы со стеклянными дверцами. Прелэстно, прелэстно!

Отправились к нотариусу. Свиридова, посмотрев документы на заимку, посоветовала оформить не дарственную, а договор купли-продажи.

- Просто укажите цену небольшую, в разумных пределах. Лучше заплатить некоторый налог, зато потом не иметь головных болей.

Поблагодарив Маргариту Васильевну, вручил ей немаленький её гонорар. В долларах (это её устроило). Представитель агентства тоже согласился получить оплату за квартиру в баксах. Так что в обменник бежать не пришлось, пересчитали цену квартиры по курсу.

Дела бумажные меня всегда утомляют. Но вот Полынников стал полноправным хозяином квартиры, а я получил документы на владение заимкой и двумя гектарами окрестной земли. У меня теперь собственное поместье!

## Глава XIV

### Богатство

Денег ещё оставалось немеряное количество. Сказав Андреичу, чтобы дожидался меня в своей

новой квартире, заскочил в обменник, а затем в мебельный магазин. Там попытались сказать, что доставят купленную мной мебель в течение дня.

- Мне ваше течение дня до лампочки! Надо немедленно! Вот вам ещё тысяча сверху и грузите мебель в фургон. Не привезёте через два часа - ославлю на весь Барнаул!

Ринулся в соседний компьютерный магазин. Купил ноутбук и модем к нему. С ноутбуком успел дойти до дома Андреича, когда подъехал мебельный фургон и из него выскочили грузчики.

- Во, Андреич, принимай аппарат! Махнул не глядя! Дверь не запирай, сейчас мебель понесут.

- Какую мебель?

- Не можешь же ты в квартире без мебели жить.

- Вова, ну, зачем?!

- Я хотел за твою заимку четыре миллиона заплатить, а квартира всего в два обошлась. Так что, мебель и ноутбук - это мелочь, в придачу к квартире. Но необходимая мелочь.

Грузчики внесли шикарную двуспальную кровать, кухонный и обеденный столы, табуретки на кухню и стулья в гостиную. Журнальный столик. Кожаный диван и два кожаных кресла в гостиную.

- Чего не хватает, то уж сам докупишь. Я брал так, навскидку. Вот тебе деньги, заплатить налог за продажу заимки.

В дверь снова позвонили. Внесли большую тумбочку, на неё установили плазменную панель. TV-кабель оставался от прежних хозяев, специалист приехал вместе с телевизором и вскоре на экране появились новости от НТВ.

- Ну, ты даешь, Вовка!- восхищённо покрутил головой Андреич.

- А то?! Или мы не выживальщики?!

День пробежал. Промчался. И вечером в квартиру Андреича пришли дочь и зять - милые, приветливые люди. А потом повалили и внуки и правнуки. Принесли скатерть на стол, недостающие стулья, продукты. Я позвонил в ближайший супермаркет, осуществлявший доставку еды на дом. И вскоре стол ломился от деликатесов и напитков. Новоселье получилось на славу. Андреич объявил всем, что я - новый хозяин заимки и его большой друг. И за моё здоровье дружно выпили.

Ушёл я в гостиницу далеко за полночь, хоть и предлагал Андреич остаться переночевать. Я объяснил, что с утра поеду в райцентр, надо отогнать УАЗ на заимку и съездить в Мурманскую область, продать там квартиру и машину.

Перед моим уходом, Андреич сказал мне:

- Вова, помнишь, возле печи сундук стоит?

- Помню.

- Там от деда Афанасия имущество осталось. Я не мог это добро тронуть, он ведь мне, вроде как

родной был. А ты уж распорядись по своему усмотрению. И ещё. Знакомый офицер мне оставил на сохранение, а сам в Чечне погиб. Ты в подполе загляни под самую дальнюю нижнюю полку слева. Только потом с этим поосторожнее. Сам поймёшь, не маленький.

Мы обнялись на прощание, договорились держать связь по скайпу и я пошёл вздремнуть в гостиницу. Досплю в автобусе, по дороге в район.

Открыв ворота, загнал УАЗик во двор, запер ворота на брус и замок. Вошёл в дом. Что же там в подполе? Открыл люк, включил лампочку. Но в левом дальнем углу темновато. Взял фонарик, осветил под нижнюю полку. Вон оно что! Стоял на сошках РПК с пристёгнутым коробом. Короб с запасной лентой - рядом. А в картонной коробке - десяток "лимонок". И два одноразовых гранатомёта. Вот это арсенал! Если кто-нибудь, кроме своих, наткнётся, мало мне не будет. Статью за хранение оружия и боеприпасов ещё никто не отменял. Но расстаться с таким богатством, выкинув его?!

Закрыв подпол, подошёл к сундуку. Замка на нём не было и, убрав половичок, откинул крышку. Сверху лежали четыре иконы. Потемневшие от времени, очень древние. Но лики святых отчётливо видны. Под иконами - три книги. Одна из них совсем ветхая, зачитанная почти до дыр. А одна - диковинная, в деревянном переплёте. И страницы не из бумаги, а из кожи. На коже вытиснены буквы и раскрашены краской. Где - чёрной, а где - красной. Раритет.

Под книгами лежала солдатская гимнастёрка и пилотка со звёздочкой. На гимнастёрке россыпью навалены ордена и медали. И "За отвагу", и "за оборону Сталинграда", и "За победу над Германией". Ордена Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, Ленина, Славы...

Знал я, что сейчас ордена эти стоят бешенных денег, та же Слава 1-ой степени или орден Ленина. Но, вынув иконы и книги, закрыл я сундук. Буду потом эти ордена и медали показывать своим детям и рассказывать про дивизионного разведчика гвардии старшего сержанта Афанасия Потапова.

Бережно уложив иконы и книги в пакет, а пакет - в сумку (пришлось сумку с ноутбуком достать и нести отдельно на плече), запер заимку. Покурил на крылечке, подумав: не забыл ли чего.

Вышел на дорогу, заперев за собой калитку, и быстро зашагал в город. Еле успел на последний автобус до Барнаула.

Приехали уже ночью. Железнодорожный вокзал жил ночной жизнью, один билет до Москвы нашёлся. Поболтавшись по вокзалу, купив какой-никакой снеди в дорогу, вошёл в своё купе в поезде и улёгся спать. Дорога поездом была долгой и тяготной. С одной из станций дал телеграмму Наташе, поздравляя её с совершеннолетием. Просил передать поздравления с днём рождения Ларисёнку. Закончил телеграмму туманной фразой: "Буду примерно через пару недель".

Приехав в Москву, остановился в той же гостинице, что и в начале поездки. Недорого, но чисто. Без особого комфорта, так он мне и не нужен.

Четыре дня бродил по антикварным магазинам и лавкам, приглядываясь к атмосфере, определяясь с ценами. Наконец, решился. Выбрал не самый фешенебельный магазин, но и не захудалый. Немного выше средней руки. Хозяин, который иногда появлялся в зале, внушил

доверие на уровне подсознания.

Я уже вычислил, что в торговых залах антикварных магазинов держат всякую лабуду. Стоящий товар выносят нужным людям в нужное время. Поэтому, подойдя к продавцу, сказал, что хотел бы предложить хозяину магазина товар.

- Может, я...- начал продавец, но я оборвал его решительно:

- Нет, только хозяину.

Продавец поднял трубку телефона. Такой способ связи тоже хорошо характеризовал магазин.

- Борис Ефимович, вас тут спрашивают по поводу сдачи товара.

Тоже грамотно: сразу сообщил суть проблемы. Хозяин пришёл в зал незамедлительно.

- Здравствуйте, молодой человек. Что имеем показать?

- Я - одессит, я - из Одессы, здрасьте...

- Что вы, это так, оборот речи. До настоящего одесского еврея мне ещё расти и расти,- улыбнулся Борис Ефимович.

- Давайте отойдём вот, хотя бы, к столику у окна.

Я достал из сумки одну икону. Борис Ефимович сразу стал серьёзным. Повертел икону в руках, повернул ликом к окну, постучал костяшками пальцев по оборотной стороне иконы.

- Староверы?

- Совершенно верно.

- Век, эдак, восемнадцатый. Точнее может сказать только эксперт. Но моих знаний хватает на то, чтобы определить - это не подделка.

- Таким не балуемся.

- Я, безусловно, её возьму,- и назвал цену.

Осторожно вынув икону из его рук, я сказал:

- Кланяйтесь от меня тётке Моте,- и сделал шаг к выходу.

- Молодой человек, но это же торговля! Должен же я иметь свой гешефт, чёрт побери!

Я обернулся. Борис Ефимович картинно заламывал руки, на лице было написано отчаяние. Зажав икону под подмышкой, я похлопал в ладоши.

- Браво! Боря Сичкин умер бы от зависти. А при таких размерах профита чёрт непременно поберёт, поелику это уже не торговля, а грабёж.

Борис Ефимович улыбнулся совсем дружелюбно:

- Я же вас совсем не знаю. Будь вы известный коллекционер или человек публичный...

- Известный коллекционер бился бы с вами за каждый рубль. Я принёс вам реальный товар, за который вы даёте нереальную цену. Я, конечно, полный профан, но, по-моему, из четырёх икон эта - самая молодая. Остальные - более древние. Придётся, похоже, обратиться к эксперту.

- Так их четыре?- почему-то шёпотом спросил Борис Ефимович и в глазах его загорелись огоньки. Точнее, огонь запылал.

- Да. И помимо икон - три староверские книги. Привёз с Алтая. Но не шарашил там по деревням. Купил на Алтае поместье, там и были иконы, и книги. Даже не от предыдущего хозяина, а от предыдущего ему.

Борис Ефимович ласково взял меня под руку и опять подвёл к окну.

- Книги старинные?

- Достаточно. Только одна не на бумаге напечатана.

- Я весь - внимание.

- Листы из кожи, буквы тиснёные, переплёт деревянный. Старославянскую вязь, к сожалению, читать не обучен.

- Молодой человек, вам крупно повезло, что вы обратились ко мне. Я, хотя и торговец, и еврей, но честный еврей. В Москве людей убивают куда как по меньшему поводу. Вы понимаете, что в ваших руках - миллионы?

- Уж не вчера родился. И не пальцем делали.

- Вы в Москве где остановились?

- А ключ от номера вам не дать?

- Я охрану хотел выделить. Хорошо, встретимся завтра в банке. Сами понимаете, ни в магазине, ни дома я таких денег не держу. Со мной будет эксперт и охрана.

- Борис Ефимович, надеюсь вы знаете, что преступления происходят из-за утечки информации. Нет утечки - можно ничего не бояться. Об иконах и книгах знаю я и вы. Пусть ваш эксперт и ваша охрана следуют в банк, не зная о цели визита. И я буду абсолютно спокоен и в полной безопасности. Значит, в одиннадцать ноль-ноль? Буду точно в срок. Желаю всего хорошего.

- До свидания, до завтра.

Охранники оказались двумя дюжими молодцами с выпиравшими из-под пиджаков кобурами. Не доверял бы я охрану таким "быкам". Ну, да это не моя охрана. Экспертом был маленький сухонький старичок в толстых очках, вооружённый огромной лупой. Стопроцентный типаж.

Осмотрев две книги, он важно покивал Борису Ефимовичу.

- Безусловно, ценно.

Третья книга лежала под иконами, в самом низу. Про верхние три иконы эксперт покивал точно так же: "Безусловно, ценно". Взяв же четвёртую, долго рассматривал её через лупу. И оказался эмоциональным, как и почти все старые учёные. Не удержавшись, показал Борису

Ефимовичу большой палец. Борис Ефимович пытался придать себе скучающий вид, но это ему не удалось - он волновался.

Эксперт ещё держал четвертую икону в руках, когда узрел лежащую перед ним книгу. Бережно отложив в сторону икону, взял лупу, осмотрел переплёт и раскрыл книгу. И вот тут-то спокойствие ему полностью отказало: руки затряслись, лупа ходила ходуном. Он и не пытался взять книгу в руки, она лежала на столе.

- Что? Что?!- сорвался Борис Ефимович.

- Боря, это не раритет. Это - уникам,- сорванным от волнения голосом прохрипел эксперт,- считай, что этот молодой человек приволок тебе сундук с сокровищами.

Вот так я из рублёвого миллионера, превратился в миллионера долларового.

В банк вызвали нотариуса и он приехал. Я подробно изложил на бумаге историю приобретения книг и икон. Подтвердил, что продал всё Борису Ефимовичу и нотариус тут же заверил мою подпись под всем вышеизложенным. Три иконы и две книги Борис Ефимович забрал с собой. А четвертую икону и "кожаную" книгу положили в банковскую ячейку. Я тут же абонировал в банке ячейку и сложил туда тугие пачки в банковских обёртках. И не в долларах. И не в евро. В банке нашлось необходимое количество швейцарских франков. Часть денег мне в банке перевели на карту. Часть - выдали наличными.

Борис Ефимович долго тряс мою руку.

- Я рад, Владимир, что моё чутьё меня не подвело.

- Аналогично, Борис Ефимович. Значит, гешефт-то имеет место быть?

- Ах, Владимир,- погрустнел антиквар,- знали бы вы, сколько хлопот теперь предстоит бедному еврею и с этой иконой, а главное - с этой книгой.

Но расстались мы весьма довольные друг другом. Уж теперь-то я залью цистерну бензином по самую горловину!

Тут же зашёл в ближайшее отделение Сбербанка и полностью погасил кредит, благо кредитный договор был с собой. Но всё же банк поимел с меня комиссию за кредит и проценты за один месяц. Где прошёл банкир, там грабителю делать нечего!

Взял билет на поезд до своего города, вкусно пообедал в Камергерском переулке, зашёл в ювелирный магазин, где приобрёл золотой кулон с крупным алмазом. Немножко поразмыслив, купил ещё один кулон, но с изумрудом. И не очень крупным. Но и не мелким. Средним.

Добрался до гостиницы, забрал сумку, сунув на освободившееся место ноутбук, и отбыл на вокзал.

## Глава XV

Отъезд.

Поезд приходил в город утром. Я не бросился домой, а тут же на станции заказал железнодорожный контейнер. Мне сказали, что свободных контейнеров нет. Положил на стол две пятитысячные бумажки и мне сказали, что контейнер будет у моего дома сразу после обеда.

Заехал в редакцию местной газеты, дал объявление, что срочно продаётся новая "Субару". Цену обозначил на низшей границе разумного предела. Должна уйти быстро, машина хорошая.

В агентстве по грузоперевозкам объяснил, что грузовик мне не нужен, но после обеда нужны двое-трое расторопных молодых грузчиков. Оплата двойная. Заверили, что грузчики будут.

В агентстве по недвижимости, узнав, какую цену я хочу за трёхкомнатную квартиру, сказали, что покупателя ждать не будут. Агентство может купить эту квартиру за свои деньги. Отлично, только чуть погодя. Мне ещё надо собраться, а жить-то где?

Контейнер и грузчики прибыли одновременно. Оба чулана и комната-склад моментально опустели. В контейнер погрузил и стационарный компьютер, пару стульев, кухонный стол и табуретки. Компьютерный стол с креслом - туда же. Контейнер увезли, грузчики, получив деньги, убыли.

Всё. На сегодня - всё. Вечер тёплый, сижу на лавочке, курю. Нежные тонкие девичьи пальцы закрывают мне глаза.

- Наташенька!- радуюсь я.

- Сволочь ты, Вовка! Какая я тебе Наташенька?!

Севшей рядом на лавочке Ларисе, протягиваю коробочку с кулоном.

- Поздравляю с прошедшим днём рождения. Меня не было в городе, только сегодня приехал.

- Ой, это что, золото?!

- Нет, самоварная медь. А камень из бутылочного стекла.

- Вова, это же изумруд!

Тут же одела на шею, чмокнула меня в щёку.

- Спасибо, любимый!

Я люблю Наташу. Но и жаркие объятия Ларисёнка забыть не могу. Всем ли мужчинам присуща полигамность?

- Кыш, малолетка,- а вот этот голос я ни с чьим другим не спутаю. И ко мне прижимается тугое Наташино бедро. Достаяю из кармана ещё одну коробочку.

- Поздравляю с наступившим совершеннолетием.

- Спасибо, Володенька. Какая прелесть! Скажу маме, что это страз. Узнает, что настоящий бриллиант - запилит,- застегнула замочек на шее,- малолетка, ты ещё здесь?

- А помните, как по вечерам у костра втроем сидели?- грустно вздыхает Лариса.

- Это всё в прошлом. Ты сегодня приехал? Я каждый день тебя из окна высматривала.
  - Сегодня. И весь день крутился.
  - Я видела, как контейнер грузили. Куда мы уезжаем?
  - Я уезжаю. А ты захочешь ли в такую глухомань ехать? Ведь по полгода за забор не выйти,- и кратце рассказал ей про заимку.
  - Я согласна целый год за этот забор не выходить,- сказала Лариса.
  - Иди-ка ты к маме! Я с тобой, Володенька, и на край света согласна. Мне кроме тебя и не нужен никто.
  - Наташ, я же не виновата, что у меня мать - алкоголичка. Я же ей не наливаю. Вот, сама в жизни водки в рот не возьму. Мне даже мысль о ней противна.
  - Квартиру купят хоть завтра. Теперь только продажа машины будет задерживать. Когда ещё её купят?
  - Могу помочь,- в голосе Ларисы - затаённая радость,- у Наташки Масловой отец давно на "Субару" деньги копит. Именно "Субару" ему надо и ничего другого.
  - Познакомишь?
  - Да не вопрос. Ещё не поздно, пойду к Масловым схожу, возьму у дяди Васи номер телефона. Дождёшься?
  - Хорошо, покурю ещё.
- Лариса сорвалась с лавочки и убежала.
- Любишь её?- голос у Наташи дрогнул.
  - Как тебе сказать?..
  - Как есть, так и скажи. У меня в июне месячные не пришли. Взяла тест, проверила. Потом пошла в женскую консультацию. Подтвердили. У меня, кроме тебя, никого и не было. Это твой ребёнок, Володенька.
- Я взял её руки в свои ладони. Покрывл поцелуями всё её лицо, шею, грудь, насколько позволял вырез футболки.
- Спасибо тебе, любимая моя жена. Это не остров. Рожать будешь в лучшем роддоме Алтайского края.
- Она улыбнулась счастливо. Подлетела к лавочке Лариса:
- О чём болтаем?
  - О том, что от Володи ребёнка жду. Беременная я. Понятно? Он мой и только мой.
  - Значит, не повезло мне, что я на острове не залетела,- совсем печально промолвила Лариса. Ткнула мне в руки бумажку. - Желаю счастья в личной жизни,- и побрела к своему подъезду. У

подъезда остановилась и прокричала:

- Всё равно тебя люблю! Тебя одного! На всю жизнь!- и скрылась в подъезде. Мы помолчали. И вдруг Наташа сказала:

- Жалко мне её. Всё же на острове мы были вместе. А если она однолюбка? Вся жизнь у неё будет покалеченная.

Я проводил Наташу до дверей её квартиры, нежно поцеловал, пожелал ей и ребёночку спокойной ночи. И пошёл к себе на пятый этаж, в опустевшую квартиру. Полночи прокурил у открытого окна, размышляя про остров.

Утром позвонил Маслову, мы поговорили и условились завтра встретиться в ГИБДД, оформить на него "Субару". После этого я почти весь день провёл, блуждая по гаражам. И нашёл то, что искал: продавали гаражную "шестёрку" с очень маленьким пробегом. Так что, на следующий день я удивил местных гайцов - человек продаёт "Субару" и тут же покупает "Жигули". А всё объяснялось очень просто: случись что-нибудь с "Субару в дальней дороге и запчастей общешься. А на "Жигули" в любом городишке запчасти есть. Опять же, "Субару" - машина весьма приметная, а я лишнего внимания к своей персоне не хотел.

Хоть и были "Жигули" почти без пробега, но загнал я их в автомастерскую. Там сделали развал-схождение, диагностику двигателя, ходовой, проверили электрику, поменяли масло и фильтры. Заверили, что сорок тысяч километров машина должна пройти без проблем, а уж на

тридцать тысяч дают стопроцентную гарантию. Пока делали машину, я собирал свои вещи. Потом позвонил в агентство по недвижимости и сказал, что готов продать квартиру. Наташины родители были на работе, и она спокойно набила вещами большую сумку. Я перенёс её к себе. Съездил в агентство, оформили договор купли-продажи квартиры. Отдал им два комплекта ключей, сказал, что переночую в квартире последний раз и захлопну дверь, оставив ключи на столе. С оставшейся мебелью и холодильником могут поступать по своему усмотрению. Получил за квартиру деньги и спрятал их в свой пояс с кармашками - на дорогу нужны наличные.

Времени было два часа дня, когда я, пообедав, лёг спать. С Наташей было всё оговорено, письмо родителям она уже написала, оставалось положить его на видном месте.

Проспав двенадцать часов, поднялся по будильнику. Для "совы" ночное время - не проблема. Попил кофе и залил кофе в два термоса, наделал бутерброды в дорогу. "Жигули" стояли у подъезда, и я погрузил в багажник наши вещи. Покурил в последний раз на заветной лавочке. Во двор, потирая

глаза, вышла Наташа. Я уже прогревал мотор. Наташа села на переднее сиденье, пристегнулась и мы поцеловались.

- Земля, прощай. В добрый путь,- засмеялась Наталья.

Когда я отпускал сцепление, хлопнула задняя дверь.

- Уф, успела,- выдохнула Лариса.

Волна свирепой Наташиной ярости прокатилась по салону машины.

- Явилась, не запылилась, Лариска-сосиска!- раздалось змеиное шипение.
  - Вот только киднепинга нам и не хватало. Ларисёночек, мне же за тебя статью припаяют.
  - Я матери записку оставила, что устала от её пьянства и уезжаю к отцу. Она меня искать не будет. Поплачет, да водкой всё и зальёт. С отцом они не общаются.
  - А отец у тебя кто?
  - Он нефтяник, в Западной Сибири работает. Только у него другая семья и я ему нужна, как зайцу - стоп-сигнал. Если меня с собой не возьмёте, залезу в ванну с горячей водой и вены себе вскрою. Пока мать протрезвеет, я на том свете буду.
  - Психическая,- убеждённо заявила Наталья.
  - Не психическая, а любящая. Вовочка, я тебе ноги мыть буду и портянки стирать. И ребёночка вашего качать по ночам.
  - Буду мыть тебе посуду,
- Поросят качать я буду...- ёрничала Наташа.
- Миленькие мои, ну, не бросайте вы меня!
- Отпустил сцепление, поддал газку и "Жигулёнок" рванул вперёд. Молчал. Наташа тоже молчала, глубоко задумавшись. Лариса молчала, сиюсь сдержать улыбку.
- Там плед на заднем сидении, ляг, накройся с головой и чтобы тебя не видели, и не слышали. Если что, ты - моя племянница, дочь моей старшей сестры. Поэтому и фамилии разные. Где вещи?
  - Между сидений сумку бросила.
  - Потом переложим в багажник,- и задвинул защёлку на Наташиной двери,- задремлешь, привалишься к двери и выпадешь.
  - Так что, мы её с собой берём?
  - А ты категорически против?
  - Против, но не категорически. Не смотри на меня так, на дорогу смотри, мусульманин хренов!
  - Значит, опять втроём...
  - А Маша с Дашей?
  - Машу с Дашей ты мне родишь.
  - Я тебе мальчика рожу. А Машу с Дашей пускай Ларисёнок рожает.
  - Это я запросто.
  - Тебе что велели? Лежать и молчать.

- Молчу, молчу. Только люблю я вас обоих, ребята.

Ехал быстро, но аккуратно. Всё же, рядом жена с ребёнком. Хоть и не родившимся. Останавливались только "в кустики" сходить. В каком-то сельмаге у дороги купил пакет молока. Отлил из термоса себе в крышку черного кофе и долил термос молоком.

- Это тебе, Наташенька. Чёрный нежелательно.

- Спасибо, заботливый ты мой.

Теперь они с Ларисой на ходу ели бутерброды с сыром и колбасой, запивая кофе.

В середине следующей ночи, которая уже почти и не белая, выскочили на Народную улицу. Ивановская, проспект Славы и через Типанова выезжаем на Московский проспект. Вот и Питер позади.

На рассвете свернул к придорожному мотелю. Всё же, больше суток за рулём, опасно. Рядом с мотелем не супер, а просто маркет. Магазин, по-русски. Ужас, до чего загадили наш язык! Накупил всякой всячины. Снял в мотеле двухместный и одноместный номера. Дальнбойщики, проснувшись, начинали разъезжаться, номеров свободных много. Протянул Наташе несколько купюр.

- Тут кафе внизу, можете пообедать. Меня никоим образом не тревожить. Вы же не хотите, чтобы я полусонный под "КАМАЗ" залетел?

- Не хотим. Твой сон для нас - святое.

- Хочешь, буду мух отгонять,- предложила Лариса.

- Ты сама почище любой мухи будешь.

Наташа захохотала. Лариса обиженно выпятила нижнюю губу.

- Так. Кому-то домой пора. Денег на дорогу выделю.

Умоляюще сложила ладони перед собой, склонилась в низком поклоне.

- Прости, господин мой, недостойную рабу твою.

- Вы тоже поспите, девочки. К вечеру тронемся.

Выехали в шесть вечера. В Новгородской области ночью совсем темно и я ехал уже не аккуратно, а осторожно. Зато ночью движение меньше. И следующим утром, проехав по МКАД, выехали на шоссе Энтузиастов.

И только один раз, за Владимиром, остановили гаишники. Просмотрев документы, сержант буднично спросил:

- Оружие, наркотики?

- Наркотиков нет, оружие есть,- и протянул насторожившемуся сержанту разрешение на "Сайгу".

- А зачем?

- На дорогах нынче не всегда спокойно. Вы, вон, с автоматом...

- Кто с вами?

- Жена и племянница.

- Куда следуете?

- На Алтай.

Он присвистнул: - Туда далековато.

- Ничего, доберёмся.

- Машину осматривать будем?

Я, пожав плечами, вытянул перед собой раскрытые ладони. Между пальцев - пятидесятидолларовая бумажка.

- Осматривайте. Только вам лишние хлопоты, да и мы время потеряем.

Купюра исчезла в сержантском кармане. Посмотрел в машину. Наташа сидела спокойно, хотя между дверцей и её сиденьем лежала "Сайга". Не сложенная и зачехлённая, как полагается, а с примкнутым магазином и патроном в патроннике - только с предохранителя снять. Но Наташа своим телом закрывала карабин от взора. Лариса, лежавшая на заднем сидении, приподняла голову.

- Красивая у вас жена,- в голосе сержанта откровенная зависть. Или не женат или жена страшенькая. Посмотрел на Ларису:- и племянница красивая.

Протянул мне документы, козырнул:

- Счастливого пути.

- Спасибо. И вам удачи.

Специально для гибддшников были у меня приготовлены пятидесяти и сто долларовые купюры. Но остановили нас, в дальнейшем, только на въезде в Барнаул.

- 51-й регион. Это же Мурманская область!

- Оттуда и едем. Устал я, ребята. Сейчас в Барнауле отдохнём, а там и до дома рукой подать,- и откровенно протянул сто долларов. Лейтенант даже документы смотреть не стал.

- Поезжайте.

Барнаул я знал очень плохо. И, даже купив карту, долго блуждал, пока выехал к дому Андреича. Запер машину, но зачехлённую "Сайгу" взял с собой. Боялся оставлять оружие в машине без присмотра.

Поднялись по лестнице. На наше счастье, Полынников был дома.

- Вова! Проходи, проходи. Это кто с тобой? Знакомь.

- Николай Андреевич, прежний хозяин нашего поместья. А это Наташа - моя жена. И Лариса - запасная жена.

По подзатыльнику мне прилетело сразу с двух сторон. Осмелела Лариса, поняла, что уже не прогонят. Тем более, что уходя спать в последней придорожной гостинице, на прощание поцеловал не только Наташу, но и Ларисёнка. Наташа недовольно хмыкнула, но смирилась.

Мы уселись в гостиной. Девчонки - на диване, смирно сложив руки на коленях, сидя прямо. Я и Андреич развалились в креслах.

- Это они с тобой на острове были?

- Да. Обе.

- Сколько же Ларисе лет?

- Семнадцатый пошёл.

Андреич погрозил мне пальцем:

- Смотри, Вовка! Конечно, закон - тайга, а медведь - прокурор. Но лучше ей лишний раз в райцентре не показываться. Начальник РУВД подполковник Сергеев - человек строгий. Бандитов не крышует, закон чтит. Решает всё по справедливости. Но закон-то чтит. А по закону, сам понимаешь...

- Не мог я её там одну оставить.

- Не мог, так не мог. Вы как, на поезде добирались?

- Нет. Своим ходом, на "Жигулях"

- Ого! Заночуйте-ка у меня. Я на двухспальную кровать свежее бельё постелю, девушки вдвоём вполне поместятся. А тебе, Вова, на диване. Сам могу или в кресле подремать, или к дочке пойти. У меня всё равно бессонница стариковская. А утречком и тронетесь в путь до заимки.

- Хорошо, Андреич. Девчонкам и вправду отдохнуть надо, тем более, что Наташа в положении.

- Так ты отцом скоро станешь?

- Где-то в феврале.

- А как...

- Уже продумал. Куплю в городе бульдозерный нож, он на вездеход навешивается. Придётся после каждого снегопада дорогу чистить. Ну, а за пару недель до родов уложу её в роддом. Иначе никак.

- Разумно,- и хлопнул меня по колену,- всё-таки молодец ты, Вова. Настоящий выживальщик.

Я рассказал Андреичу, как распорядился имуществом деда Афанасия из сундука. Он вздохнул:

- Может, оно и верно. Чего книгам да иконам гнить в сундуке. А так хоть какому-нибудь коллекционеру послужат, глядишь, и в музей попадут. И с наградами правильно поступил, что не соблазнился продать.

- Их, пожалуй, с гимнастёркой и пилоткой тоже в музей надо.

- Это уж ты сам решай. Давай-ка я вас покормлю с дороги.

- Мы тут в магазин заглянули. У нас в пакете и курица копчёная, и сыр, и хлеб.

- Пойдём на кухню, стол накроем. А вы, дамы, пока отдыхайте. Телевизор вам сейчас включу.

Перед сном я зашёл в спальню. Лариса и Наташа, лёжа в постели, целовались. Увидев меня, смутились.

- Мы перед сном решили разочек поцеловаться, пожелать друг другу спокойной ночи.

- Замечательно.- Поцеловал Наташу,- спокойной ночи, Наташенька, и тебе, и ребёночку нашему. Скажи ему, что папа его очень любит.

Поцеловал Ларису:- спокойной ночи, Ларисёночек.

Лариса шмыгнула носиком и дрожащим голосом прошептала:

- Спасибо тебе, Вовочка. И тебе, Наташенька, спасибо. Спокойной всем ночи.

Утром, попрощавшись с Полынниковым, объезжая ямы и колдобины, неспешно добрались до места. Перед въездом в город свернул направо, на грунтовку. За месяц совсем травой заросла. Вот и подъём. Остановил

машину.

- Всё, девочки, приехали. Дальше надо пешком, "Жигули" не проедут. Пять километров. Часа два хода, так как дорога в гору, а Наташе торопиться нельзя.

- А машина?

- Пускай здесь стоит, ничего ей не делается. Позже в город отгоню и продам.

Закинув "Сайгу" за плечо, я нёс в каждой руке по сумке. Лариса сама несла свою небольшую сумку и поддерживала под руку Наташу, шедшую налегке.

- Наташенька, если ты запнёшься и упадёшь, я этого не переживу.

- Я же говорила, что ты психическая,- улыбалась Наташа.

- Ой, да говори про меня, что хочешь, Наташенька моя любимая. Главное, что я с вами.

Когда вдалеке показалась мачта с вращающимися лопастями, Лариса закричала:

- Ой, смотрите, вентилятор!

Я захохотал:

- Это ветрогенератор. Он нам электричество даёт.

- Так мы не при лучине будем жить?- съехидничала Наташа.

- Телевизор и холодильник работают, для мытья посуды есть электрический водогрей, воду на костре греть не придётся.

Подошли к забору. Я отсчитал седьмую доску от двери и поднял вверх секретку.

- Смотрите, вот эту защёлку поднимаешь вверх, и щеколда на калитке открывается. Опустить вниз защёлку - калитка заперта. Седьмая доска в заборе, запомните.

Закрыв секретку, взял сумки и толкнул дверь плечом. Смазанные петли повернулись без скрипа. Девчонки следом за мной вошли во двор.

- Вот, девочки мои, здесь теперь мы будем жить. Это наш дом.

- Ура!- закричали они хором.

- Воздух-то тут какой!- восхитилась Лариса,- его прямо кусать можно.

Действительно, запахи хвои, листвы и разнотравья из тайги напоили ароматами всё вокруг. Хотя в райцентре трубопрокатный завод закрыли, и металлурги разъехались по другим городам и по вахтам, оставались автомобили с их выхлопными газами, мебельная фабрика со своей кочегаркой. Но сюда ничего из города не доходило.

- Да, ребёночек будет здесь расти крепеньким и здоровеньким,- мысли Наташи были, как всегда, практичными.

Я достал из кармана ключи. Не зря так долго тренировался, открыл сразу. А девчонок ещё обучать придётся. Включил лампочку в сенях.

- Ой, подкова на счастье!- Лариса умела удивляться.

Вошли в горницу.

- Ой, печка настоящая! Ой, буфет какой старинный! Ой, какой стол громадный!

- Да хватит тебе ойкать. А, вообще-то, здорово. Я думала, что такая будет тёмная низкая избёнка...

- Дед Афанасий ростом был под два метра, вот и потолки высокие сделал.

Я открыл печную вьюшку.

- Девочки, перед тем, как печь разжигать, надо дымоход открыть. Иначе все угорим и умрём. Закрывать нельзя, пока дрова не прогорят. А как печь погаснет, её закрыть надо, чтобы лишнее тепло в трубу не уходило.

- Сложно-то как всё,- вздохнула Лариса.

- Ничего сложного. Привыкаешь же ты в городе газовый кран закрывать.

В печи были и дрова, и растопка. Поднёс спичку к бересте. За ней занялись щепки. И вскоре потянуло по избе ароматным дымком.

- Как пахнет здорово!- восхитилась Лариса,- не хуже, чем от костра на острове.

В чугушке лежала намытая картошка. Налив туда воды, задвинул чугунок в печь и закрыл заслонкой.

- Вы тут осматривайтесь, располагайтесь, а я пойду баню затоплю. С дороги помыться не помешает.

- Ура, банька! Настоящая?

- Нет, игрушечная. Ты, Ларисёнок, смотри, от восторга скоро козлёнком скакать начнёшь.

- Ага. Мне тут так всё нравится! Хочется от счастья взлететь к потолку!

- И брякнуться об него умной своей головушкой.

- Ой, Наташенька, я же тебе сказала, можешь говорить всё, что хочешь. Мою радость ничто и никто омрачить не сможет. А тебе, можно подумать, тут не нравится?

- Нравится, нравится. Но прыгать не могу - ребёночка растрясусь.

Растопка в бане тоже была приготовлена заранее. Затопив баню, принёс в дом ещё поленьев. Слазил в подпол. Девчонки с интересом наблюдали. Набрал из бочек огурцов, грибов и капусты. Достал из морозилки и нарезал тонкими ломтями сало. Сходил в огород, нарвал лука и укропа. Ужаснулся, как огород зарос сорняками. Надо засучивать рукава!

Картошка закипела и вскоре сварилась. Взял ухват, продемонстрировал Ларисе, как доставать чугунок из печи. Слил воду и поставил чугунок на стол. Хлебом заниматься было некогда, и я купил ещё в Барнауле пару буханок и батон. Достал из буфета солонку, налил в блюдце постного масла. Объяснил, как едят картошку в мундире и, чтобы девчонки не обжигали пальцы, почистил им на тарелку несколько картофелин.

Ели они, жмурясь от удовольствия. Запили всё брусничным морсом.

- Я сейчас перекурю на крылечке, обещал Андреичу в избе не курить, и в баньку можно. По полной протапливать не буду, Наташе сильный пар вреден. Так что можете пока готовить бельишко.

- За таким забором можно и без бельишка.

- Это тебе не остров, нудистка маленькая. Кусит комар за одно место...

В предбаннике обе разделись, совершенно не стесняясь меня. Обнажённая Лариса прижалась ко мне, обняв за талию.

- Господи, Вовочка, почти три месяца с тобой голышом не обнималась.

- Эй, малолетка, хорош развратничать!

- А у меня грудки растут!..

Действительно, после острова исчез угловатый подросток. Лариса всё больше округлялась в положенных местах, груди наливались. И, хотя тело до конца ещё не сформировалось, выглядела она весьма впечатляюще.

- А у меня животик растёт,- погладила себя Наташа,- А когда грудки молочком нальются, тебе за мной не угнаться будет.

В бане Наташа мылась на лавке внизу, а мы с Ларисой поднялись на верхний полоч. Настоящего жара не было, но венчиком друг друга пошлёпали. Я запарил всего один венник, раз уж баню не сильно протопил. Потом поливали друг друга из ковшиков, брызгались из бака ледяной водой. И, как венец всего, девчонки принялись мыть меня, а я - их. В предбанник вылезли все розовые, вытерлись, накинули лёгкую одежонку и пошли под дом, на лавочку, где стояла трёхлитровая банка с квасом. Пили по очереди, прямо из банки.

- Балдёж полный,- не удержалась Лариса.

- Да, замечательно,- согласилась Наташа,- никогда бы не подумала, что смогу заниматься таким при постороннем человеке.

- Это я-то посторонняя?! Мы же родные теперь друг другу!

- Наверное. Во всяком случае, то, что проделывали ты и Володя, мне порнографией не показалось.

- Скажешь тоже! Это даже и не секс был. Это и называется: заниматься любовью. Жалко, что у меня дни безопасные. Представляете, как это романтично - забеременела в бане.

Они захохотали. Я присел перед ними, положил одну руку на колено Наташе, другую - Ларисе.

- Люблю вас, девочки мои.

- Слава богу,- вздохнула Лариса,- думала, что никогда не услышу.

- Зараза ты, Ларисёночек,- сказала Наташа,- добилась всё-таки своего?

- Ага-ага. И знаешь, что самое странное: я не хочу, чтобы он был мой, в отличие от тебя. Я хочу, чтобы он был наш. Уже и не мыслю свою семью иначе, чем мы - втроём.

Наташа хмыкнула:

- Я, кажется, тоже начинаю пересматривать свои взгляды на устройство семьи.

- Ура! Наташенька, солнышко наше!- и полезла обниматься.

- Тихо, тихо. Сказала же: только начинаю.

- Вова, а ты чего молчишь?

- Я уже сказал, что люблю вас. Но Наташа ещё и мать моего ребёнка.

Наташа показала Ларисе язык.

- Но ведь я тоже тебе детей нарожаю!- выкрикнула с отчаянием.

- Помните, что я вам на острове говорил?
  - Вы мне обе дороги и выбрать между вами я не могу. Как-то так,- вспоминала Лариса.
  - Это было на острове, а здесь - не остров,- упрячилась Наталья.
  - Придёт зима, заметёт дороги, будем, как на острове,- не сдавалась Лариса.
  - Город совсем рядом.
  - Нет, Наташка, ты всё-таки собственница.
  - Да. И с беременными спорить нельзя. Для ребёнка вредно. Он - мой. А тебя я просто люблю, Лариска противная.
  - И я тебя люблю, Наташка мерзкая.
  - А ты - соплюха зелёная.
  - А ты - уродина.
  - А ты - коза драная.
  - А ты...
  - Стоп!- скомандовал я,- Брэк! Что у нас сегодня на ужин?
  - Нет ничего,- растерянно сказала Лариса.
  - А-а-а, повариха, сидишь тут, лялякаешь, а мы голодными останемся!- взвыла Наталья и я, не удержавшись, захохотал во всё горло. Обе, замолчав, недоуменно смотрели на меня.
  - Умру я с вами со смеху, девочки мои. Ладно. У нас есть огород. Причём, очень большой. Правда, весь бурьяном порос.
  - А-а-а, огородница, сидишь тут, лялякаешь, а в огороде бузина!- взвыла Лариса.
- Тут уж я смеялся до слёз.
- Не бузина в огороде, а репа и картошка. Можно репы в огороде надёргать, хотя в овощехранилище ещё прошлогодней полно. Пареную репу ели когда-нибудь?
  - Нет,- ответили.
  - Сегодня, раз уж так повелось, я вас кормлю. Но ты, Ларисёнок, сейчас проведи ревизию, что там, в буфете, у Андреича осталось из круп и макаронных изделий, что есть в холодильнике. Подумай, чем нас на завтрак кормить будешь. Ты ведь так в ранге поварихи и осталась. Научу с печкой обращаться, хлеб печь. И - вперёд.
  - А мне с утра огород полоть?- спросила Наташа.
  - Нет, огород я завтра мотоблоком полоть буду. Здесь огородом я занимаюсь, так как техника есть. Да и большой он очень. Можешь по ягодику пройтись, он у дальнего забора. По идее, там крыжовник ещё должен быть. И книжку вам дам. Надо вам обучаться вареньям-солениям.

Придёт контейнер - проблема питания отпадёт - там всяких продуктов море. Ну, ты, Лариса, по острову должна помнить.

- Конечно,- обрадовалась она,- и омлетик вам пожарю, и гречки с тушёной наделаю, и макароны по-флотски.

Вечер мы провели с Ларисой у печи. Я научил её, как правильно закладывать дрова и как растапливать печь. Репа допревала в чугушке, вьюшка закрыта, в доме тепло. Наташа сидела и штудировала книжку по заготовкам.

За ужином разрешил себе выпить стопку самогона, настоящего на травах. Пить пришлось "в одну харю". Наташе было нельзя, а Лариса объяснила, что и вправду дала себе зарок спиртного в рот не брать.

Весь дом состоял из двух комнат - горницы и спальни. Но огромная спальня была перегороджена напололам. Андреич объяснял это так:

- Приехали к нам в гости дочка с зятем. Ну, мы, чтобы не стеснять друг друга, перегородили спальню занавеской. Пару ночей они за занавеской тихо поспали, а потом, дело молодое, возиться по ночам начали. Хоть и тихие охи-вздохи, а слышно. Купил я фанеры, да спальню и перегородил. Но и через фанеру всё слышно. Тогда оклеил фанеру пенопластом с обеих сторон, а на пенопласт ещё фанеру положил. И дверь поставил толстую. И не слышать стало ничего. Тепло только от печи туда уже не доходило. Я там поставил пару электробатарей. Отрегулировал, чтобы и без одеяла спать можно. Молодёжь довольна и нам с женой спокойно. Так и получилось две спальни. В нашей спальне платяной шкаф поставили. А в другой - книжный. Шкафы через сени в дом не пролезали, так мы их в разобранном виде заносили и собирали уже в спальне. Холодильник-то через окно втаскивали, еле пролез. А уж как Афанасий буфет заносил - то мне неведомо. Может, тоже в горнице собирал.

Я и Наташа улеглись у печи, на настоящей пуховой перине, утонув в ней. От печи шло ровное тепло, и пуховое одеяло мы откинули в ноги. Головы утопали в пуховых подушках.

В другой спальне, на широком топчане, на пуховой же перине улеглась Лариса. Прошло минут десять и дверь между спальнями чуть скрипнула (не забыть петли смазать).

- Так я и знала,- вздохнула Наташа.

- Мне одной там страшно,- взмолилась Лариса,- я с самого краешка!

- В городе есть мебельная фабрика. Надо узнать, не изготовят ли они кровать на заказ, пошире этой. Потому, как я полагаю, спать мы теперь всю дорогу втроём будем.

- Давайте мы только спать втроём будем. А когда "не спать" - в другую спальню уходить, на топчан,- предложила Лариса, умачиваясь на краю кровати.- А потом там вообще можно будет детскую сделать. Ну, манежик там поставить, колыбельку.

- Для детской ещё время не настало,- пробормотал я, засыпая. Всё же дорога с Мурманов меня вымотала.

Таёжный остров.

Глаза открыл, когда за окошком уже давно рассвело. Места свободного на кровати было даже более чем достаточно. Потому что с одной стороны ко мне привалилась Наташа, закинув на меня ногу. На другой моей ноге лежало тёплое бедро Ларисы. Их лица уткнулись в мою шею с двух сторон. Освобождаясь от моих обнажённых богинь, я сел, наклонился вперёд, ухватился за спинку кровати и, подтянувшись, перелез через неё. Оглянулся.

Наташа и Лариса подвинулись обе чуть вперёд, обнялись и продолжали спать. Тоже устали девчонки в дороге. Увидев, как сплелись их тела, улыбнулся и пошёл в сени. Один туалет был в сенях, другой - в дальней спальне. Но я помнил, что там скрипучая дверь.

Поскольку мы вчера вечером с Ларисой во время тренировки печь "зарядили", открыл дымоход и затопил печь. Прокрался в спальню за одеждой. Лариса, проснувшись, пыталась освободиться от объятий Наташи, а та сонно бормотала: "Куда, куда? Не пущу. Не хочу одна!". Наконец открыла глаза.

- Это же Ларисёнок! А я думала, это Володя.

Лариса, смеясь, одевалась. Побежала готовить завтрак. Сварила в чугушке гречку, кинула туда масла.

- Вова, масла сливочного ещё на раз осталось и всё. А гречка из печи вкуснее, чем на костре.

- Из русской печи всё вкуснее. Ты ещё в подполе ревизию проведи, там на полках всяких банок полно,- показал, где выключатель лампочки в подполье. Чайник закипел? Поддеваешь ручку ухватом, но не поднимаешь, а двигаешь к выходу. На краю отставляешь ухват и берёшь прихваткой за ручку. Ставишь на стол. Вот и вся наука. Завтра купим электрочайник и микроволновку.

Наелись вкусной каши. Девчонки пили чай с вареньем, а я, взяв чашку с кофе, вышел на крылечко подышать. Впереди ждала работа по прополке огорода.

Залил в бачок мотоблока бензин и принялся за сорняки. К вечеру в огороде остались ровные ряды репы и картошки. И три огромные кучи сорняков. Если бы не островная закалка, лёг бы пластом. Но остров приучил к тяжёлой работе. Устал, конечно, не без этого. Но не "в хлам".

Оторвался только на обед. Лариса уже развернулась вовсю. На обед был суп с тушёной (несколько стеклянных банок нашла в подполе) и тушёная в чугушке картошка с мясом (та же тушёнка). На ужин приготовила макароны по-флотски. Питание наладилось. Хлеб печь научу её позднее. Сейчас пока некогда.

За ужином, как всегда, обсуждались дела грядущие.

- Завтра, Наташенька, в город съездим на уазике. Программа будет очень плотная, но главное - встать тебе на учёт в женской консультации. Медкарту не забыла?

- В сумке лежит.

- Возьмёшь с собой. И паспорт. И полис медицинский. Попробуем ещё успеть прописку местную получить.

- А я с вами?- спросила Лариса.

- Ты помнишь, что Андреич сказал: тебе в городе светиться нельзя. Не хватало мне ещё срок мотать за растление несовершеннолетней. Ты говорила, что готова год за забор не выходить?

- Говорила.

- Так вот, не год, а два. Пока восемнадцать не исполнится.

- А прописаться?

- Поживёшь пока с мурманской пропиской. Не Советский Союз, паспортная система не такая жёсткая.

Хорошо, что за день умаялся. Заводит ведь, когда возле тебя, точнее, на тебе лежат две красивые нагие девчонки. А так, усталость брала своё и, поцеловав каждую, провалился в сон.

Утром Ларисёнка на себе не обнаружил, а в печи трещали дрова. Пока умывался, Лариса успела дожарить картошку с луком, посыпала её сверху зеленью. Картошка была зажарена не на масле, а на сале. Пальчики оближешь! Развела мне кофе в чашке, уже знала, сколько сахара и кофе класть.

- Спасибо огромное,- поднялся я из-за стола. Лариса улыбнулась, помотала головой и показала пальцем на свои губы. Во время поцелуя прильнула ко мне всем телом и вот уже руки мои у неё под футболкой. На заимке они лифчики не носили, как и на острове.

- Доброе утро,- сказала Наташа.

- Кайфоломщица,- простонала Лариса,- умывайся скорее, пока картошка не остыла.

Я пил кофе, курил сигарету и улыбался. Приятно, когда две красивые женщины из-за тебя соперничают, умудряясь при этом ещё и дружить.

Кроме джинсового костюма, в котором я ехал на "Жигулях", в сумке лежала моя любимая камуфляжка. С накладками на локтях и коленях. Не на пошлой молнии, которая вечно ломается, а на пуговицах. Так, одеваем широкий офицерский ремень, наматываем фланелевые портянки и натягиваем кожаные офицерские сапоги.

У Наташи животик и вправду начинал расти, и с джинсами пришлось распрощаться. Одеда просторный сарафан, сверху накинула куртку из смесовки нараспашку.

Вывел за ворота УАЗ, закрыл ворота. С крыльца помахала рукой грустная Лариса.

- Дверь запири за мной и никому не открывай,- крикнул я ей, и она сбежала с крыльца.

"Жигулёнок" просто объехали по краю грунтовки. Завтра им займусь. Карта города, распечатанная из Интернета, была подробной. На ней всё обозначено: где поликлиника, где универмаг, где городской рынок, где милиция.

Высадил Наташу возле поликлиники, поцеловал и покатил в универмаг. Женские шубы в продаже были. На Ларисёнка купил сразу. Как быть с Наташей? У неё будет большой живот, а после родов, что, менять шубу? Объяснил свою проблему продавщице.

- А вы возьмите вот эту шубу с поясом. Если пояс снять, шуба широкая. Когда родит, подпояшется и будет стройной.

От души поблагодарив продавщицу, погрузил обе шубы в машину. Поехал на городской рынок, купил две пары валенок девчонкам и две зимние вязаные шапки. Мне армейский полушубок и подшитые кожей валенки оставил Андреич.

Тут же заехал в ремонт обуви, попросил подшить валенки кожей.

- Сделаем, командир. Приходи завтра, будет готово.

Отлично, как раз завтра "Жигулёнка" в город гнать.

Вернулся к поликлинике. Наташи не было. Прошёл в женскую консультацию. Наташа сидела у самой двери кабинета. Мигнула лампочка над дверью и, помахав мне рукой, жена скрылась в кабинете. Вышла оттуда довольная.

- Врач - очень милая женщина. Сказала, что раз только что приехали, то спешить не надо. Анализы сдать через месяц и УЗИ через месяц. Так что до конца сентября отдыхаем.

- Ничего, до октября ещё можно на УАЗике, если сухо.

Паспортный стол был не в РУВД, а в соседнем здании. Посмотрев наши бумаги, паспортистка отправила нас к начальнику паспортного стола. Старый капитан озадачился:

- Что мне с вами делать? Заимка, вроде бы, к городу относится. Но как вашу прописку адресно обозначить?- Почесал в затылке.

- А у Польшникова же была прописка. У прежнего хозяина заимки.

- У Николая Андреевича? У него барнаульская прописка была. О, придумал!- и поднял вверх указательный палец. Взял мой и Наташин паспорт и вышел из кабинета. Вернулся через десять минут, улыбаясь.

- Новую улицу я в городе открыл,- и озаботился,- только бы мне за это по шапке не дали,- протянул наши паспорта.

Я открыл свой. Поперёк мурманской прописки штамп "Выписан". А ниже - штамп о местной прописке. И адрес: улица Таёжная, дом 1. То же и у Наташи.

- Спасибо, товарищ капитан,- и протянул ему бутылку дорогого коньяка.

- Так это мы мигом,- обрадовался капитан, доставая из стола два стакана.

- Мне нельзя, за рулём я.

- Нельзя, так нельзя. А я приму сто грамм за ваше здоровье. Такого и не пробовал ещё.

Попрощавшись с капитаном, сели в УАЗ и я подрулил к другому зданию в центре города.

- ЗАГС,- прочитала на вывеске Наташа и смущённо потупилась.

- Пойдём, жена, подадим заявление. Надо же будет ребёночку документы выправлять.

Заведующая взяла заполненное заявление, сказала, что надо ждать месяц. Мы ей объяснили, что живём в тайге, что Наташа беременна и т.д. Присовокупили к словам сто долларовую купюру. Заведующая сказала, что нужна справка о беременности и, по любому, нужны два свидетеля.

Съездили снова в женскую консультацию, где Наташе в регистратуре выписали справку, что она на четвёртом месяце беременности. Заскочили в универмаг, в ювелирный отдел, выбрали себе обручальные кольца. Остановили возле ЗАГСа пожилую пару, объяснили ситуацию и с радостью узнали, что паспорта у них с собой, и они согласны нам помочь.

Через полчаса у нас стояли штампы в паспортах, а на руках было свидетельство о браке. Чтобы не заморачиваться с заменой паспорта, Наташа оставила себе прежнюю фамилию.

- А ребёночка запишем на твою.

Поблагодарили свидетелей коробкой конфет из ближайшего гастронома. В этом же гастрономе набили три пакета всякой едой и фруктами для Наташи.

- Ребёнку нужны витамины, будешь лопать апельсины.

- Пушкин ты у меня,- счастливая Наташа чмокнула в губы.

На подъёме УАЗ ревел, как разъярённый зверь, но полз вперёд и вверх. Взобрались. Секреткой открыл калитку, распахнул ворота, загнал машину во двор. Из дома выскочила Лариса.

- Приехали, наконец-то. А я уже на стенку лезу.

На ужин с картошкой ели балык. Потом девчонки поедали шоколадные конфеты и бананы. Наташе почистил апельсин и заставил съесть. Лариса, выслушав рассказ о поездке в город, с завистью посмотрела на кольцо на Наташином пальце.

Засыпая, Лариса прошептала:

- Ты ведь завтра в городе будешь. Купи и мне колечко. Я хоть и без бумажки, хоть и запасная, но тоже жена.

- Спи, жена моя. Куплю.

Позавтракав, сел в УАЗ.

- Поезжай, ворота закрою,- сказала Лариса.

Скатился вниз с горы, пересел в "Жигули". Подъехал к автостанции, подошёл к дремлющему в "семёрке" Колянычу. Рассказал, что хочу за машину пятнадцать тысяч. Всё, что сверху - ему. Коляныч оживился, схватил трубку и заорал:

- Федька! "Шаха" гаражная за двадцать пять рублей. Меняешь фильтра, масло и рассекай.

Живее, а то уйдёт!

Через десять минут на ржавой "трёшке" лихо подъехал Федька. На двух "Жигулях" мы доехали до ГИБДД. Народу там почти не было, и через час я вручил Фёдору ключи от машины. Он отсчитал мне двадцать пять тысячных бумажек. Объяснил ему, что движок работает, как часы, но ходовую не мешает проверить. Шаровые, рулевые тяги. Всё же машина проделала немалый путь.

- Сделаю,- махнул рукой счастливый Федька.

Я зашёл к сапожнику, забрал подшитые валенки, сложил их в сумку. В ювелирном отделе купил обручальное колечко того же размера, как и вчера для Наташи. Пальцы у них с Ларисой одинаковые. Зашёл за продуктами-фруктами. С сумкой и пакетами дошёл до автовокзала.

- Подкинь меня до подъёма в гору,- сказал Колянчу, отдавая ему десять тысяч.

- За такой навар - запросто. Садись.

У подъёма Колянч увидел УАЗ.

- О, так ты не пешком попрёшься.

Взял у Колянча номер его телефона. Договорились, что в распутицу буду доезжать на вездеходе до шоссе, а дальше по городу меня возит Колянч. Колянч уехал довольный. И денег кучу "заработал" и получил постоянного клиента - мечта провинциального таксиста.

УАЗик стоит во дворе заимки. Я ем луковый суп - Ларисино творение. На второе - жареная картошка с курицей. В холодильнике полно куриных яиц, так что на ужин в меню - яичница на сале и сардельки. Поев, беру рукой узкую ладонь Ларисы и одеваю ей на палец колечко. Она целует меня и, повертев рукой с кольцом, показывает Наташе язык.

- Ой-ой-ой! Я вся такая замужняя,- хохочет Наташа.

- Ой-ой-ой! Тебе колечко по бумажке, а мне - по любви,- тут же находит достойный ответ Лариса.

Ну, началось! Погнали, поехали. Теперь полвечера пикироваться будут.

- Жёны, замолкните обе. А то обеих разлюблю.

- Эй-эй! Мы так не договаривались!

- Только попробуй, разлюби!

На следующий день иду пешком к леснику. На ремне, на всякий случай, нарезной карабин. В кармане камуфляжки - две запасные обоймы. И оружие люблю, и на медведя нарваться можно. Пьём с Василичем самогон, курим прямо в избе. Василич объясняет, где можно напилить дров.

- У тебя, конечно, на твоих двух гектарах леса-то хватат. Но это, как бы, твой НЗ. Рядом в урочище сухостоя немеряно. Чокеруй и тащи вездеходом к дому. Трос у Андреича в сарайке должен быть. Ну, давай ещё по одной накатим. Да ты грузди-то бери, сам солил.

Прихожу домой, ставлю карабин в пирамиду, где уже стоит и "Сайга". Помповик ещё путешествует в контейнере. Я, конечно, "подмазал" мурманских железнодорожников и они отправили контейнер сразу. Только когда он дойдёт? Если не успеет до октября, придётся ему зимовать в городе.

Пошатываясь подхожу к скамье и плюхаюсь на неё. Наташа смеётся:

- Началась семейная жизнь со всеми её прелестями. Ларисёнок, кто там обещал ему ноги мыть? Вот и стягивай с него сапоги.

- И с удовольствием,- Лариса садится на пол, упирается ногами в скамью, обхватывает руками мой сапог и, поднатужась, снимает его. Затем второй стаскивает. Разматывает портянки.

- Ах, какой наслаждец - ухаживать за пьяным мужиком,- не унимается Наталья.

- Я не пьяный, я выпимши.

- Он не мужик, он - муж,- возражаем мы Наташе. Лариса обнимает меня, помогая подняться.

- Пойдём, Вовочка, ляжешь на топчанчик и поспишь часок-другой.

Сентябрь выдался сухим и солнечным. Картошка и репа выкопаны и уложены в овощехранилище. Недалеко от ворот высится куча брёвен. Моя "Гускварна" ещё в контейнере, но Андреич оставил "Штиль" с недавно поменянной цепью. Я пилю брёвна за забором, чтобы не захламлять двор опилками. Чурки забрасываю в вездеход и, набив его доверху, веду во двор к плахе, на которой колю дрова.

Андреич сложил одну поленницу под навесом сбоку от овощехранилища. Ещё одна поленница сложена в сарае. В бане тоже в предбаннике были дрова, но мы их почти все израсходовали. Потому что баню топим не реже двух раз в неделю. Наташа стала мыться, пока баня ещё топится, и в ней нет сильного жара. Когда она помылась и ушла в дом, я подбрасываю дров и протапливаю баню, как положено. После чего мы с Ларисой паримся вволю. Через пару часов, распаренные, красные, чуть живые, вваливаемся в дом.

Наташа пеняет:

- Ларисёнок, твои стоны и крики даже в доме слышно.

- Так паримся же. Вова меня веником лупит.

- То-то стоны такие сладострастные. Это ты от веника оргазм получаешь?

Красная после бани, Лариса становится ещё краснее и смущённо шепчет:

- Нет, не от веника.

Пополняю запас дров в бане и начинаю набивать ими сарай. Цистерна с бензином полнёхонька - я в начале сентября десять раз пригонял бензовоз-трёхтонку. Извёл всю наличность, но в городе есть сбербанковские банкоматы и я снимаю наличку с карты - там ещё полно денег.

Лариса научилась печь хлеб, и он у неё получается ничуть не хуже, чем у Андреича - такой же пышный и ноздреватый. Но кроме хлеба, она печёт в печи и шаньги, и пироги.

Ещё я привёз из города полный УАЗик капусты. Вдвоём с Ларисой мы её целый день шинковали, тёрли морковь. Пересыпая солью, набили в бочку, придавили гнётом. На зиму должно хватить. Василич презентовал два ведра груздей, засолили. Я пару раз сходил на "тихую охоту", набрав по паре вёдер подосиновиков. Часть пожарили сразу, часть засушили на печи. На несколько раз на грибной суп хватит.

Наконец-то звонят с железнодорожной станции - прибыл контейнер. Прыгаю в УАЗ и гоню на станцию. По дороге потрошу банкомат, вытаскивая из него все деньги. Деньги - сила и через пару часов КамАЗ въезжает в наши ворота с контейнером. Рядом с водителем сидит грузчик. Водителю тоже обещано вознаграждение, и он достаёт из кабины брезентовые рукавицы. Колючая проволока уходит в сарай, специально оставил проход между дровами. Дверь в овощехранилище нараспашку и туда заносим коробки с макаронами, крупами, сигаретами, туалетной бумагой, печеньем - словом, со всем, что боится влаги. То, что в стеклянных и железных банках - в сарай. Компьютер, мебель - в горницу. Кухонный и компьютерный столы влезают через окно - оно широкое и высокое. Компьютерное кресло вошло через сени, как и стулья, и табуретки. Помповик встаёт в стойку. "Гускварна" висит в сарае. Контейнер опустел. Водитель и грузчик получают по пятитысячной купюре и их лица расплываются в довольной улыбке. Для райцентра это небывалый заработок.

Камазист должен мне в субботу привезти на заимку бульдозерный нож и бульдозериста. Сказал, что подключит брата - автокрановщика для погрузки и разгрузки ножа. А уж поставить на вездеход нож, для четверых мужиков - плёвое дело. По городку уже прокатился слух, что новый хозяин староверской заимки платит весьма щедро. И каждый готов и помочь, и услужить.

КамАЗ уезжает, я закрываю ворота. Уф! Гора с плеч. Харчей нам хватит, учитывая овощи в овощехранилище, на пару лет. Закрываю овощехранилище. Кое-что потом перенесу в дом, во вторую спальню. Кое-что - через низенькую дверцу в подпол.

- А стол с табуретками зачем? Мебели нам и так хватает. Тесно же в доме, - поинтересовалась Наташа.

- Сейчас уже поздно, а к следующему лету хочу во дворе навес соорудить, под ним стол с табуретками поставить. Чтобы в хорошую погоду во дворе есть можно было. Мангал в сарае, шашлыки жарить будем.

- Это ты здорово придумал.

Лариса довольна. (Пока разгружали контейнер, она пряталась в спальне.) Несколько коробок, например с яичным порошком, с сухим молоком, с крупами и сахаром я занёс в горницу и Лариса набивает пакетами буфет. Когда заканчивает работу, я озвучиваю, ни к селу, ни к городу, посетившую меня мысль:

- Недоучка ты у меня, Ларисёночек. Наташа хоть школу закончить успела. А у тебя и аттестата нет.

- Есть свидетельство об окончании девяти классов. Успокойся, Вовочка. Читать и считать умею. Готовить умею, детей пеленать умею. Что ещё женщине надо? Ну, не бурундукам же здесь мне аттестат показывать?

А следующим утром я везу Наташу в женскую консультацию. Она сдаёт анализы и мы идём на УЗИ. Мне разрешили присутствовать. Врач водит по круглому Наташиному животу каким-то прибором и на экране монитора что-то там мелькает. Только я ничего не могу разобрать. Но врач - женщина опытная, она-то всё разбирает. Выключает прибор, Наташа одевается.

- Поздравляю вас. Двойня у вас будет. Если я не ошиблась, то с вероятностью 90% - девочки. Но двойня - это 100%.

Я улыбаюсь. Наташа хмурится. Выходим из консультации, и я начинаю хохотать. Наташа свирепеет:

- Ты кого мне сделал!? Я убью тебя, лодочник!

- Так Дашу с Машей, как и надо.

- Я мальчика хотела!

- Ладно, поехали в универмаг, ещё одну кроватку покупать.

Кроватку и коляску для малыша мы решили купить заранее. Коляску, слава богу, не успели. И вот теперь я грузу на крышу УАЗика сложенную коляску для двойни. Вторая кроватка лежит в салоне, дома соберу. Но надо ещё закупать кучу "приданого": памперсы, ползунки, распашонки. И это всё теперь в двойном размере. Деньги на карте тают. Впрочем, впереди долгая зима, когда кроме пары часов в день за рычагами вездехода, делать будет нечего. Усядусь за комп и "нарублю бабла". Даже сейчас, включив ноутбук, увидел, что на "Webmoney" накопало пятьдесят тысяч. Но на карту их переводить пока не стал. Пусть будет НЗ. Франки в банке трогать не хочу - это наследство для детей. Позже перекину их в швейцарский банк, на счёт, чтобы шли проценты.

Встретившая нас во дворе Лариса удивляется, когда я вынимаю коробку с разобранной кроваткой:

- У нас же есть кроватка.

- Одна. А это кроватка для второй девочки. Та - для Маши, а эта - для Даши.

До Ларисы, наконец, доходит и она хихикает. Наташа мрачно изрекает:

- Смейся, заяц, над разбитой любовью.

За ужином я спрашиваю:

- Ты вспомни, как на острове с Дашей и Машей нянчилась. Неужели ты наших девочек меньше любить будешь? Если они будут похожи на тебя, это же будут такие ангелочки!

Лариса обнимает Наташу.

- Наташенька, я тебе помогать буду. Вдвоём мы с твоими малышками справимся. Вырастим суперумных суперкрасавиц.

Наташа пытается нахмуриться, но счастливая улыбка растягивает ей рот. Она машет рукой.

- Придётся мальчика Ларисёнку рожать.

- Это я запросто.

Продолжение к "Выживальщику", истребованное читателями.

Глава I.

Он всё-таки лопнул!..

Будильники, как всегда, не подвели. Топая крепкими ножками по полу, добежали до кровати и бесцеремонно перелезли через меня. Словно я был неодушевлённым предметом.

- Мама, ням-ням!- завопили, набрасываясь на Наталью с двух сторон. Но воспитание всё же победило. Быстренько бормотнули: - С добр-р-рым утр-р-ром, папочка,- и присосались к материнской груди. Светленькая, кудрявая, бойкая Даша - к правой, а спокойная темноволосая Маша - к левой. Под довольное причмокивание и сопение двойняшек, я спустил ноги с кровати, залез в одежду и прошёл в соседнюю комнату.

Печь к растопке всегда готовили с вечера. Открыл дымоход, поднёс спичку к бересте - вот и вся недолга. Кастрюлька с кашей для дочерей уже стоит в печи. Электрочайник и ноутбук включены в два щелчка.

Вбежавших в горницу Дашу и Машу, подхватил на руки и понёс к раковине. Наташа, застёгивая на ходу халат, подошла туда же. Пододвинула табурет, я поставил на него Дашу. Девочка принялась умываться и чистить зубы. Мы только наблюдали за ней. Затем Даша перекочевала ко мне на руки, а на табурет встала Маша. Маленькая тёплая лапка-ладошка прошла по моей щеке.

- Колючий.

- Побреюсь после завтрака,- сейчас меня больше всего интересовало, почему полночи кудахтали куры, которые по ночам должны спать. И свиньи в свинарнике закатили концерт. Толстые брёвна избы служили хорошим изолятором звука, но непривычные ночные шумы проникли всё же вовнутрь. Спать особо не мешали, однако первопричину волнения птицы и скотины выяснить следовало.

Пока Наташа умывалась, я поставил посреди горницы маленький деревянный стол и два стульчика. Две тарелки, две ложки. Двойняшки застучали ложками по столу, распевая из любимого мультфильма "Маша и медведь":

- Сейчас я буду кашу кушать. Сейчас я буду кашу ку...- увидели кулак, который обеим показал,- ...есть. Сейчас я буду кашу есть.

Слова "кушать", "ложить", "волнительно" и прочие подобные, им категорически запрещены. Достал из печи кастрюльку с кашей.

- Ур-р-ра! Завтр-р-рак!- букву "р" научились выговаривать пару дней назад и теперь всю рычали.

Предоставив Наталье почётное право раскладывать кашу по тарелкам, я заглянул в ноут. Новость не ошеломила, но озадачила изрядно. Развёл себе чашку кофе и пошёл на крыльцо, доставая на ходу сигарету из пачки.

Июльское утро было тёплым и солнечным. Н-да, солнечным... Сколько нам солнечных деньков осталось? В Инете писали, что недели две. Но я решил исходить из самых пессимистических прогнозов. Значит, в моём распоряжении не две недели, а три-четыре дня. Чёрт! Что бы этому Жёлтому Камню рвануть зимой! Пропало лето. Урожай в огороде тоже пропадёт - и репа, и картошка. Всё же выкопаю то, что выросло. Если успею. Поедим молодой картошечки. Детей жалко. Вовка совсем лета не увидит, разве что эти, оставшиеся до похолодания дни.

Ко мне, жалобно потягивая, подбежали две лайки-хаски. Собаки тоже чуяли что-то неладное.

Наташа выглянула из-за двери и скрылась в доме. Погоду оценивала. Через пару минут на крыльцо выскочили двойняшки в трусиках и в маечках. Отчаянная Даша кубарем скатилась с крыльца и повисла на шее у одной из лаек:

- Волчок, любимый мой!

Собака, научившая Дашу выговаривать букву "ч", поскольку не желала отзывать ни на Вольтсёк, ни на Волсёк, принялась вылизывать Дашино личико. Маша спустилась вниз осторожно, не спеша. Обняла и погладила другую лайку:

- Диночка моя! - И Динка облизала Машу. Собаки возле девочек поуспокоились. Всё же их любимицы и хозяин рядом, а беда где-то далеко.

Наташе я ничего про лопнувший Йеллоустоунский нарыв пока говорить не стал. Пусть безмятежно наслаждаются солнышком. Не так уж долго осталось наслаждаться. А вот мне некогда ни наслаждаться, ни прохлаждаться. Дорога каждая минута. План составлен. Надо претворять его в жизнь.

Распахнул ворота, вывел УАЗ за забор, ворота закрыл. Забежал в дом, побрился, переоделся, чмокнул девчонок.

- Сейчас вам братика маленького привезу,- и под радостные крики: "Ура!", вышел через калитку. Скатываясь с горы на "уазике", не удержавшись, напевал:

"Гуд бай, Америка, о-о-о,

Где я не буду никогда.

Прощай навсегда,

Возьми банджо, сыграй мне на прощанье..."

Никакой ненависти к америкосам я не испытывал. Их гниль: сенаторы и конгрессмены, профбоссы, президент со своей кликой, наверняка спаслись. Погиб простой народ: американцы-трудяги, старики и дети. Но глубокой скорби у меня тоже не было. Америка накрылась медным тазом. Однако, это только начало Апокалипсиса. Какие ещё супервулканы сдетонируют от йеллоустоунского извержения? Как проявят себя разломы Сан-Андреас и Каскадия? Каковы будут масштабы глобального катаклизма? Кто может дать точный ответ? Сейчас - никто.

Спасать всё человечество я не собирался. Как и в случае с переносом дома из Заполярья на тропический остров, планы мои были сугубо эгоистическими. Я, в первую очередь, должен думать о своей семье.

Мобильная связь ещё работала. Сделал пару звонков. Сначала позвонил Ларисе, чтобы она не волновалась, заберу я её чуть попозже, чем намечали. Потом набрал номер Ирины Тимофеевны. Узнал, что она на оптовой базе и велел ей дожидаться моего приезда.

Сняв в банкомате на автовокзале с карты разрешённый максимум налички, доехал до РУВД. Предъявил паспорт, мне выписали пропуск, и я прошёл в кабинет полковника Сергеева. Никакого бюрократизма. И это вселяло надежду.

За столом сидел совершенно седой, коротко остриженный, высокий сухощавый мужчина. Симпатию вызвал с первого взгляда, несмотря на свой суровый вид. Представившись, я поведал Сергееву о происшедшем в Америке и о грядущей катастрофе. Он пощёлкал мышкой компьютера и сообщил:

- Интернет уже отключили. А сверху мне никаких указаний не поступало.

- Понятное дело, все, включая провайдеров, озабочены своим спасением. Мобильную связь тоже, наверное, вот-вот отключат. Вы - первый человек, которому я сообщил об Йеллоустоуне. Но в городе кто-то мог тоже сидеть за компом час назад, пока Инет ещё работал. Не знаю, что вы будете предпринимать, да и не моё это дело. Я займусь своей семьёй. "Спасение утопающих - дело рук самих утопающих". Разрешите откланяться, время - на вес золота.

Сергеев поднялся с кресла, крепко пожал мне руку, проводил до выхода из здания. Закрывая за собой дверь, я услышал, как полковник приказывает дежурному офицеру:

- Семёнов, объявляй тревогу. Всему личному составу явиться в УВД.

Ну, этот-то сидеть, сложа руки, не будет.

Доехав до центрального гастронома городка, опустошил стоявший в магазине банкомат. Деньги небрежно распихивал по карманам. Скоро, очень скоро эти банкноты превратятся в никчёмный мусор. Забросил в "УАЗ" две большие картонные коробки. В одной были шоколадные конфеты в коробках - всё, что нашлось в магазине. В другой, чуть поменьше - плитки шоколада. Также всё подчистую вымел. Думаю, не пройдёт и часа, как Сергеев возьмёт под вооружённый контроль все продуктовые магазины города. В них начнётся столпотворение, а я не любитель толкотни среди потерявших над собой контроль людей. "И не только магазины под охрану возьмут", - прикидывал я, направив машину в сторону оптовой базы.

Ирина Тимофеевна, которую все звали просто Тимофеевной, хотя и была она не очень-то старой, стояла возле открытого контейнера. В нём хранились куриные консервы. Два моих соседних контейнера с яйцами и с замороженными курами в холодильниках, были закрыты.

Когда начиналась моя "куриная эпопея", Тимофеевна торговала на городском рынке яйцами и свежей курятиной. Цены были минимальными, качество - высоким. Всё влёт уходило. Когда заработали две автоматические линии, из которых вылетали упакованные тушки кур и консервы из куриных субпродуктов, Тимофеевна стала работать на оптовой базе. Руководила грузчиками, загружавшими фургоны. Заключала договора на поставку товара в магазины

города и области. Имела титул генерального директора. Но при этом оставалась простой, приветливой женщиной. Она вдовела, оттащив на погост мужа-алкоголика. Детей у неё не было. Души не чаяла в наших двойняшках. Бывая на заимке, всегда приносила им подарки. Даша с Машей прозвали её бабушкой, а лесника Василича - дедушкой. Он тоже частенько приносил девочкам то кедровые шишки, то охапки полевых цветов. Даже живую белку принёс. Которая, тем же вечером, к горю двойняшек, благополучно сбежала в тайгу.

Осыпав денежным дождём людей на базе, за полчаса я погрузил в контейнер девятнадцать мешков пшеничной муки и семь мешков ржаной - всё, что нашлось на базе. За эти же полчаса автокран закинул контейнер на платформу КамАЗа. Тимофеевна, получив указания и толстую пачку денег, вместе с грузчиком уселась в кабину грузовика. Перед тем, как ехать на заимку, они должны заехать на бывший металлургический завод. Там стояли мои автоматические линии. И две куриные мини-фермы. Надо было отпустить рабочих по домам, выдав им заработанные деньги. И разрешить забрать себе всю готовую продукцию, кур, полуфабрикаты, всё, что можно впоследствии приготовить и съесть.

Контейнеры с яйцами и курятиной я решил "подарить" Сергееву. Почти не сомневался, что он и станет хозяином города. В его руках - сила оружия.

Неотложные дела сделаны. Кроме самого главного. Доехал до городского рынка. Принялся скупать, к радости продавцов, все цветы подряд. Не торгуясь.

- Эй-эй! Нам оставь немножко,- сказали за моей спиной. Я закинул в "УАЗ" пару букетов. Всё заднее сиденье и промежуток между сиденьями завалены цветами. Обернулся. Позади меня, усмехаясь, стоял Лёшка Леонидов. Держал за руку четырёхлетнего Лёшика.

Познакомились мы возле роддома неделю назад. Поболтали с полчаса. Леонидов отслужил срочную в спецназе. Был снайпером. Воевал в Чечне. После службы не пошёл ни в милицию, ни к бандитам. Устроился шофёром на мебельную фабрику. Женился. Родился маленький Лёшка. Но жена хотела дочку. И вот её желание сбылось.

Я уже убедился, что Лёха - парень весьма неглупый и понятливый. Вот и сейчас мне хватило десяти минут, чтобы он полностью "въехал" в ситуацию и проникся мыслью об ожидаемых неприятностях. Без лишних слов он изрёк:

- Командуй.

- Поехали к роддому. Конфет и цветов в избытке. Времени терять нельзя. Его очень мало.

На крыльце роддома нас уже ждали. Лариса держала на руках свёрток, перевязанный голубой лентой. У Веры, Лёшкиной жены, свёрток перевязан лентой розовой. Вокруг сияющих от счастья мам толпились медсёстры, нянечки, врачи. Весь персонал роддома вышел провожать красавицу Надюшку и спокойного засоню Вовчика. Мы тут же наделили медиков цветами и коробками конфет. Хватило всем. Расцеловали жён, взяли на руки младенцев. Полюбовавшись несколько мгновений серьёзным сероглазым личиком Вовки, усадил Ларису на заднее сиденье "УАЗа", вручив ей ребёнка.

- Спасибо, Ларисёночек. Не так мыслил тебя встречать, но ничего не попишешь. У нас ЧП.

- Что случилось?! С девочками что-то? С Наташей?- встревожилась Лариса.

- В семье полный порядок. Ты сильно не волнуйся, тебе вредно. Ты теперь - кормящая мать. ЧП у нас планетарного масштаба. Просто до нас ещё не дошло. Но через несколько дней начнётся зима.

- Как зима?!

- По дороге домой расскажу. А сейчас мне надо с Лёшкой пообщаться. У тебя с Верой отношения хорошие?

- Великолепные. Мы каждый день друг к другу в гости ходили. Все вечера напролёт болтали. У неё Наденька такая же тихая, как и Вовка.

- Вот и отлично. Они теперь у нас жить будут,- и пошёл к Лёшкиным "Жигулям".

Решение пришло ко мне спонтанно, когда увидел на крыльце счастливое семейство Леонидовых в полном составе. Разговор с Лёшкой был коротким и конструктивным. Договорились о времени и точке randеву. Прикинули, что им надо брать с собой. Потом Леонидовы сели в машину и уехали.

"УАЗ" подъезжал к повороту с шоссе на грунтовку, когда впереди показался "КамАЗ" с пустым контейнером. Быстро Тимофеевна управилась. И шофёра, наверняка, к разгрузке подключила, и сама поучаствовала. Высунув из окна руку, я подал знак "КамАЗу" остановиться. Подошёл к грузовику. Помог Тимофеевне вылезти из кабины, отвёл её в сторону и объяснил, что ей необходимо сделать. Тимофеевна пообещала всё выполнить в точности.

Вскарabкались на подъём, но узик во двор загонять не стал, оставил у ворот. Прошли через калитку. Нас во дворе ожидали. Лариса уложила младенца на стол, стоявший под навесом во дворе. Развязала ленточку. Развернула тоненькое одеяльце. Взяла на руки розовощёкого бутуза в памперсах и распашонке.

- Пусть на солнышке понежится, раз уж недолго осталось,- молвила она.

- Почему недолго?- не поняла Наташа, которая была не в курсе случившегося.

Пока девочки и собаки разглядывали новоявленного члена семьи, я объяснил Наталье, что произошло в Америке. И что будет в дальнейшем.

Поцеловал всех по очереди (кроме собак), даже нежной, тугой Вовкиной щёчки коснулся губами.

- Спасибо, ещё раз, Ларисёночек, за сына. Мне пора. Постараюсь обернуться побыстрее. Сейчас переоденусь только.

Сняв парадный костюм и белую рубашку, облачился в камуфляж. Из-за жары вместо сапог одел кроссовки. Поразмыслив, вынул из стойки верную "Сайгу". Запасной магазин сунул в набедренный карман. Чёрт его знает, что творится сейчас в городе. Ещё отъезжая от роддома, видел, что по улицам носятся с верещаньем и кряканьем машины с мигалками. А когда выезжали из города, слышно было, как завывают сирены на мебельной фабрике, в пожарной части и на бывшем трубопрокатном заводе.

Возле подъёма к заимке Лёшкиных "Жигулей" ещё не было. Рано. Времени на сборы я им отвёл с запасом. Движение в городе было активным. Казалось, весь транспорт на колёсах привели в действие. Похоже, что все предприятия и присутственные места прекратили работу. Новость уже овладела массами. Народа на улицах - куда там твоему празднику. Но кучковались возле продовольственных магазинов. У Сергеева не было сил для сдерживания толпы, старался, по-видимому, поддерживать относительный порядок. Возле "продуктовок" маячили полицейские с автоматами. Но понты тоже ведь люди. Один следил за порядком, а двое набивали ящиками и коробками патрульный уазик. Возле центрального гастронома полицейские грузили продукты в "воронок". Двери магазинов с трудом справлялись с наплывом людей и кое-где выносили мешки и коробки уже через разбитые витрины.

Всё-таки, более-менее без дикой паники. Представляю, что сейчас творится в Американдии. Да и в Москве с Питером, наверняка, сущий дурдом. В маленьких городках и идиотов-паникёров поменьше. И населения немного. И за город выбраться проще, чем из центра Москвы или Нью-Йорка.

У крыльца универмага я притормозил. Вылезая из УАЗика, повесил "Сайгу" на плечо. Мужчина в камуфляже и с двустволкой в руках прохаживался у дверей универмага. В отличие от продтоварных магазинов, здесь народ пока не толпился.

- Михалыч на подмогу прислал? Тут у нас тихо,- меня явно приняли за своего.

- Я не от Михалыча. Хотел в магазине ткани прихватить.

- Ткани? Ну, бери. Мне велели только одежду с обувью и посуду не давать,- мужчина отодвинулся от двери.

Зайдя в полутёмный пустой универмаг, прошёл к отделу тканей, расположенному на первом этаже. В зале даже шаги ног, обутых в кроссовки, были гулками. Вот они - фильмы ужасов и катастроф наяву. Жутковатое чувство. Взвалил на одно плечо рулон ситца, на другое - рулон сатина. Вышел на улицу, сощурившись от солнечного света.

Возле моего уазика с визгом тормозов остановился "УАЗ-Патриот". Выскочивший из-за руля офицер в погонах, увидев меня, расстегнул кобуру на поясе.

- Петрович, ты чего мышей не ловишь?!- рявкнул он на часового у дверей.

- Так, как велели, обувь-одежду стерегу. А он за тканью приехал, Михалыч.

- Ты чей?- рыкнул мне офицер с погонами майора. Из военкомата, что ли? Или какой-нибудь военрук из школы?

- Свой собственный. С заимки я таёжной. Ткань мне нужна. Я бы за неё и заплатил, да некому. А вам вот могу ключи от двух контейнеров с оптушки отдать. Номера - семнадцатый и восемнадцатый. Там яйца и куриные тушкипотрошёные. Всё не придётся запоры ломать.

- Лады,- смилостивился майор, получив ключи.- Держи, от всяких неприятностей,- и протянул мне кусочек картона. На нём было наискось напечатано крупными буквами слово "Пропуск". В самом низу: "Военный комендант города майор Николаев". Подпись и печать. Что ж, военкомовские "не щёлкали клювом". Военных частей в городе не было, только в сотне километров находились танкисты в военном городке. Но у Николаева была

подобрана команда из бывших военных. Пока я доехал до дома Тимофеевны, видел мужчин в камуфляже и с ружьями. Они поддерживали порядок возле продуктовых магазинов на пару с полицаями. Что ж, будем надеяться, Сергеев с Николаевым город в руках удержат. Только в нашей избушке - свои игрушки.

Тимофеевна вещи уже приготовила. Я погрузил в "УАЗ" две объёмистых клетчатых сумки "мечта челнока", футляр со швейной машинкой. Сверху положил шубу и валенки. Погнал машину к заимке. Тимофеевна сидела рядом, вцепившись руками в ручку на "торпедо". И не могла не видеть происходящее в городе.

- Что ж это будет, Владимир Сергеевич?- с тревогой спросила она.

- У нас, слава богу, ничего особенного. Вероятно. Хотя, никто поручиться не может. Просто года четыре лета не будет. Зима, зима, зима. Насчёт морозов точно сказать не могу, будут ли сильнее обычных. Со снегом тоже пока неясно. Поживём - увидим.

Глава II.

Вот компания какая...

Высадив Тимофеевну у ворот, занёс во двор её пожитки. Поставил возле лежащего на траве брезента. На брезент были свалены мешки с мукой и коробки с консервами.

Двойняшки кинулись обниматься с Тимофеевной. Она вручила каждой по тряпичной кукле в роскошных нарядах. Сама делала, в магазине таких не купишь. Даша и Маша были в восторге. Тут же вытащили из дома кукольную посуду и мебель. Теперь до обеда их будет не видно и не слышно.

И в третий раз за утро я влез в уазик. Но теперь дорога была совсем короткой - только с подъёма скатиться. Внизу стояли Лёшкины "Жигули". Перегрузили поклажу в УАЗ, Леонидовы уселись в мою машину, и, натужно ревя мотором, УАЗ стал взбираться к заимке. Несмотря на рёв двигателя, крошечная Надежда Алексеевна спокойно спала на руках у мамы.

Машину, наконец-то, загнал во двор. Началась процедура знакомства. Сначала новых жителей заимки обнюхали лайки. Приняли в стаю. Затем подошла знакомиться Даша, за руку тащила более робкую Машу.

Пока женщины знакомились, пока Наташа показывала Вере дом и усадьбу (Тимофеевна бывала у нас в гостях несколько раз), я и Лёшка принялись за работу. Надо было перенести мешки с мукой и куриные консервы в бункер. Другого места для них не было. И сарай, и подполье, и овощехранилищенабиты под завязку.

На строительство бункера ушло всё позапрошое лето. И почти все оставшиеся швейцарские франки. Всего лишь сто тысяч франков положил в швейцарский банк. И то, не ездил в Швейцарию, а просто перевёл туда деньги из московского банка. Некогда было по заграницам разъезжать.

Котлован под бункер занял часть огорода. Деваться было некуда. Возводить бункер за забором я не хотел. Но, по завершению строительства, над бункером соорудили курятник, свинарник и

маленький ангар, где стояла автоматическая линия по переработке мяса. Оставшегося огорода нам вполне хватало на ежегодные нужды.

Вход в бункер был из надземного тамбура - чтобы снегом не завалило. Сначала открывалась наружу тонкая дощатая дверь, которую, при необходимости, легко выбить. Следом, уже вовнутрь, надо было открыть металлическую дверь от железнодорожного вагона. При этом автоматически в тамбуре загоралась лампочка. Не очень яркая, но хорошо освещавшая ступени, уходящие вниз. В конце спуска находилась дверь корабельная. Она открывалась вовнутрь, запиралась рычагом. Но дополнительно, абсолютно герметично, задраивалась кремальерой - металлическим штурвальчиком. Сейчас дверь была нараспашку и мы спокойно занесли в бункер два мешка с мукой. У стены лежали две европаллеты - на них и будем складировать муку.

Лёшка окинул опытным взором наш бункер. Четыре двухъярусные деревянные койки, очень широкие. На одной сложены запаянные в полиэтилен матрасы, подушки, комплекты постельного белья. Всё пространство под нижними койками забито банками. С мясными, овощными, фруктовыми консервами. В дальнем конце бункера - крошечная душевая кабинка и туалет. Раковина - у входа. Рядом стоит кухонный стол с портативной двух конфорочной газовой плиткой. Баллоны с газом - под столом. Над столом повешен шкафчик с минимальным набором посуды: миски, ложки, кружки. В проходе между койками стоят два лёгких стола. Табуреток и стульев нет, подразумевается, что столы пододвигаются к койкам. Довершал оборудование бункера дизель-генератор и несколько герметичных канистр с соляжкой.

- Автономность?- спросил Лёшка.
- Всей командой месяца три спокойно продержимся.
- Значит, если припрёт, с полгода выдюжим.
- Трудновато, но возможно.

Забот хватало. Когда перенесли продукты в бункер, занялись мебелью. Кровати двойняшек перенесли в нашу спальню. Здесь же поставили кровать для Вовчика, доставшуюся ему в наследство от одной из сестрёнок. Вторую кровать, то ли Дашину, то ли Машину, отдали Надюшке. Леонидовым отвели дальнюю спальню. Все осознавали, что тесновато будет жить. Но, куда деваться на данном этапе? Я и хотел, чтобы Леонидовы обжились на новом месте пока стоит ещё нормальная погода, пока дети играют во дворе.

После сборки и перестановки мебели повёл Лёшку-старшего по усадьбе. Объяснил-показал, где-что находится. А там и обед подоспел, сооружённый общими усилиями Наташи и Тимофеевны. Ларису пока от готовки отлучили. "Ребятёнка расти",- хихикнула Наталья.

Вот когда нам пригодился наш громадный стол в горнице. Всем места хватило. На столе всего полно. И свежие овощи с зеленью с огорода, и соленья, вынутые из подполья. А уж борщ и рассыпчатая гречка из русской печи!.. За маленьким столом, где сидели трое ребятишек, раздавался неумолчный стук ложек по тарелкам. Знатно отобедали.

После обеда пошли с Лёхой подымить под навес во дворе. Детвору на улицу не пустили.

- Почитаю вам сказки часок, и пойдёте баюшки,- объявила им Наташа.

Пока дети укладываются и спят, шуметь нельзя. И мы с Лёшкой занялись тихим, чисто мужским делом. Я слазил в подполье и извлёк на свет божий весь арсенал. Тот, что был спрятан в самом дальнем углу. Вынес во двор и РПК, и коробку с "лимонками", и обе "Мухи".

- Ого!- коротко, но экспрессивно изрёк Лёха при виде всего вооружения,- у меня поскромнее.- И стал разматывать простыню, в которую была завернута разобранная СВД. Я уж до кучи, вынес из дома и мелкашку, и "Сайгу" с "Тигром". Принёс пузырёк с ружейным маслом, ветошь, шомпола.

Мы увлечённо чистили, протирали и смазывали оружие, когда в калитку негромко постучали ногой. Лёшка вопросительно поднял на меня глаза.

- В звонок не звонит, потому что знает, что дети спят. Это к нам гость.

Не ошибся - открыв окошечко в калитке, увидел улыбающегося Василича. Отодвинул щеколду, распахнул калитку, впуская лесника во двор. Карабин у него висел на плече, а в руках были два больших эмалированных ведра. Оба с верхом наполнены белами груздями. Поднёс их Василич к столу под навесом. Окинул взглядом разложенное на столе оружие.

- Это с кем же война намечается?

Я уже успел узнать, что Василич, хоть и изображает из себя человека донельзя простого, но очень даже умён и начитан. Поэтому ответил ему не попростому:

- С привходящими обстоятельствами.

- А именно?- поднял бровь Василич.

Но поговорить не дали. Вышедшая из дома Наташа, поздоровавшись с Василичем, предложила ему борща. Василич охотно согласился, так как к борщу полагался 'бальзам'.

Но поесть не дали. Вышедшая из дома Лариса, принялась демонстрировать Василичу Вовку. Получила свою порцию поздравлений и похвал. Потом Василич знакомился с Лёшкой-старшим, с Верой, разглядывал Надюшку.

Наконец, Наташа поставила перед Василичем тарелку с хлебом и зелёным луком, рюмку, бутылку с коричневой жидкостью. Ещё от Полынникова осталась самогонка. Я нагнал 80 литров, так две сорокалитровые бутылки у меня в подполе стоят. Настаиваются уже второй год. Василич же и обучал меня, какие травы натолкать в бутылки надо.

Василич налил себе рюмашку, поднёс ко рту, резко выдохнув из себя воздух. И застыл. К столу подошла Тимофеевна, с тарелкой борща. В кроваво-красном озерце плавал белый островок сметаны. Поставив тарелку на стол, Тимофеевна пожелала приятного аппетита своим певучим, тёплым голосом.

Хотя и Василич, и Тимофеевна неоднократно бывали у нас в гостях, но как-то до сих пор не доводилось им встречаться. Я представил их друг другу. И непроизвольно вырвалось у меня:

- Ты погоди, Василич, пусть Ирина Тимофеевна уйдёт сначала. Шибко она это дело не любит - когда при ней выпивают.

- Так я же только рюмочку, для аппетита.

- Вот и муж мой покойный начинал с рюмочки для аппетита. А закончил 'белочкой', - печально промолвила Тимофеевна.

Василич хмыкнул, решительно взял бутылку. И аккуратно перелил в неё содержимое рюмки, не пролив ни капли. Закрутил пробку. Пододвинул к себе тарелку с борщом и, размешивая ложкой сметану, попросил Тимофеевну:

- В таком разе, Ирина Тимофеевна, не спроворите ли стакан чайку покрепче.

- Со всем моим удовольствием, Николай Васильевич, - улыбнулась ему Тимофеевна.

Из дома вышла Наталья с ножиком в руке и с полиэтиленовым мешком.

- Так, вояки, убирайте свои железяки. Нашли где разложить! Мы сейчас с Ирой грибы будем чистить. Володя, достань из подполья бочонок маленький. В котором грузди солили. И гнёт где-то там же должен лежать. Ира, ты соли пачку прихвати из дома, пожалуйста.

- Не хочет меня Тимофеевной называть, - пожаловалась на Наташу наша 'бабушка', - говорит, что я ещё не состарилась до Тимофеевны. А я уже привыкла, что все Тимофеевной зовут. По имени как-то непривычно...

- Наташа совершенно права. Выглядите Вы весьма даже молодо, Ирочка, - неожиданно изрёк Василич. И я его поддержал, хотя несколько своеобразно:

- Конечно, вы с Натальей Владимировной на одни года и смотрите. Она женщина солидная, мать двоих детей.

Лариса кусала губы, чтобы не расхохотаться, но не удержалась.

- Смейся, смейся, малолетка. Как бы плакать не пришлось. Сейчас мы с тобой станем вдовушками, а Вовчик твой - безотцовщиной, - показала нож, зажатый в кулачке.

- Нет, Наташенька, - Лариса отрицательно помотала головой, - рука у тебя не поднимется. И двойные яшки тебя за папку загрызут. Они у хаски научились.

Волчок, стоявший у стола, вдруг покивал головой, словно соглашаясь с Ларисой. Тут уж все не удержались.

- Да тише вы хохочите, детей же разбудите, - сквозь смех сказала Наташа.

Я вытащил из сеней Машину-Дашину коляску, туда уложили спящих Вовку и Надю. Женщины в четыре ножа мгновенно набили груздями бочонок. Пока слабая половина населения трудилась, сильная - курила на лавочке, обсуждая тактику и стратегию бытия.

Василич согласился, что лучше ему перебраться на заимку. Его походы в город за продуктами и куревом теперь отменялись. Запасов у него особенных не было. Можно, конечно, прожить охотой, но ещё неизвестно, что будет со зверьём после катаклизма. Решили, что он, не спеша, дня за два-три перетащит на заимку своё нехитрое барахлишко. Пару бочонков с соленьями я перевезу на вездеходе.

- Тесно нам всем в доме-то будет. Может, я в баньке поселюсь?- поинтересовался Василич,- раньше иногда жили в банях и ничего. Печь затопил - тепло.

- Ага. А как мыться? Народа больше стало, баню чаще будем использовать. Но! Боюсь я, что когда пепел донесёт до нас, придётся нам всем в бункер переселиться. На какое-то неопределённое время. Потом снег повалит, после похолодания, пепел укроет, тогда и вылезем. Короче, предстоят неприятные денёчки. Ещё дождями кислотными грозились.

Встал, прошел в дом и вынес шесть бутылок пива из холодильника.

- Давайте, мужики, хлебнём напоследок. Жизнь впереди нелёгкая. Надо ловить последние минуты благолепия земного.

Женщины, глядя на нас, решили попить чаю с тортом и конфетами под навесом во дворе. Младенцы спали сном младенцев. Счастливы в своём неведении. Мама рядом, молоко дают. Чего ещё желать?

Двойняшки и Лёшка-маленький вышли во двор. За командира была Даша. Они тихонько подошли к столу.

- Спят?- шёпотом спросила Даша, показав пальцем на коляску.

- Спят,- ответили ей, тоже шёпотом,- тортика хотите? Тогда надо умыться после сна.

Даша снисходительно пояснила:

- Табуретка возле умывальника стояла - только чуть подвинуть. Кран я крутить умею. Так что мы уже умылись. Чуть-чуть намокли, но высохнем на солнышке.

- Молодцы. Вот вам по куску торта. Сейчас чаю налью.

Покой, тишина и благодать царили на заимке.

Глава III.

Жизнь подземная.

Наутро снова светило солнце. Но градусник опустился вниз на четыре деления. В печи потрескивали дрова. Хаски во дворе поглощали из своих мисок кашу с мясом. С виду - обычное летнее утро. Жизнь на заимке, в основном, велась по крестьянскому обиходу: стемнело - ложимся спать. Встаём с первыми лучами солнца.

Вот и сегодня с утра всё двигалось по накатанной колее. Позавтракав, поколол немного дрова. Затем уступил колун Лёше - ему ещё надо было осваивать эту нехитрую науку. Он парень совсем городской. Сам спустился в бункер, включил там электробатарей. Нужно, чтобы помещение прогрелось. Ближе к обеду, скатился на 'УАЗе' с горы, пересел в Лёшкины пятнадцатые 'Жигули' и поехал в город.

Людей на улицах мало. Кто-то срочным порядком уехал из города. А большинство сидело по домам, готовилось к неприятностям. Центральный гастроном открыт. У дверей покуривал полицейский с автоматом. Народа не было. Зайдя в гастроном, увидел, что работает всего один отдел. За прилавком стоял мужчина в камуфляжной одежде. Позади него лежало охотничье ружьё. Пара молодых парней скучала, сидя на табуретках.

- Денег не берём. А по бартеру - всё, что хочешь. Колбасу меняем на патроны и наоборот. 'Жидкая валюта', как всегда, ценится. В ходу тёплые вещи, если не заношенные, бензин, автозапчасти.

- Папиросы есть?- спросил я его. На заимке был большой запас сигарет с фильтром, но лесник их не признавал. Ему бы чего покрепче.

- 'Беломора' чуток осталось. Ещё 'Волну' на складе раскопали. Пачки уже жёлтые от старости, но не заплесневелые, табак сухой.

- 'Жигуль' пятнашка, на ходу, бензина в баке литров десять.

- Это штука ценная. Пятьдесят пачек дам.

- Машина ухоженная, не битая. Полностью рабочая. С запаской, домкратом и прочая. Хоть сейчас езжай до Барнаула. Сто пятьдесят пачек. Давай выйдем, посмотришь аппарат. Можешь даже прокатиться.

- Семьдесят пять пачек. А-а, чёрт с тобой, восемьдесят.

Через четверть часа я вышел из гастронома с картонной коробкой. В ней было сто пачек папирос. На прощание продавец не утерпел:

- Вот за 'Сайгу' твою двести пачек бы дал.

- Держи карман шире. Я её и за пятьсот не отдам.

Теперь надо было топать до уазика пешком. У тротуара стояли полицейские пятнадцатые 'Жигули' с мигалкой. Распахнув дверцу со стороны тротуара, стоял и курил, опершись о крышу, полковник Сергеев. Поздоровавшись со мной спросил:

- Может, не стоило так рано тревогу поднимать? Солнышко светит, птички поют...

- Не поют, а ноги делают.

Действительно, с самого утра в небе периодически появлялись стаи птиц, летевшие в южном направлении.

- Опять же, чем больше времени будет у людей на подготовку и решение своих проблем, тем меньше бестолковой суеты и дурости.

- Тоже верно.

- А что из области говорят?- хотькакую-то информацию получить.- Москва молчит или?..

- Или. Сказали, чтобы решали всё на местах. Силами местных МЧС и полиции. Из центра чтобы никакой помощи не ждали. Я велел все бомбоубежища привести в боеготовность. В школах пункты проживания и питания организуем. Но пока всё ведь тихо.

- И ещё дня три-четыре точно будет тихо. Если до нас волна всей этой сейсмике не дойдёт. Тоже тряхнуть может, горный район всё-таки.

- Да случались у нас раньше землетрясения. Один раз на шесть баллов шарахнуло. Но девятиэтажки у нас по сейсмоустойчивому проекту - выдержали.

- Ну, у нас-то с нашим одним этажом... Но готовимся. И к пеплу, и к кислотным дождям. Что ж, желаю вам удачи в вашем нелёгком деле.

- И вам удачи.

На заимке мы заклеивали окна, герметизировали двери. Штабель брёвен возле забора разросся втрое. Василич перебрался на заимку. Привёл с собой Пирата 7- отца Волчка и Динки. Не бросать же собаку на произвол судьбы. Василич с Тимофеевной ночевали в горнице. К нашим широченным лавкам у стола, Василич, будучи отличным плотником, сделал приставки. Закреплялись они поперечными закладками, получался примерно полутора спальный топчан. Спали они с Тимофеевной, разделённые столом, но перед сном тихонько болтали о том, о сём.

В тамбуре бункера все гвозди на стенах были увешаны резиновыми плащами, сумками с противогазами, полшубками. Тут же я установил на ступеньках два обогревателя для сушки обуви. Толстых среди нас нет - протиснемся. Постели в бункере застелены, принесены коробки с детскими игрушками и книжками. Установлен гимнастический уголок. Манеж для грудничков. Готовились, как могли. Всего не предусмотреть, но хотелось бы обеспечить более-менее сносную жизнь. Конечно, главной задачей была не комфортность, а сохранение самой жизни. Да и здоровье нуждается в сохранении. Остальное вторично, но детям это трудно объяснить.

Дул устойчивый ветер с востока. Именно оттуда, значит, и принесёт пепел. До нас от Йеллоустоуна самое большое расстояние - мы находимся на обратной стороне земного шара, как бы, напротив вулкана. Но нельзя исключить, что могло быть ещё извержение какого-нибудь супервулкана в Азии, а это уже ближе к нам. Было два подземных толчка, которые мы почувствовали. Один 7- совсем слабенький. А насчёт другого толчка нас предупредили: закудахтали куры, расхрюкались свиньи, завыли собаки. Тряхнуло основательно, но постройки у нас крепкие. Только задребезжала посуда в буфете, да мачта ветрогенератора покачнулась.

Термометр беспрестанно полз вниз. Если в пятницу, когда забирали жён из роддома, на улице было плюс двадцать четыре градуса, то через четыре дня - всего двенадцать. Наташа выводила детей гулять во двор в куртках. Младенцев закутывали уже не в лёгкие одеяльца, а в тёплые одеяла.

Ларисе и Вере велели ничем другим, кроме ухода за младенцами не заморачиваться. Наташа выступала в роли воспитательницы - Лёшик слушался её беспрекословно. Кормёжка старших детей, прогулки, игры, поспать днём уложить. Четырёхлетний Лёшик, по-мужски снисходительно, воспринял командование двухлетней Даши. Дети играли довольно дружно, с этой стороны проблем не было.

Вся готовка была на Тимофеевне. Зная, что вскоре придётся сидеть на консервах, она вовсю баловала нас разносолами. Каждый день, к радости детей, пекла по пирогу, то со свежей малиной, то с каким-нибудь джемом.

Только выпечка хлеба была на Ларисе. Ни у кого он не получался таким пышным и вкусным, как ни старались. 'Я заговор волшебный знаю',- смеялась Лариса.

Я протопил баню, объявив всеобщий банный день. Напоследок помыться, как следует, перед 'глубоким погружением', где на всех будет один крошечный душ. Сначала намыли ребятишек и они, с розовыми сияющими лицами, усердно принялись пачкать мордашки малиной. Потом помылись по очереди Тимофеевна и Василич. Собрались в баню Леонидовы.

- Пару часов вам хватит?- спросил у них.

- Подкальываешь?- ответил вопросом Лёша.

- Чего такого?- удивилась Лариса,- я с Вовой и по три часа мылась.

- Мылась ты, ага,- не удержалась Наташа,- с криками и стонами.

- А ты молча?- не осталась младшая в долгу.

- Жёны, замолкните, разлюблю обеих,- вмешался я в их разговор стандартной фразой.

Рисковать зря не хотелось. Не стал дожидаться, пока в воздухе появится вулканический пепел. Скомандовал великое переселение в подземное царство. На это ушёл целый день. Женщины вспоминали то про одно, что-то, забытое наверху, то про другое. Тимофеевна наварила большую кастрюлю борща, здоровенный чугунок картошки в мундире. В общем, перебрались. Теснота, конечно, невообразимая. Когда повалит пепел, ещё и собаки добавятся. Только куры и свиньи остались в своих 'надземных' строениях. Придётся ходить их кормить.

Теперь мне, Лёше и Василичу предстояло нести караул наверху. По четыре часа, сменяя друг друга. Мало ли кого принесёт. Особо никого не ждали, но бывают ведь и незваные гости.

На нижнем ярусе коек поместили Веру с Ларисой. Рядом поставили кровати для младенцев. Из-за кроваток пришлось один обеденный стол убрать. Приставили его к кухонному столу и водрузили на него микроволновку. Внизу также спальное место Тимофеевны и три детских на одной койке. Благодаря большой ширине койки, Даша с Машей и Лёшик совершенно спокойно укладывались поперёк, а не вдоль. И места у них на троих более чем хватало. На верхних койках - Наташа, Василич, Лёшка-старший и я. Залезать на 'верхотуру' надо по деревянной лестнице с торца койки. На боковой стороне верхних коек высоченная отбортовка со стороны прохода. И захочешь упасть - не получится.

В первый караул заступил в 16-00. Разбив сутки на шесть смен, написали три бумажки, с указанным на них временем, кинули в шапку. Всё по- честному. Василич вытащил бумажку. 'С нуля часов до четырёх часов ночи',- прочёл вслух. Лёше досталось время с восьми утра до двенадцати часов дня. Мне, соответственно, с четырёх часов ночи до восьми часов утра. Значит, следующая моя смена - с четырёх дня до восьми вечера. Перерыв между сменами - восемь часов. Вполне можно выспаться. И дела всякие поделать. Да, и в карауле можно чем-то заниматься, не склад боеприпасов от диверсантов охраняем. Просто, чтобы кто-то был наверху, следил за окружающей обстановкой.

Вот и сейчас, заступив на пост, не снимая с плеча карабин, отодвинул полиэтиленовую занавеску, прикрывавшую входную дверь в дом, прошёл в горницу. Печь не затопишь, трубу

накрыли сверху жестью, чтобы пепел не попал. Большой электрочайник в бункере, но у меня был маленький, на пол-литра воды. Быстренько вскипятил, развёл большую кружку кофе, вышел с ней на улицу. Сел под навесом. Дымился кофе, дымилась сигарета. Вокруг - тишина, только ветер шумит в верхушках деревьев.

Но такая благодать ненадолго. Когда посыплется пепел, придётся напяливать на себя противогаз. Четыре часа проходить в противогазе - приятно мало. Ни покурить, ни кофе попить. Да ещё по зиме придётся одевать валенки и полушубок. Для караульного приготовлена и меховая доха, на случай совсем уж зверского мороза. А потом всю эту амуницию надо в тамбуре снимать, тщательно пылесосить и только потом ставить-вешать на просушку. Перед корабельной дверью установлены два воздушных калорифера, так что, входящего из тамбура в бункер будут обдувать сильные струи воздуха, направленные наискось, в сторону выхода на улицу.

Первая смена прошла спокойно. В восемь часов вечера меня сменил Леонидов. Я спустился вниз, отдал Наташе банку с малиной и банку со смородиной. Собрал вечером, от нечего делать. На ягодах уже сказывалось понижение температуры, похоже, это последний сбор урожая. Крыжовник, моя любимая ягода, поспеть не успел.

Поел борща. Лариса ещё утром напекла хлеба с запасом. Потом придётся переходить на сухари и галеты. С час повозился с детьми на гимнастическом уголке, учил лазить по канату, взбираться по шведской стенке, делать упражнения на кольцах, перекладине, трапеции. Шума и визга не было, только сосредоточенное пыхтение и тихое ойкание при лёгких ушибах.

Потом Наташа детям читала книгу, потом повела их умываться и уложила спать. Основной свет погасили. В самом конце бункера светила лампочка под матовым колпаком, скупо освещая помещение. Возле каждой койки был ночник, наподобие того, что в купейных вагонах. И розетка у каждой койки. Я устроился наверху с ноутбуком. Интернета не было, но в компьютер закачаны книги, игры. Наташа тоже залегла с планшетом и книгу читала.

В полночь Василич ушёл на смену. Я решил вздремнуть. Пришедший с улицы Лёха, поцеловав жену, тоже завалился на боковую. У него было самое удачное время - всю ночь можно спать до утра, и весь день с полудня до восьми вечера свободен.

В половине четвёртого в наушнике, засунутом в ухо, зазвенел будильник мобильного телефона. Теперь мобильник только на это и был годен. При тусклом свете дежурной лампочки плеснул себе в лицо холодной водой и пошёл на улицу.

- Всё спокойно?

- А чего ж?- ответил Василич,- только сверчки стрекочут. Не вымерзли ещё, не ждали такой напасти.

Выкурили вдвоём по сигарке, и Василич отправился в объятия Морфея.

Утро было пасмурным. Лёшка, ещё позёвывая, сменил меня. Объяснил ему, где в доме маленький чайник, где сахар и кофе. Спустился в бункер. Пока-то, быстро получается. Снял сапоги, надел тапочки и - порядок. Все ещё спали, кроме Наташи. Увидев меня, она подошла к койке, на которой разместила детей, и поманила меня пальцем. Подойдя, узрел прелестную картину. Ближе всех к выходу Наташа уложила Лёшику, за ним лежала Даша, далее - Маша. У каждого было по своей подушке и по своему одеялу. Но это было вечером. А теперь Лёшик спал посередине, между двойняшками. Одеяла сбиты - в бункере довольно тепло. И видно, что

обе девочки, прижавшись к Лёшику, закинули каждая на него свою ногу. Точь-в-точь, как это обычно делали Наташа и Лариса, лёжа рядом со мной. И ведь тихоне Маше пришлось с подушкой перелезть через сестру и младшего Леонидова. Вот уж, в тихом омуте...

- И что ты на это скажешь?- шепнула Наташа на ухо. Сгрёб её в охапку, стиснул и впился в её полные губы. Она прильнула ко мне всем телом, обнимая за шею.

- Ах, вы, мерзавцы, мерзавцы, мерзавцы!- слышался сбоку гневный шёпот.

- От малолетки спрятаться можно только в могиле,- вздохнула Наташа,- обняла Ларису за талию и привлекла к нам. Поскольку на талии лежала Наташина рука, я руку положил ниже. Там где круглая, полная... Не удержавшись, сжал пальцы.

- Какая восхитительная! - Шепнул на ухо Ларисе, и тотчас она закрыла мне рот своими губами. За последние пару лет Лариса подросла и теперь была немножко выше Натальи. Если Наташина макушка доставала мне до переносицы, то Ларисина - до середины лба. И, наконец, сбылась мечта Ларисы: груди у неё стали больше Наташиных. В общем, окончательно сформировалась в роскошную женщину. Но Наташа упорно называла её малолеткой. 'До пятидесяти лет будешь у меня в малолетках ходить'. Лариса смеялась: 'Ага, сразу из малолеток в старухи'. Однако они обе относились друг к другу с нежностью, сурово предупредив меня, чтобы не вздумал их считать лесбиянками или бисексуалками. 'Мне на всех остальных женщин начихать,- заявляла Наташа,- но Ларисёнок, это... Это Ларисёнок'. 'Наташеньку люблю так же, как Вову. На вас двоих у меня свет клином сошёлся. Все остальные - постольку, поскольку. Ну, вот две яшки ещё тоже...'. До тех пор, пока сама не забеременела, Лариса всю помогала Наташе с девочками. И гуляла с ними, и купали они двойняшек сразу в двух ванночках. Даша с Машей мамой её называть не стали, но и тётей не величали. Называли - наша Ларисочка.

Вот и двойняшки, легки на помине. С двух сторон теребят Наташу за халат.

- Мама, хватит с папой и Ларисочкой целоваться. Мы ням-ням хотим.

Наташа взяла их за руки и повела к Ларисиной койке. Лариса, воспользовавшись моментом, крепко меня поцеловала, плотно прижавшись ко мне. И тут же охнула:

- Мамочки, халат промок насквозь!- На груди расплывалось мокрое пятно,- бежит молоко по вымечку, с вымечка по копытчку...- хихикнула она.

Мимо нас прошла к кухонному столу Тимофеевна. Пожелала всем доброго утра и зажгла газовую плитку - варить кашу детям. Лариса ушла к Вовчику. День в бункере начинался.

#### Глава IV.

Ожидали? Получите.

Только заступил на дневное дежурство. Ещё Василич докуривал 'Беломорину', перед спуском в бункер, когда слышался звук режущего автомобильного мотора, а вскоре у ворот заимки раздавался автомобильный сигнал.

- И кого бы это черти принесли?- Василич поднял со стола карабин.

Я подошёл к калитке, открыл окошечко. Возле ворот стоял УАЗ-'буханка' с красным крестом на боку. Рядом с водителем сидела женщина в белом халате. В салоне, похоже, никого нет. Ладно, впустим. Откинул брус, распахнул ворота. Но сначала подошёл к УАЗику. Водительское стекло поползло вниз.

- Вы по какому поводу? Скорую не вызывали. Все здоровы.

- Кольцов Владимир Владимирович здесь обитает? Это Таёжная, дом один?

- Здесь обитает. Но он на здоровье не жалуется. По причине отсутствия членораздельной речи.

Женщина улыбнулась:

- Ничего, я его и без речи пойму. Профессия у меня такая - детей без слов понимать. Педиатр я. Плановый осмотр грудничков на дому.

- Это всегда, пожалуйста. Милости просим.

'Буханка' подъехала к крыльцу дома. Врач вылезла из кабины и хотела подняться на крыльцо.

- Нет-нет, вам не сюда. Пойдёмте, я провожу.

Спускаясь по ступенькам в бункер, врачаха вздохнула:

- Это у вас, значит, убежище? Что ж, сегодня двоих детишек в бомбоубежище навещала. Решили семьи туда переселиться. Некоторые из города уехали. Три семьи сегодня не застала.

- Одна из этих семей, скорее всего, та, что с нами живёт. Леонидовы,- сказал я, отпирая корабельную дверь.

- Точно, Надя Леонидова,- ответила врачаха, перешагивая через высокий порог.

Я не стал путаться под ногами. И так, особо повернуться негде. Вышел на улицу. Водитель уже развернул машину на выезд, сидел под навесом и курил, болтая с Василичем. Я подошёл, на ходу прикуривая сигарету.

- Мария Васильевна, она такая, и после атомной войны будет детишек лечить,- вещал водитель,- другая бы думала, как самой спастись, а эта работу не бросит.

- А ты сам чего?- спросил Василич.

- Сам с усам. Семьи нет, как-то не сложилось. Сорок лет баранку кручу. И всё с Марией Васильевной. Мы уж третью 'буханку' с ней сменили. Нам-то что, мы уже пожилы вволю, никакие катаклизмы не страшны. Вот детишек жалко, ежели что-то серьёзное всё-таки стряслось. А мы? Так и будем ездить по адресам, пока сможем. На бензоколонках бензина уже нет. Сергеев нефтебазу взял под контроль и велел всему медицинскому транспорту бензин по прежнему распорядку выдавать. Так что, живём.

Под навес подошла Мария Васильевна, поставила на табурет обшарпанный кожаный чемоданчик.

- Ну, всё. Сюда можно пока больше не ездить, в такую даль. Верочка в медучилище по педиатрии специализировалась, медсестрой в яслях работала. Продемонстрировала мне, как она детям массаж делает, про знания свои рассказала. Я за ваших детей спокойна. Аптечка у

Веры богатая. Вакцину для прививок ей выделила. Всё она сама делает.

- Это хорошо,- обрадовался водитель,- а то ведь еле всклячились на первой передаче на этот подъём. Кабы не 'буханочка' наша...

- Мария Васильевна,- обратился я к врачу,- когда пепел вулканический повалит, вы уж откажитесь на время от визитов. Лучше дома пересидеть. Да и пациентам вашим лучше квартиры загерметизировать и никуда не выходить. Пепел этот всюду проникает, а он очень вреден. От него даже марлевые повязки не спасут и респираторы. Только противогазы. И то не все. Но, на бесптичье, можно и марлевую повязку в несколько слоёв - чем больше, тем лучше. Всё-таки какую-то часть пепла будет задерживать.

- Спасибо за информацию. Постараюсь воспользоваться.

- Едой-водой хоть запаслись?

- Да, какие там запасы? Как у всех, кто в разграблении магазинов не участвовал - пара пачек макарон, в холодильнике ещё кое-что есть. Плохо с хлебом. Хлебозавод встал. Сергеев снабдил мукой пару мини-пекарен, но всю их продукцию поутру разбирают, чуть ли не у дверей. Сергеев хочет наладить бесплатную выдачу хлеба, по числу едоков в семье. В общем, как в войну. Но с голода мне умереть не дадут. Знаете, как раньше земские врачи по деревням людей лечили? Тот крестьянин пару яичек даст, другой - сала кусок. Тем и сыты были. Хорошо, что водопровод пока работает и свет есть.

А то у меня всего пара новогодних свечек осталась. Воды набрала, куда только можно. Ладно, ехать нам пора.

- Погодите минутку,- и бросился в дом. Вернулся через минут пять. Протянул врачу большой полиэтиленовый пакет:- Это Вам, как земскому врачу от крестьянина.

- Что Вы, что Вы, я не возьму.

- Давайте не будем юродствовать. Не последнее от себя отрываю. Хлеб в вакууме, хранится очень долго, пока не раскроете упаковку. Консервы за колечко открываются, если сил хватать не будет, просто вставьте в колечко какой-нибудь стержень и дёрните посильнее. Ну, и свечей хозяйственных десятков. На месяц должно хватить, если экономно.

- Спасибо Вам большое.

- Вам спасибо за труды Ваши.

Василич вытащил из кармана бушлата только что распечатанную пачку 'Беломора' и протянул водителю:

- Держи, земляк.

'Буханка' уехала, я закрыл ворота. Василичзакинул карабин на плечо.

- Ну, я пошёл. Придётся Ире обед мне ещё раз разогревать.

- Для тебя-то она разогреет. У неё к тебе симпатия.

- Взаимная, прошу заметить.

- То-то ты бриться стал каждый день.
- Тварь я дрожащая или право имею?
- Имеешь, имеешь. Она женщина хорошая, да и ты, кажется...
- Перекрестись.
- Типа: побожись? Или, чтобы не сглазить?
- Раз, кажется, креститься надо. Пошёл я, тебе-то хорошо болтать - служба быстрее идёт. А я на пустые разговоры личное время трачу.
- Давай, отдыхай.

В шесть часов вечера я включил лампочку под навесом и в её свете увидел... Сразу побежал в тамбур, на всякий случай тщательно пропылесосил всю одежду и свою голову, обдулся сильной струёй воздуха.

Взял рацию. Леонидов находился через дверь, но мне не хотелось эту дверь лишний раз открывать. Нажал на рации кнопку с номером 2. И Лёша мгновенно отозвался. Порадовал его известием о том, что дежурить ему придётся в противогазе.

Одел подшлемник, противогаз ПМК-3 и резиновый плащ. Накинул капюшон на голову и вышел во двор. Вот и 'привалило счастье'. Два часа топтался по двору, ещё раз проверяя, надёжно ли укрыто полиэтиленом всё, что только возможно.

В восемь часов вечера из тамбура вышла фигура в резиновом плаще. В руках Лёша нёс тазик, накрытый плёнкой. Ему предстояло накормить свиней. Побухтели друг другу через противогазы и я побрёл разоблачаться.

Длительная и занудная процедура. Но необходимая. 100% попадания пепла в бункер избежать невозможно, можно сделать так, чтобы попадал совсем мизер. Где-то минут через двадцать зашёл в бункер и ко мне бросились и собаки, и дети. Как чувствовало сердце - загнал зверей под землю сразу после обеда. Теперь у выхода лежало три коврика. Оставалось разрешить проблему, как выводить собак на opravку. Придётся, по-видимому, одевать им противогазы и после улицы пылесосить. Задачака та ещё. Не думаю, что они воспримут эту процедуру с восторгом. Посоветовался с Василичем.

- Чего ж теперь делать? Завели собак - будем маяться. Ты поужинай, потом выведем их в тамбур и попробуем противогазы одеть. А насчёт пепла в шерсти - Ира им попонки сшила. Будут у нас гулять, как болонки породистые или той-терьеры.

Весь вечер убили, одевая собакам противогазы. На себе демонстрировали. Вот, мы же одеваем, а вы чем лучше? Выручили два обстоятельства. Во-первых, хаски - собаки довольно умные. Во-вторых, Пират, с которым Василич любил поговорить по душам, выпив рюмок несколько самогона, уже почти понимал человеческую речь. И, когда Василич покрыл его матерком, тяжело вздохнув, подставил голову под противогаз. Волчок с Динкой, глядя на отца, тоже смирились. Короче говоря, ближе к полуночи удалось вывести собак на улицу. Как только они справили нужду, загнали их обратно в тамбур. Василич мне помог, как мог. Я ввалился с собаками в бункер, а Василич даже и заходить уже не стал. Принялся облачаться, на смену

Леонидову. Да, тяжела ты доля бункерожителя! Или бункерообитателя? Подземного существа, в общем.

Но, частично, выход мы нашли. Решили меняться не через каждые четыре часа, а через восемь. Василич простоял до восьми утра. Я вышел на смену с собаками, Василич увёл их в бункер. Моя смена теперь до четырёх часов дня. Лёшке дежурить весь вечер, до полуночи. Меня немного радовало, что продолжал дуть устойчивый восточный ветер. Значит, пепел вскоре унесёт далее. Сидение в бункере будет вряд ли продолжительным. Правда, бытовало мнение, что пепел может обойти наш шарик (т.е. Землю) не один раз. Но, почему-то мне в это не верилось. Осядет пепел под дождями и снегами. Вон, какие тучи по небу ходят! Солнца теперь точно не увидим. Кстати, уже около ноля. Если земля промёрзнет, снег ляжет и не растает.

А через день пошёл снег. Он был смешан с вулканическим пеплом и был не белым, а грязно-серым. Собакам, после прогулки, приходилось отмывать лапы в тазу, потом тщательно вытирать. И даже не из-за того, что в бункер пепел занесут. Чтобы лапы им не разъело.

Снег шел с перерывами почти сутки, постепенно становясь всё чище. Завёл вездеход, раскрыл ворота и всю свою смену бульдозерным ножом сгребал снег за ворота. Где не получалось убрать вездеходом, Лёша с Василичем чистили лопатами. Почти весь смешанный с пеплом снег удалось со двора удалить. И я его отгрёб на самый дальний конец поляны. Той, что была перед воротами. Двор покрыло чистым белым снегом. Наверное, можно и в дом переселяться, а то ребятня в бункере уже с ума сходит. Не должен пепел вернуться. Бог с нами и за нас!

Но, несмотря на то, что снег был чистым, кислотность его оставляла желать лучшего. Никаких специальных приборов у меня не было, и я проверил снег обычной лакмусовой бумагой. По цветовой шкале получалось, что кислотность в районе  $pH=5,3$ . Да и по собакам было видно, что со снегом не всё в порядке. Прошедшей зимой они обожали носиться по двору, тем более, что после уборки урожая, им можно было бегать и в огороде. Хлебом не корми - дай поваляться в снегу. А сейчас выходили только справить нужду. Сразу после этого неслись в свой собачий дворец и, лёжа на подстилках, усердно вылизывали лапы.

Хоть и жаль было бензина, но заводил я мотоплуг, ставил на него роторную насадку и убирал выпавший в огороде снег. Ничего, что земля промёрзнет, озимых у нас нет. А вот закисление почвы может лишить нас урожая в дальнейшем. Не век же зима будет. Хотя, за пару лет снега навалит - 'мама не горюй!'. И поэтому надо снег убирать из усадьбы, пока не восстановится кислотно-щелочной баланс.

## Глава V.

Вот и гости заявили...

Позади заимки - огромный лог. Овраг, если попонятнее. От забора заимки до лога метров двадцать. Ещё дед Афанасий засеял крутой склон оврага еловыми семенами. Теперь там рос густой непроходимый ельник. По дну оврага протекал небольшой ручей. Туда же вывел Польшников канализацию. Все стоки по наклонному оврагу стекали в урочище Нежилая падь. К пади вела от заимки тракторная дорога. В урочище брали брёвна на дрова, сухостоя там было много. В Нежилой пади ни птиц, ни зверья не водилось. Когда приезжал на вездеходе за

дровами, охватывало жутковатое чувство, и я торопился поскорее убраться оттуда. Один раз взял с собой дозиметр, но радиационный фон в пади был нормальным.

- Нечисть там водится,- объяснил Василич, не пускаясь в подробности.

- На заимку-то не полезут?

- Неа, они из пади ни ногой. Да ты не бойсь, главное, на ночь там не оставаться, а днём не опасно.

Дрова из урочища были нормальными, горели без проблем, как все обычные дрова.

Впрочем, это я отвлекся от темы.

Так вот, от самого забора метров на пятнадцать, а у оврага и на все двадцать, лежал рукотворный бурелом. Стволы деревьев с заострёнными сучьями были накинаны друг на друга, не как попало, а с умыслом. Разобрать преграду было невозможно. И ветвями стволы переплелись, а кое-где и проволокой скручены. Когда брёвна не скользкие, то есть сухие, человек тренированный может неспешно, не без труда, добраться до забора трёхметровой высоты, увенчанного колючкой в три ряда, перевитых проволочной спиралью. Без сапёрных ножниц или ножниц по металлу не пробраться. При этом надо умудриться, не задеть проволочку, запускающую сигнальные ракеты (если про неё знаешь). У Полынникова ракеты запускались по всему периметру забора. А я решил, чтобы ракеты не только предупреждали о проникновении через забор, но и показывали, где происходит проникновение, на каком участке. Поэтому взлетали только две ракеты, если задет один сегмент проволочки.

Нетренированный человек, преодолевая бурелом, стопроцентно или ломает ногу, или распорет её сучком. Ни медведь, ни волк, ни лиса в это хитросплетение брёвен не сунутся - дурных среди зверья не водится. Бурелом тянулся вдоль всего забора, за исключением фасадной части, где ворота и поляна перед усадьбой.

Возле ворот сначала планировал соорудить караульную вышку. Потом рассудил, что с вышки хорошо расстреливать стаю волков или медведя-шатуна. Но самые опасные представители фауны - двуногие. И, если они с оружием, то на вышке превращаешься в персонажа игры 'А ну-ка, подстрели!'. Особенно сладко из гранатомёта по вышке шарахнуть - чтобы щепочки полетели во все стороны.

Поэтому, когда артель плотников возводила в усадьбе прошлым летом курятник и свинарник, я нарисовал им пару эскизов и подробно объяснил, что мне требуется. И плотники не подвели. Теперь, по обе стороны от ворот, к забору примыкали два помоста из толстых досок. С левой стороны, той, что подальше от дороги, помост был коротким, а с правой - длиной в четыре метра. Они не доходили до верха забора на полтора метра, как раз, чтобы скрыть с головой стрелка, вставшего на колена. На каждый помост вела деревянная лестница с перилами. Ширина помоста - около двух метров. На левом помосте в одном месте, а на правом - в двух местах лобзиком аккуратно спилены верхушки досок. И оставлены эти верхушки на старом месте. Достаточно вынуть отпиленный кусок доски, и в заборе образуется бойница. Некое подобие форта для защиты от индейцев. И 'индейцы' ждуть себя не заставили.

Дело было к полуночи. Мне, что-то не спалось. Наташа и Лариса, привалившись ко мне, давно уже спали. В доме царила тишина. Поэтому слышно было, как потихоньку собирается на дежурство Василич. Вот они с Тимофеевной о чём-то пошептались, вот послышался приглушённый звук поцелуя. А спустя несколько минут, через нашу спальню прошел к себе на

цыпочках Лёша Леонидов. Звукоизоляцию между спальнями Полынников сделал знатную. Из спальни Леонидовых до нас не доносилось ни звука, они, соответственно, не слышали, что творится у нас.

Лежал и размышлял о том, о сём. Но вскоре мысли начали путаться, сон одолевал. Оставалось только необычайно приятное чувство оттого, что рядом два тёплых, нежных тела. По приятности могли сравниться только моменты, когда по мне ползали маленькие двойняшки, бывшие ещё совсем грудничками. Ползали и лопотали что-то на своём тарабарском языке, счастливые и довольные. И я был счастлив, вот они - кровь от крови моей, плоть от плоти. Хотя, порой, не обходилось без курьёзов. Один раз Даша ножонкой весьма ощутимо пнула меня по моему 'мужскому хозяйству'. Вопль боли я подавил, но стон сдержать не удалось. Двойняшки замерли, посмотрели удивлённо и настороженно. Я промолчал, и они продолжили своё 'броуновское движение'.

В другой раз меня спасла Наташа, подошедшая к кровати, чтобы одеть девочкам памперсы. Маша, покачиваясь, сидела у меня на груди (только-только садиться начали) в одной распашонке. Огромные её глазёнки посмотрели на меня безмятежным взглядом, что-то вякнула и преспокойно принялась писать. Наташа среагировала молниеносно - промокнула горячую жидкость обеими памперсами, не дав ей стечь на постель. И, будь я проклят, Маша хитро на меня глянула и ехидно улыбнулась.

- Ничего, детская моча даже полезна,- утешила Наталья. А я усвоил, что бойкая Даша имеет простой и открытый характер, в отличие от тихой и скромной Маши, внутри которой сидит чертёнок.

Сквозь полудрёму отчётливо услышал громкий истошный крик. Следом раздался пронзительный вопль. Уже наловчившись в подобной операции, схватился за заднюю спинку и спрыгнул с кровати. Мгновенно влез в трусы, одновременно со штанами, сунул босые ноги в валенки. На улице раздалось два хлопка и свист взлетевших сигнальных ракет. К пирамиде с оружием подскочили с Лёшкой одновременно. Он успел натянуть ещё тельняшку, я же одел полушубок на голое тело. Лешка схватил СВД, я - 'Сайгу'. По запасному магазину уже лежало в карманах полушубков. Вылетели на улицу в тот момент, когда хлопнул выстрел из карабина Василича.

Лесник посмотрел на нас насмешливо. Одеты кое-как, без шапок...

- И чего? Вас, вроде бы, не звали. Спали бы себе дальше,- неторопливо передёрнул затвор, выбросив стреляную гильзу. Собаки стояли рядом, натянутые, как струна, настороже, но не лаяли. Знали, что за лишний шум не похвалят.

- Кто был-то?

- Судя по голосам - молодёжь. По тому, как орали, двое человек покалечились качественно. Брёвна снегом присыпало, но ямы-то между брёвен целёхоньки. Одному всё же удалось на забор вскорячиться. Ракеты запустил, со страха вниз ухнул. Опять полез. Да колючка не пускает. Я и стрельнул ему над головой, для острастки. Их там, похоже, человек десять. В лучшем случае, двое через забор прорвутся. Так я двоих-троих спокойно положу. Вот и не стал вас беспокоить. Идите, досыпайте. Всё в полном порядке.

Покурили мы с Василичем втроём и пошли в дом. Полушубки повесили возле оружейной стойки. Ко мне подошла Тимофеевна, которую теперь все звали Ирой. Придерживая руками,

запахнутый халат, с тревогой спросила шёпотом:

- Володя, ну, что там?

- Василич твой, геройски отразил натиск монстров и вышел из схватки победителем. Живой и невредимый. Вернётся - всё расскажет и горячо расцелует в сахарные уста.

Получив шуточный подзатыльник, на ходу расстёгивая штаны, дошёл до кровати. Как всегда, стоило мне встать с постели, Наташа и Лариса подползали друг к другу. Вклиниться между ними не удастся. Лечь с краю нельзя - Ларисе ночью Вовчика кормить, да и мало ли, встать к нему придётся. Поэтому я влез на кровать между печкой и Наташей.

- Всё хорошо?- шепнула она. (Не печка шепнула, разумеется.)

- Ага. Спи, малышка,- поцеловал теплую стройную шею, прижался к круглой, упругой попке и погладил выпуклое бедро.

Вовчик что-то 'промяукал' во сне.

- Спи, сыночек,- прошептала Лариса,- папка твой - сволочь, тётя Наташа - гадина. Один ты мамочку любишь.

Нет, ну, любит Ларисёнок горькой сиротой прикинуться. Наташа чуть отодвинулась от меня, это означало, что она плотно прильнула к Ларисе. Поцеловала её в шею. Перегнувшись через Наташу, поцеловал круглое плечо Ларисёнка.

- Подлизы мои любимые,- совсем еле слышно изрекла Лариса, засыпая.

Перед выходом на ночное дежурство подошёл к столу, взять приготовленный с вечера термос с кофе. За столом дремала Ира - встречает Василича со смены. И тут глаза у меня полезли на лоб. На столе стояла миска с очищенной картошкой, отваренной в мундире. Лежал кусок хлеба с салом. Блюдечко с постным маслом для картошки. Солонка с солью. И... Рюмка и бутылка с 'бальзамом'. Глядя на мои вытаращенные глаза, Ира робко спросила:

- Рюмочку ведь можно с мороза? Коленька же не запойный.

- Можно, можно. Вполне,- и вышел в сени, недоумённо покрутив головой. Что деется-то!

Утром, когда меня сменил Лёшка, я одел снегоступы, потому, как снега насыпало уже чуть ли не по пояс. Вышел за забор и произвёл осмотр места ночной попытки нас проведать. 'Гости' пришли на лыжах по дороге. Там, где они пытались подобраться к забору, снег на брёвнах заградительной полосы сбит. На снегу видны и следы крови. Или об колючку ободрались, или кто-то открытый перелом ноги заработал. Хотя, могли основательно ногу заострённым суком проткнуть. Кроме лыж у них были ещё и волокуши. На них, похоже, покалеченных и утащили обратно, в город.

Это была или молодёжная банда, или группа наркоманов. Последним хуже всего. Занятым спасением собственной шкуры наркобаронам сейчас не до дури. Привычные каналы поставок нарушены, аптеки Сергеев с Николаевым под контролем держат. Так что наркоши на всё готовы, лишь бы дозу раздобыть. А заимка, расположенная далеко от города, показалась им достойным для нападения объектом. Думаю, они сейчас горько разочарованы, и вряд ли ещё

раз сунутся к нам.

'Беда одна не ходит'. 'Пришла беда - отворяй ворота'. Что там ещё есть, соответствующего?

Я с тремя старшими детьми сидел на полу (не холодно), мы играли в настольную игру. Кидали по очереди кубик и передвигали по полю фишки. Лёшик помогал двойняшкам считать до шести. Они умели только до трёх. Возле меня лежала рация. И вот на ней замигала красная лампочка, и пискнул сигнал вызова. Потянувшись за рацией, краем глаза увидел, как Маша мизинчиком перевернула кубик. Теперь на верхней грани вместо шести точек было четыре.

- Маша, надо по-честному,- возмутилась Даша.

- Ага, он у нас и так выигрывает. А должен поддаваться, чтобы доставлять детям положительные эмоции.

Вот оно, поколение next. Я в два с половиной года не только не знал, что такое положительные эмоции, мне и слов-то таких было не выговорить!

На связи был Василич, который только что заступил на дежурство.

- Вова, выйдите-ка с Лешкой во двор. Без лишней спешки, одевайтесь спокойно. Ну, там, по ружьишку прихватите.

Выйдя во двор, сразу услышали рёв мощного дизеля за забором, в отдалении. Мы терпеливо ожидали, стоя на помосте у забора. И вот на подъёме показался мощный погрузчик на базе 'Кировца' - колёсного трактора К-701. Он грёб ковшом снег. После того, как набирался полный ковш, снег высыпался на обочину расчищаемой дороги. Когда погрузчик приблизился к забору, мы увидели, что в кабине, помимо водителя, сидит полицейский с автоматом. Я сказал своим, чтобы оружие не демонстрировали, и пошёл к калитке. Вышел за забор, погрузчик был уже совсем рядом. Вот он остановился. Водитель и полицаи вылезли из кабины.

- С чего это вдруг к нам дорогу решили расчистить? Ожидается визит министра иностранных дел Японии?

Водитель оглянулся на полицаю, как бы предлагая ему ответить на мой вопрос. Полицейский замаялся, медля с ответом, потом выдал:

- Наше дело маленькое, приказали - чистим. Вроде бы, начальство наше должно сюда заявиться. А к вам ведь и на 'КамАЗе' не проехать.

- Начальство - это Сергеев, что ли?

- Ну, да,- несколько неуверенно ответил полицаи. Глаза у него бегали, взглядом он со мной встречаться не хотел. Не нравилось это мне, ох, как не нравилось.

Но тут в разговор вмешался водитель:

- У вас ведром с водичкой нельзя разжиться? В радиатор бы надо долить, а то нагрелся здорово, пока к вам пробивались. Снега-то навалило немеряно.

- Василич, проводи человека в дом, дай ему ведро с водой.

Василич гостеприимно распахнул дверь в заборе. Лёшка на виду не показывался. Полицаи

дёрнулся было пойти за водителем, но я остановил его:

- Давай, покурим пока. Угощайся. Да расскажи, что там у вас, в городе, творится.
- Так я тоже водички хотел... Попить.
- Вон же фляжка у тебя на поясе.
- Пустая она.
- Ну, на, из моей попей,- протянул ему свою флягу. Так и не удалось ему попасть к нам во двор. Ишь, разведчик хренов выискался!

Водитель вернулся быстро. Но, когда стал заливать воду в радиатор, я увидел, что не столько в радиатор льёт, сколько мимо. Радиатор-то, по-видимому, полный. И я усердно отвлекал полиция разговором от действий водителя.

Дорогу до ворот метров на двадцать не дочистили. Я заверил полиция, что выведу сейчас вездеход и всё расчищу до полного ажур. И погрузчик, развернувшись, уехал в сторону города.

Едва я закрыл за собой дверь в заборе, взволнованный Василич подскочил ко мне. Подошёл и Лёша.

- Водила излагал всё по быстрому, коротко, чтобы полиция ничего не заподозрил. Очень просил его не выдавать, трое детей у него маленьких, боится мести. Дорогу к нам приказал расчистить Авдеев. Он откололся от Сергеева и банду организовал. Хотят свою базу на заимке устроить. Как только водила в город вернётся, и сообщит, что дорогу расчистил, тут они сразу и заявятся.

- Всё понял. Действуем. Лёша, пойдём вооружаться.

Майор Авдеев был заместителем Сергеева. Про него слова доброго не говорили, а характеризовали коротко: злой. Давно бы Сергеев от него избавился, да у Авдеева был покровитель в областном УВД. Даже, вроде бы, на место Сергеева хотели Авдеева посадить, дожидались только, пока ему подполковника присвоят.

Ничего хорошего от этого визита ждать не приходилось. Бандит - он и в Африке бандит. В лучшем случае, мужчин ждёт смерть, а женщин - рабство, со всеми вытекающими... Это, если без пыток обойдётся. Про детей не стоит вообще думать в этом плане.

Что ж, низкий поклон водителю, что предупредил. Могли и попасться на удочку. А так, встретим достойно. Кое-что могём, кое-чему обучены.

Вместо полушубков одели более удобные зимние бушлаты. Подшлемники, каски. На руках нитяные хэбэ перчатки - чтобы руки к оружию не примерзали. Сверху - меховые рукавицы, которые позже можно будет сбросить. У Лёши 7 - верная СВД и пара магазинов к ней. У меня - 'Тигр' с оптикой, РПК с запасным коробом. На плечо вешаю две 'Мухи'. 'Лимонки' в пластмассовом коробе выставляю на середину помоста. Лёша кладёт туда же пару РГД-5 из своего запаса. Укладываю 'Мухи' возле бойницы. Одну раздвигаю, изготовив к выстрелу. Теперь по любому придётся ею воспользоваться. Ну, вот. К торжественному приёму дорогих

гостей всё готово. И подарки, и музыка.

Василич получает команду остаться в доме. Его возражения пресекаю на корню:

- Василич, приказы не обсуждаются. Служил, порядок знаешь,- и тут же подсластил пилюлю:- ты - наш последний рубеж обороны. На тебе сохранность самого ценного  $\gamma$ - женщин и детей. Стоишь у приоткрытой двери, как в сени входит кто-либо, кроме меня или Лёхи - валишь его без разговоров. Кстати, Наташа с мелкашкой управляется лучше, чем со швейной иглой. Она КМС по стрельбе. Ларисёнок неплохо помповиком владеет. Опыт имеется.

- Я тогда себе 'Сайгу' возьму,- заявляет вдруг тихая Ирина Тимофеевна,- пару раз стреляла из неё.

- У меня 'Макаров',- объявила Вера.

- Ну, вот, Василич, командуешь, значит, женским батальоном. Как в фильме 'А зори здесь тихие'. Всё, боевые подруги, мы пошли. Целоваться на прощание не будем, потому, как прощания не предвидится. Мы должны вернуться и мы вернёмся.

- Только попробуй Вовчика сиротой оставить, всю задницу распинаю,- изрекла Лариса, скрывая за грубостью своё волнение.

- Вот видите, как дело обстоит?- и шагнул в сени. Лёша за мной.

Я закрыл все ставни в доме на крючки. Мы присели на помосте, не открывая пока бойницы, и успели выкурить по сигарете.

Послышался рёв двигателя автомобиля, с натугой берущего подъём. Ну, славяне, понеслась! Из-за подъёма показался КАМАЗ с кунгом. Выехав на ровное место, остановился. Из него посыпались фигуры в зимнем камуфляже с автоматами АКСУ.

- Шестнадцать рыл. Всего-то по восемь понтов на одного морпеха и одного спецназа,- слышу в наушнике тихий Лёшин голос,- а понты - бойцы никакие, так что расклад в нашу пользу. Так, гранатомет один, пулемёт один. Это не страшно, это переживём.

- Лёш, я пошёл. Гранатомет в первую голову убирай. А автоматы забор не пробьют.

Снял с себя каску, чтобы соответствовать роли, гарнитуру, оставил только подшлемник - за вязаную шапочку сойдёт. В дверь уже вовсю колотили прикладом автомата. Отодвинув щеколду, открыл окошечко. Лицо сделал 'валенком', тупым и непонятливым.

- И чего стучать? Звонок рядом с дверью есть.

- Откройте, полиция.

- Полицию не вызывали. А бумага у вас, скажем, есть? Ордерок, какой-никакой?

- Вот моя бумага,- просунул в окошко ствол автомата,- и свинцовая печать сейчас будет.

- Ладненько. А постарше тебя-то кто найдётся? Кто у вас за главного?

- Дверь откройте,- в окошке показалась бульдожья морда с акульими глазами. Акульими, в смысле злобы.

- А по поводу чего?- ещё тянул я время. Но особо болтать не стоило. Надо 'закругляться'.

- Есть подозрение, что у вас в доме скрывается опасный преступник. Проверить хотим.

Понятно, на легенду особо заморачиваться не стали. Понадеялись на форму и силу.

- Так ведь, всё равно ордер нужен, лейтенант.

Это не Авдеев. А жаль.

- Слушай сюда,- сорвался летёха,- или открываешь, или...

- Или-или,- выдернул из гранаты чеку, отпустил рычаг, произнёс про себя: 'Двадцать два'. Держа пальцами за запал, просунул гранату в окошко и пальцы разжал. Тотчас же окошко захлопнул, щеколду задвинул. За дверью грохнуло. А я уже нёсся к лестнице, ведущей на помост. Петли на двери старинные, массивные, кованые. Должны выдержать. Одел гарнитуру. Натягивая на подбородок ремешок каски, услышал в наушнике:

- Гранатомётчика положил. Сейчас второго номера. Есть второй номер.

Лёшка предусмотрительно открыл мне бойницу и я просунул в неё ствол 'Мухи'. Поймал в диоптр пулемётчиков, уже установивших РПК на сошки. Мушку подвёл под пулемёт, вдавил клавишу. Граната легла точно в цель. Пулемёт перевернулся кверху сошками, пулемётчики застыли в несуразных позах. У ворот во двор швырнули гранату. Кидали наобум. А вот Лёшка свою 'лимонку' отправил точно туда, откуда прилетела граната. Не метнул, не бросил, а запустил каким-то хитрым способом. Описав дугу над колючкой, 'лимонка', казалось, на мгновение зависла в воздухе, а потом вертикально упала вниз. Мы распластались на помосте. Осколки разорвавшейся гранаты простучали по ограждению помоста, не пробив лиственничных досок-пятидесяток, по доскам забора. Следом рванула Лёшкина граната. И тишина.

Потом над забором появилась чья-то шапка. Мы не отреагировали, на такие фокусы не покупаемся. Шапка исчезла. Появилась снова. Но теперь под ней блестели чьи-то глаза. В них Лёша и послал пулю, снеся любопытному полчерепа.

- Ай, нехорошо, Лёша, разрывными стрелять. Какая-то там конвенция это запрещает.

- Бандитизм все конвенции запрещают,- так же шёпотом ответил Леонидов.

Прямо под нашими бойницами раздались голоса:

- Половину наших уже положили. Через колючку не прорвёшься. Если бы сорок седьмые 'Калашы' были, а из семьдесят четвёртых эти доски не пробить, я попробовал.

- Вован, ползи за гранатомётом. Без него никак. Ещё можно ворота КамАЗом таранить.

- Перед воротами снег не расчищен. КамАЗ застрянет.

- Уходить надо, к чёртовой матери. На профессионалов мы нарвались.

Я дернул за кольцо лимонки, выждал секунду и просунул гранату в бойницу. Она скользнула вниз.

- Мать!- успел выкрикнуть кто-то. Тут и рвануло.

- Уй, суки, суки, суки...- завыл голос под забором.

Леонидов тихо пробормотал, глядя в прицел:

- Когда по-пластунски ползёшь, жопу не отключивай, понтыра. Тик в тик - в мягкие ткани таза.

- Ну, ты и сadyга, Лёша.

- Ладно, бахну ещё в бестолковку.

Пара теней метнулась к КамАЗу. За ними ещё двое. Хлопнула дверь кунга. Двигатель взревел, но в лобовом стекле появилась аккуратная дырка. Мотор заглох. Раздвинув 'Муху', я встал в полный рост, просунул гранатомёт между проволокой, нажал на спуск.

Как граната взорвалась внутри кунга, уже не увидел. Потому что грохнулся со всего маху на помост. Уронивший меня Лёша, показал мне кулак и сказал в микрофон:

- Прилетит шальная, что я потом твоим вдовам да сиротам объяснять буду? А давно я не баловался бронебойно-зажигательными,- и вставил в СВД новый магазин.

Дверцу КамАЗа распахнули, вытолкнули на снег тело водителя. За лобовым стеклом никто не показался.

- Авдеев в кабине сидел. Не захотел на мороз вылезать. Я когда в водилу целился, увидел майорские погоны,- информировал меня Леонидов.

Лёша на сиденье, невидимый Авдеев повернул ключ в замке зажигания. Мотор заурчал, но Лёша уже выстрелил в бензобак автомобиля. Сначала показался дымок, а потом выхлестнуло язык пламени. Загоревшийся соляр побегал по топливным шлангам. Леонидов же, методично всаживал пулю за пулей в кабину грузовика. КамАЗ превратился в пылающий костёр, из которого никто не пытался выбраться.

- Давай не спеша перекурим, оборзеем поле битвы,- предложил Лёша.

- Обозреем. А точнее - обозрим.

- Это вы там, во Владике, культурные были, а мы всё больше по кишлакам да аулам...

Переглянулись и расхохотались. Победа за нами.

В горящем КамАЗе с треском рвались патроны, а мы курили, поглядывая в бойницы. Вот Лёша встал, выбросил за забор окурков. По направлению к дороге ползла фигура в зимнем бушлате, оставляя за собой кровавый след.

- Извини, парень, ничего личного. Ты сам себе путь в жизни выбрал,- после выстрела из винтовки всякое движение прекратилось.

- Ну, что, пойдём трофеи собирать, пока не стемнело?

В наступающих сумерках притащили во двор гранатомёт РПГ-7 с запасной гранатой, короб с

пулемётной лентой (сам пулемёт гранатой покорёжило). Шесть автоматов со сдвоенными магазинами, запасные магазины. Остальные автоматы были повреждены осколками гранат. Или сгорели в машине.

КамАЗ всё ещё горел, распространяя вонь и чёрный дым от горящей резины и жареной человечины. Хорошо, что ветер не в сторону заимки. Трупы, раскачав, побросали в огонь. Тяжёлая физическая работа - утилизация покойников.

Закрыв за собой дверь в заборе, присели под навесом и выкурили ещё по сигарете. В доме-то не покуришь.

- Настоящий специалист, он себя всегда оказать сможет,- глубокомысленно изрёк Лёша.

- Эт точно. Где гранаты так бросать научился?

- Комвзвода научил. Хороший был лейтенант, царствие ему небесное. Я месяц тренировался, пока получилось.

- Обучишь?

- Не вопрос. Мы ж, вроде, как побратались, после сегодняшнего.

Приоткрыв дверь в сени, я крикнул:

- Василич, ни хт шиссен. Свои.

- Какие-такие свои? Свои все дома сидят.

- Ты чего, Василич?

- А вы чего? Могли бы зайти, да сказать, что всё закончилось благополучно. А то ходят, жмуриков себе на ужин жарят, оружие собирают. Вот вам сейчас прилетит, кому сковородкой, кому скалкой.

Свалили все трофеи в сених, завтра разберёмся. Гранатомёт только Лёшка разрядил.

Вошли в дом и все сразу к нам бросились. Леонидову-то ещё ничего, а меня с двух сторон слезами поливали. Я не ругал жён и не мешал им плакать. Тем более, что периодически плач прерывался, радостная улыбка озаряла лицо. И опять слёзы. Только гладил обеих по головам и приговаривал:

- Успокойтесь, маленькие мои. Всё хорошо.

Кто-то подёргал меня за штанину. Внизу стояла Даша.

- Если мама и Ларисочка маленькие, то, значит, мы с Машей -большие?

- Конечно,- подхватил её на руки,- а самый большой у нас - Вовчик.

Даша рассмеялась звонким колокольчиком.

- Папочка, а кто такие черти?

- Это такие чудища с рогами и хвостом. И с копытами. Размером с человека. Но они у нас здесь не водятся.

- А вот и водятся. Когда стрелять и бабахать перестали, дедушка Коля пошёл выглянуть на улицу. Вернулся и говорит: 'Они, черти, там сидят, курят'. И все почему-то стали радоваться. Чертям, наверное.

Маша взревновала, что Даша всех развеселила, даже Лёшик хихикал, обняв отцовскую ногу. И тоже запросилась ко мне на руки.

- Ой, папочка, как от тебя невкусно пахнет!

Поцеловав дочек, поставил их на пол.

- Мне надо идти на улицу. Дежурство моё ещё не закончилось.

- Я на дежурство заступаю. До четырёх ночи,- Василич был уже в валенках и в полушубке. Достал карабин из стойки,- вам отдохнуть надо. Женщины вон, праздничный стол накрыли. И по сто грамм нальют. Бойцам положено. По случаю победы над врагом.

- Ты же тоже тыл оборонял. И тебе сто грамм полагается.

- С дежурства приду, Ирочка меня всегда встречает, тогда и нальёт стопарик. Пошёл я, мало ли там что...

Дочери крепко спали. Вовчик - тот, вообще, 'суперспун'. Поэтому тихие поцелуи, которыми меня осыпали жёны, никому не слышны.

- Герой ты наш!

- Какой там герой,- в смущении прошептал я,- пару раз из гранатомёта стрельнул, да две гранаты, даже не бросил, а опустил, куда надо.

- Не спорь с женщинами, это глупо и неприлично. Сказали: герой, значит, герой.

- И сейчас награда найдёт своего героя,- тихонько хихикнула Лариса и нырнула с головой под одеяло. Я почувствовал, как её полные губы прижались к моему животу, а потом скользнули ниже. Одеяло она откинула в сторону, чтобы не мешало.

- Нашу малолетку и танк не остановит,- шепнула мне на ухо Наташа, глядя на ритмично покачивающийся затылок Ларисёнка,- Володенька, утром, когда тебя Лёша сменит, затопи баньку.

- Хорошо,- ответил, тяжело дыша.

Глава VI.

В нашу гавань заходили корабли...

Баньку затопил, как обещал. После этого уселся за рычаги вездехода. Всё-таки не зима по

календарю, а лето - светает раньше, темнеет позже.

Сгрёб снег в огороде, во дворе, выпихнул его за ворота. После чего, ножом вездехода столкнул с дороги сгоревший КамАЗ. Вместе со сгоревшими и полуобгоревшими телами. Все следы вчерашней битвы скатились с подъёма вниз, там я их и задвинул в ельник, насколько позволили деревья.

Только выбрался из кабины вездехода, в дверь позвонили. Позвонили вежливо, не ткнули пальцем в кнопку звонка и не давили на неё, до приступа тихой ярости по обратную сторону двери. Как был, без оружия, отворил окошечко. Сергеев стоит. Заходите, товарищ полковник. А толпы полицейских с автоматами за Вами нет? Странно, один пришёл. Два автоматчика остались в УАЗике патрульным сидеть.

За руку Сергеев со мной поздоровался, потом Лёше руку пожал. Раскрыл портсигар, протянул: 'Угощайтесь'. Сергеева мы почти не знали, а то бы жест оценили. Отнюдь не каждому полковник открытый портсигар протягивал.

- И сколько же их было?- спросил Сергеев, выпуская в небо струю дыма,- останки внизу видел, но там не разобрать ничего.

- Пятнадцать рыл, да лейтенант, да водитель в КамАЗе, да сам Авдеев. Итого - восемнадцать штук.

- Штук?

- Штук, штук. Людьями-то их называть не хочется. Можно - восемнадцать единиц. Можно - восемнадцать трупов. Так оно вернее.

- А на вас, значит, ни царапины. Про Леонидова я в курсе, кто он такой. А Вы? Тоже спецназ?

- Морская пехота Тихоокеанского флота. Но ещё с двухгодичным сроком службы.

- Хорошо вас готовили. Что ж, спасибо, ребята. Вы за нас нашу работу сделали.

- Мы семьи защищали. Ну, и Родину, как учили. Они же взаимосвязаны.

- Медалей у меня для вас нет. Всё, чем могу, помимо личной благодарности,- достализ принесённого с собой пакета продолговатую высокую коробку из темно-красного глянцевого картона, с золотыми буквами.- Не палёнка, друг из Франции привёз. Когда там теперь опять виноградники появятся? Наверное, очень нескоро. А, может, и никогда.

- Спасибо за награду. Мы, вообще-то, спиртным не балуемся. И, в основном, самогонку, настоящую на травах, употребляем. Вот отдариться есть чем,- я быстренько заскочил в дом, вынес оттуда льняное полотенце, в которое завёрнут каравай свежееиспечённого хлеба.- От нашего стола - вашему столу.

Сергеев принял каравай, вдохнул запах, отломил кусочек и засунул в рот.

- Божественно,- растягнул бушлат и сунул каравай за пазуху,- внучкам в подарок отвезу. Это им слаще любых конфет будет.

- Хлеб у моей жены на славу удаётся. Говорит, что слова волшебные знает.

Он хитро посмотрел на меня:

- Это какая, старшая или младшая?

- Младшая. Которой девятнадцать вот-вот исполнится.

- Приехали-то вы сюда почти три года назад. Когда ей шестнадцать было.

- Не могли мы её с матерью-алкоголичкой оставить. А она ни шлюхой становиться не хотела, ни замуж за водопроводчика-пропойцу выходить.

- Да, ладно. Что недоказуемо, то ненаказуемо. И официально-то ты только со старшей расписан. Если что, можешь мусульманином прикинуться, да ещё пару жён заиметь. Если здоровье и финансы позволяют. Живут-то дружно?

- Душа в душу.

- Это главное. И вот ещё, что важное хотел сказать. Телевидения нет, но радио из Москвы вещает. У нас приёмник хороший есть. Передают, что уровень океана резко повышается. Прибрежные города все затоплены. И Петербург, и Севастополь, и в Европе тоже - Амстердам, Венеция, Марсель, Ницца. Правда, уверяют, что Москве ничего не грозит, она над уровнем моря на триста двадцать метров возвышается. Нам тогда, тем более. Наш город на сто семьдесят метров выше Москвы расположен. А ваша заимка и на все триста. Баньку топите?- Посмотрел на дымок, поднимавшийся над трубой,- здорово пахнет. У вас тут, как шикарная загородная дача. У Авдеева губа была не дура - базу свою здесь устроить,- и заторопился,- Пора мне. Дел невпроворот. Ещё раз спасибо вам, ребята. И жене за хлеб от меня и семейства моего благодарность передайте.

- Обязательно,- проводил Сергеева до уазика, в котором сидели автоматчики. Вспомнил про трофеи:- погодите минутку.

Вынесли с Лёшей из сеней все шесть автоматов и магазины к ним.

- Нам они без надобности, а вам пригодятся.

- Спасибо опять же. За вашу заимку я теперь спокоен. Кстати, сколько вас тут?

- Семеро взрослых и пятеро детей. Двое, правда, совсем груднички. Второй месяц жизни всего пошёл.

- Да, уж. Выпало им родиться в недоброе время. Ничего. С такими папами и мамами не пропадут.

- Однозначно. Дети - наше всё.

- Удачи вам. Даст бог, ещё свидимся,- изрёк Сергеев пророчество.

- Удачи всем нам,- ответили мы с Лёшей хором.

Помылись на славу, после чего все чистенькие и умиротворённые уселись за стол обедать. Кроме Василича, которому время было нести караул во дворе. Ирина Тимофеевна хлопотала у стола немного смущённая. Дело в том, что когда помыли детей, и пришла очередь взрослых, то Ирина и Василич отправились в баню вместе. Все сделали вид, что так и надо, никто словом не

обмолвился, кроме ехидны Натальи.

- Ирочка, свадьбу-то когда сыграем?- с невинным видом спросила она, заставив Тимофеевну покраснеть. Я шлёпнул жену пониже поясницы:

- Сейчас я тебе чего-нибудь сыграю. Марш в баню! Ларисёнок уже ушла.

Из бани Наташу вела под руку Лариса, я и вправду постарался. Тихим голосом Наталья попросила прощения у Ирины за свой длинный язык, и не выдержала:

- Я прилягу, полежу полчасика.

Когда подошёл к кровати, прошептала:

- Володенька, ты меня просто ушатал. Прямо, как в медовый месяц. Спасибо, любимый. Я не слишком громко кричала?

- Больше стонала,- Лариса забрала от Веры Вовчика и Надюшу. В баню ушли Леонидовы,- мне даже завидно было, ты меня сегодня переплюнула. Господи, до чего же спокойные дети! Поели, покакали и спят себе. Вот счастье-то нам с Верой.

- Можно подумать, мои девчонки много орали.

- Они тоже тихие были, особенно Маша. А Дашка шептунья чуть-чуть. Не любила, когда на прогулку одевают. Всё на улицу в распашонке рвалась.

Два дня мы наслаждались покоем. Всё хорошо, все здоровы, везде и во всём порядок. Казалось, что так оно теперь всегда и будет. На небольшие толчки почвы, происходившие почти каждый день, внимания мы уже не обращали. Обычные афтершоки после большого землетрясения, объяснил я обитателям заимки. Животные и птицы никаких сигналов тревоги не подавали. А зря.

На этот раз 'везение' выпало на смену Лёши Леонидова. Дети уже все спали. Я предвкушал сладостные минуты, сидя на краю кровати, стягивая с себя футболку. Обе мои богини уже дожидались меня под одеялом. И тут в дверном проёме возник Лёша. Только он умел так бесшумно передвигаться, словно бесплотный призрак. Не сказал ни слова, но я, вздохнув, стал одевать обратно снятую футболку. Всунул ноги в валенки, стоявшие у задней спинки кровати, поднял с табуретки свитер и тогда вопросительно посмотрел на Лёшу.

- Вода,- изрёк Лёша. Ясно. Чего зря трепаться. На всякий случай, достал из стойки карабин, подпоясал полушубок офицерским ремнём, повесил на шею бинокль, в руку взял мощный аккумуляторный фонарь.

Во дворе поднялись на помост у забора. Я включил фонарь, поводил лучом туда-сюда. Но свет не пробился через темноту за подъёмом.

- Вертолёт летел к городу. С него прожектор вниз светил. Я и увидел. Вода далеко, в самом низу.

Я слышал звук летящего вертолёта, но поскольку он не приближался, а удалялся, значения этому не придал. Мало ли кому взбрело в голову полетать, на ночь глядя. Мы спустились с помоста, вышли со двора и направились к краю поляны перед заимкой. Туда, где была дорога,

ведущая в город. Подойдя к краю ровной площадки, осветил вниз фонарём. Слабое пятно света скользнуло по гладкой зеркальной поверхности, не оставляя места сомнениям. Послышался рокот вертолётного двигателя и через несколько минут вдали невидимой тенью проскользнула по небу винтокрылая машина. Но из её 'брюха' вырвался конус яркого света, осветивший широкую водную гладь, расстилавшуюся внизу.

Оставалось только гадать, зачем прилетал вертолёт. А вот наличие воды говорило о многом. То ли Северная Америка погрузилась в пучину океана, вытеснив не мерянное количество воды. То ли развалился, то ли растаял какой-то из огромных ледников Антарктиды. Информации не было, а гипотезу можно было строить любую. И достоверность её ни подтвердить, ни опровергнуть. Однако, вода была. И это непреложный факт. Я вспомнил демотиватор, выложенный в Интернете. Там мужичонка плыл на вёсельной лодке по Красной площади, вдоль Кремлёвской стены. Вот и стал этот фотомонтаж явью. Не спасли Первопрестольную триста метров над уровнем моря. И наш городок четыреста девяносто метров не спасли. Вода, несомненно, в город вошла. И это ночью, в темноте, когда почти все спят.

Я высветил фонарём пенёк, недалеко от поверхности воды. После чего, стараясь не увести луч фонаря в сторону, закурил сигарету. Лёша, глядя на меня, тоже полез за пачкой и зажигалкой. Когда сигарета догорела, вода уже добралась до пенёка.

- Подымается,- выдохнул Лёшка, следивший за пенёком. Я промолчал, потому что никаких слов, кроме матерных, произносить не хотелось. Посмотрели друг на друга.

- Наши действия, командир?

- Надо вездеход готовить. Он плавающий. Пойдём с него нож бульдозерный снимать. Такой балласт нам не нужен.

Пока дошли до заимки, я произнёс про себя все ругательства, какие только знал. Нет, ну стоило ли строить убежище, копить дрова, запасы еды и всего прочего, если всё это окажется под водой! Мать, мать и перемать!!! И куда прикажете подаваться? Вариантов всего два, на длительное плавание вездеход не рассчитан. Плыть к городу? Если затопит заимку, то в городе пятиэтажки и подавно под воду уйдут. Девятиэтажек всего шесть штук и, если в них соберётся весь город... За избушкой Василича есть высокая гора, её и от заимки видно. Но сможет ли вездеход выехать там на берег, ему ведь требуется пологий спуск? Ладно, вяжемся, увидим.

Лёша доставал из кузова вездехода гаечные ключи, а я пошёл в дом, будить Василича. На столе горел ночничок. 'Молодожёны' безмятежно спали на своём сборном топчане. Засунув руку под одеяло, дёрнул Василича за ногу. Он протянул вверх руку и взял с края стола часы со светящимся циферблатом.

- Рано же ещё... Увидев в свете ночника моё лицо, поднялся и стал быстро одеваться. Кадры, действительно, решают всё. С Лёшей и Василичем нигде не пропадёшь. Пропасть с ними можно только там, где никому не спастись.

На улице объяснил Василичу его задачу. Он должен сидеть с фонарём на краю подъёма к заимке и следить за уровнем воды. Если уровень резко начнёт повышаться - известить нас по радиации. И бежать к дому, потому как это, будет означать срочную эвакуацию. Василич, в отличие от меня, матюгнулся вслух. И опечалился:

- И чем же мы так Господа прогневали? Иди, Вова, я тут прослежу.

Болты крепления отвернули, помогая рукам трубами, одетыми на ключи. Я завел двигатель, не до тишины уже было, дал задний ход, и нож, вместе с гидравлическими стойками, остался лежать на снегу. Подвёл вездеход к входу в овощехранилище. К тому, что с улицы. Открыл дверь хранилища, и мы принялись грузить в кузов вездехода коробки, подписанные фломастером. Коробка со сгущёнкой, пара коробок с куриными консервами, коробка с шоколадом, который я купил в тот день, когда забирали жён из роддома. И всё равно, это лишь маленькая толика того, что надо. Всё в вездеход не влезет. Установил гидродинамические кожухи, тентовые дуги, натянули плотный двойной тент на кузов. В первом приближении, всё готово. Оружие, патроны и гранаты закинем в последнюю очередь.

Направились к Василичу. Не говоря ни слова, он посветил фонарём. Вода уже поднялась примерно до середины подъёма. И отчаяние охватило меня. Так вот ты какая, белая пушистая лисичка! Впрочем, утонуть легче, чем провалиться через трещину в земле в раскалённую лаву. Хотя, что легче - не пробовал. Как там: что чувствуют покойники, знают только покойники. Мёртвые не потеют. На том свете всем воздастся по заслугам. Умирают только один раз. И... Короче, хорош ныть! Не хорони раньше времени!

- Значит так, мужики. Как вода начнёт подступать к забору, будим женщин и детей. Пока она там до верха крыльца дойдёт, пока в дом просочится, мы уже будем на чердаке. В вездеход посадка будет через чердачное окно. Заранее в кабину, кроме меня, сядет Вера с Надей и Вовкой. Остальных размещаете в кузове, там десять откидных сидений. Может статься и так, что на чердаке отсидимся. Если, к примеру, дом до половины высоты затопит, лучше остаться на твердом, чем в плавающем вездеходе. Вездеход пришвартуем к дому. Уровень повышаться не будет, можно долго просидеть. Нырнуть за банкой консервов, как-нибудь сумеем.

- Всё понятно. Чего уж тут непонятного?- Чувствовалось, что Лёша с Василичем тоже отнюдь не в радужном настроении. Только жизнь более-менее наладилась...

- Одно хорошо - вода спокойно прибывает. Без цунамей всяких. Представляете, стена воды на нас бы двигалась высотой метров в двадцать. Хотя, всякое может статься. Уже не знаешь, чего и ждать. Ты, Василич, если хоть что-то похожее увидишь, ори в рацию: 'Волна!'. На бегу к дому ори. А там уж, как Бог даст.

Василич посветил вдаль фонарём.

- Вроде бы, темнеет там что-то в проходе. Но фонарь не достаёт, не разглядеть ни черта.

- Рассветёт, увидим,- небо сплошь затянуто густой пеленой облаков, как выглядит луна, уже и забыли. Темень непроглядная. Стоим, курум без перерыва, с тоской глядя, как медленно, но неотвратимо прибывает вода. В четыре часа я говорю Василичу:

- Сходи домой, Ира волноваться будет. Она-то думает, что ты сменился.

Он безропотно уходит.

- А ты, Лёша, чего стоишь? Иди, поспи. Я разбужу, если что.

- Думаешь, я сейчас смогу заснуть? Нет уж, дождусь развязки. Как гадалки говорят: чем сердце успокоится...

Через полчаса появляется Василич. В руках у него какой-то пакет. Разворачивает его, ставит на снег термос с кофе, выкладывает бутерброды с куриным паштетом, солёные огурцы,

варёные яйца.

- Перекусите, ребята.

- Кусок в горле застрянет, Василич. Аппетита - ноль.

- Поесть надо, хоть через силу. Когда в следующий раз доведётся - неизвестно. Прибывает?

- Прибывает, проклятая. Но, похоже, потише.

- Может, не дойдёт?

Пожимаю плечами. Беру бутерброд и нехотя жую. Леонидов следует моему примеру. Открываю термос. Молодца, Ирина Тимофеевна, кофеварку освоила. Это не растворимая бурда, а хорошо заваренный кофе. Не из джезвы, конечно, но... С удовольствием делаю маленькие глоточки между затяжками сигаретой. Вот они, радости жизни, а ты канючил!

Никогда не впадайте в панику, раньше времени (и позже не впадайте, панике в наших рядах не место). Когда от наших ног до кромки воды оставалось метра три, подъём воды прекратился. Мы выждали некоторое время. Нет, граница между тёмной водой и белым снегом не сдвинулась к нам ни на сантиметр.

- Слава тебе, Господи,- вырывается у Леонидова.

- Явил Боженька свою милость,- бормочет Василич.

- Бог с нами и за нас,- присоединяюсь я.

И все трое, без всякого ёрничанья, вполне серьёзно, троекратно крестимся.

- Ну, что, православные, потоп, кажется, отменяется.

Смотрю на часы - начало седьмого. Ночная темень начинает потихоньку рассеиваться. То тёмное, что узрел во тьме Василич, по-моему, к нам приблизилось. И лучи сразу трёх фонарей выхватывают из темноты форштевень, увенчанный автомобильной крышкой, стёкла рубки и высокий полубак.

- Катер!- выдыхаем в три глотки. Василич, поведив фонарём, авторитетно заявляет:

- 'Костромич', проект шестнадцать ноль шесть. Проектная скорость - одиннадцать узлов. В реальности десятку выдаст. Запас хода - тридцать часов. Если баки полные, полтыщи камэ вполне пройдёт. Экономичным ходом и больше.

- Ты, Василич, лесник или речник?

- Так и то, и другое. Я срочную в морчастях погранвойск отслужил, мотористом. На Амуре. Там 'Костромичей' этих навидался.

- Был бы он чуть поближе, можно было бы попробовать верёвкой зацепить. А так не достанем.

- Может, поближе его подгонит?

- Или наоборот, подальше угонит, - и бегу к сараю за верёвкой. Когда возвращаюсь, Лёша с

Василичем орут, что есть мочи:

- Эй, на катере! Есть кто живой?!- в ответ им - тишина.

- Нет там никого. Давно бы уже объявились. Сейчас заарканим этот Ноев ковчег и тогда нам сам чёрт не брат. Это не вездеходик махонький.

- Не добросишь ты до него верёвку.

- Если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе,- и скинул с себя полушубок.

- Ты чего, вплавь собрался? Это же не Пицунда. Вода ледяная.

- Я в такую воду два года и прыгал. Это только в кино показывают, как brave морпехи с БДК на берег на СВП высаживаются. В реале всё иначе. Сиганёшь с мотобота, а тебе - когда по колено, а когда и по грудь. Только автомат кверху держи. Выполз на берег, упал на спину, ноги задрал, чтобы вода из кирзачей вытекла, и - вперёд,- всё это я вещал, стягивая с себя свитер, валенки, штаны. Остался в трусах, в носках и в нитяных перчатках. Обвязал конец верёвки вокруг своего пояса, кинул бухту на снег.

- Ежели чего, вытащите мой обледенелый труп обратно и отдайте вдовам для погребения. Эх, никогда моржеванием не занимался, но всё когда-нибудь бывает в первый раз,- и стал медленно заходить в воду - разрыв сердца, при резком охлаждении, как-то получать не хотелось.

Поплыл брасом, на голове гарнитура связи. До катера доплыл довольно быстро, холод особенно не чувствовался. Ухватился за лапу якоря, торчавшего из клюза, закинул на него ногу. Вцепился в автомобильную крышку, свисавшую с борта вместо кранца, и сумел, подтянувшись, забросить вторую ногу на привальный брус. Теперь можно встать обеими ногами на крышку, перелезть через релинг. Вот я и на палубе. Не медля ни секунды, развязываю рифовый узел, затягивающий верёвку у меня на поясе. Несколько раз обматываю конец вокруг шпиля якорной лебёдки, вяжу узел. Всё это время пританцовываю на месте, чтобы не примёрзнуть к палубе. Для того и носки на ногах. Лучше оставить на палубе лоскутки от носков, чем куски собственной кожи. Кричу в микрофон:

- Эгей, бурлаки на Волге, тащите, что есть сил.

Стою, придерживаясь за носовой флагшток, сучу ногами и вижу, как упираясь пятками валенок в снег, Лёша и Василич пытаются стронуть катер с места. Верёвка натянулась, как струна, даже вибрирует. И рад бы помочь, да никак. Наконец, чувствую лёгкий толчок - катер двинулся к берегу. Верёвка обмотана у ребят вокруг рукавиц, поэтому они её не перебирают, а отступают назад, продолжая тянуть. Катер набирает ход и где-то в метре от уреза воды, с разгона вылезает форштевнемна мель. Дело сделано. Подхватываю с палубы два каната с заплетёнными на концах огонами, бросаю со всего размаха на берег. Лёшка подскакивает к первому канату.

-На удавку возьми у комля ели, которая потолще,- команду я и Леонидов всё выполняет, как надо. Бросает мне обратно конец каната, я его ловлю за петлю, Наматываю восьмёркой на кнехт, выбирая слабинку, накидываю на кнехт огон. Затем операция повторяется со вторым канатом и с кнехтом по другому борту. Теперь катер надёжно пришвартован.

Подхватываю дощатый трап, закрепляю на носу и осторожно начинаю спускаться по

обледенелым перекладаинам. Эквилибристика та ещё! Но перелом получить в мои планы абсолютно не входит. Беречься надо, тут не до пижонства. Собственно, и не перед кем выделяться. Поэтому даже руки расставляю в стороны для баланса. Но за три ступеньки до земли, спрыгиваю на снег.

И вот тут-то меня начинает колотить.

- Где Василич?- спрашиваю у Лёши, клацая зубами, как голодный вампир, и пытаюсь дотянуться до валенок. Лёшка не отвечает, хватает меня за плечи, поворачивает лицом к дому и кричит:

- Беги до дома, не останавливаясь ни на секунду!- с силой толкает меня в спину, придавая дополнительную инерцию пинком. Стараясь не упасть, лечу носом вперёд, умудряюсь сохранить равновесие и, как был, в носках и трусах, стрелой мчусь к дому. По снегу, прошу заметить. Дверь в заборе распахнута, дверь в сени тоже. У дверей, ведущих в дом, стоит Василич и, когда я заскакиваю в сени, распахивает передо мной дверь. Вталкивает меня в горницу, закрывая дверь за нашими спинами. В мгновение ока сдёргивает с меня обледенелые трусы.

- Перчатки снимай,- командует. Сам приседает, запускает большие пальцы под резинки моих носков и стягивает носки вместе с трусами. Теперь я стою, в чём мать родила. Но Ирина Тимофеевна лежит на топчане лицом к окну, в мою сторону не смотрит.

Лесник подводит меня к столу. На нём стоит гранёный стакан по самую полоску наполненный бальзамом. Ровно двести пятьдесят грамм.

- Пей,- было приказано мне. И вот я познал муки алкоголика в расцвете длительного запоя. Стакан в руке ходил ходуном, голова тряслась. Нет, не донесу. Василич положил одну руку мне на затылок, пальцами второй руки поддержал донышко стакана. Убедившись, что край 'гранчака' попал между губ, схватил с лавки полотенце и принялся быстро вытирать-растирать меня.

Такими дозами мне пить шестидесятиградусную самогонку не доводилось. Понимал, что надо. Самогонка стекала по подбородку, но я 'задавил' содержимое стакана в себя. Поставил пустую посудину на стол, когда Василич уже заканчивал вытирать мне ноги.

- Выпил? Умница. Пойдём,- взял меня за руку, как маленького.

- Чего это все мною командуют,- возмутился я,- Лёшка пинком домой погнал, даже валенки не дал обуть. Ты тут меня заставляешь нагишом самогонку стаканами хлестать...

- Так это, равноправие ведь у нас. Как её? Дермократия.

Ирина хихикнула. Я послушно пошёл за Василичем в спальню. Меня продолжало колотить, несмотря на выпитую самогонку. Василич подвёл меня к кровати, в которой с широко раскрытыми глазами лежали обе моих жены. Тихонько, чтобы не разбудить детей, сказал:

- Обвейте его всего и руками и ногами. Только вы его отогреть сможете. Как перестанет трястись, погрейте ещё минут пять-десять, оденьте и отправьте ко мне в горницу,- и сразу же ушёл.

Меня мгновенно затащили под одеяло. Два обнажённых женских тела и вправду, как плющ, обвилились вокруг меня. Я привык к тому, что тела у них тёплые. А тут от обеих веяло жаром, как

от натопленных печей. Температуру тела они умеют регулировать, что ли? Вроде бы, аутотренингом не занимаются.

Горячая, но нежная ладонь обхватила мой пенис, другая ладошка накрыла мошонку. Через пару минут Лариса радостно прошептала:

- Наташенька, всё в порядке, эрекция не нарушена.
- Голодной куме одно на уме,- Наталья тоже неисправима.
- Можно подумать, тебе это безразлично.
- А тебя не здоровье его волнует, а потенция.
- Потенция - тоже здоровье, монашка ты наша.
- А ты - Лариска гадкая.
- А ты - Наташка противная.
- А ты - Лариска мерзкая.
- А ты - Наташка гнусная.
- Жёны, замолкните, разлюблю обеих.

Ледяной кол, воткнутый в грудь, начал таять. Помирившиеся жёны не просто обнимали меня, а гладили, тёрлись разгорячёнными телами об моё тело. Не было б в спальне детей, без секса бы не обошлось. Но будильники точны, уже стоят у кровати.

- Мама, ням-ням,- не кричат, тихо разговаривают, видят, что братик ещё спит.
- Доченьки, полежите в кроватках минуток пятнадцать, потом покормлю,- тоже тихо говорит им Наталья.

Двойняшки понятливые, даже больше, чем хаски. Раз мама велела подождать, значит, причина есть. Вернулись в кроватки, прихватив по дороге с тумбочки книжки с картинками.

- Ну, как?- спрашивают мои женщины хором, слитно. За три года совместной жизни, у них иногда стало так получаться.
- Отпустило уже. Ледышка внутри растаяла.
- Тогда ещё пять минут, как Василич сказал, и одеваемся.

Через несколько минут Лариса взяла со спинки Вовчиковой кроватки свой халатик.

- Дочи, ням-ням,- еле слышно сказала Наташа и тотчас две молнии метнулись из детских кроватей в нашу постель. Лариса раскрыла платяной шкаф, выдала мне чистую одежду. Пока одевался, присела передо мной и натянула мне на ноги шерстяные носки собственной вязки.

Когда вынашивала Вовчика, каждый вечер садилась в кресло со спицами в руках, обкладывалась клубками шерсти и вещала:

- Сейчас мы, Вовочка, свяжем нашему папе носки. Потом Наташеньке свяжем носки. Потом яшкам двоим носочков навяжем. А потом Вовочке свяжем маленькие мягкие пинеточки.

Гладила себя по животу и гордо мне сообщала:

- А я чувствую, как Вовчик там радуется, что ему пинеточки свяжут.

И подставляла мне свои пухлые губы, потому как, не поцеловать такое чудо, было невозможно.

И у Наташи, и у Ларисы беременность протекала без осложнений, болезней и токсикозов. Может быть, сказывалась здоровая среда обитания и простой образ жизни, без стрессов. Обе особо не капризничали, в депрессию не ударялись. Мелкие их прихоти были необременительны. Захотелось Наталье мела погрызть - вмиг намолол ей на кофемолке яичной скорлупы и сунул упаковку глюконата кальция. Она и довольна. Впрочем, о чём это я? Снова лирическое отступление.

Пройдя в горницу, на столе увидел натюрморт: на блюде нарезанное замороженное сало, солёные огурцы разрезаны вдоль на четвертинки, солёные грузди в миске (ещё прошлогодние) засыпаны репчатым луком и политы постным маслом. Варёные яйца разрезаны напополам, залиты майонезом, украшены колечками лука. Свежий хлеб ломтями - Лариса напекла вчера вечером. В чашке дымится куриный бульон. И гранёный стакан вновь по полоску полон.

- Отогрели?- Поинтересовался Василич.

- На сто процентов. Не знаю, как это у них получается, но такое впечатление, что к каждой нагревательный элемент подключили.

- Бабы, оне такие...

- Это кто тут бабы?- Возмутилась Ирина, доставая из печи чугунок с кашей для ребятишек. И наставила хват на Василича. Классика жанра!

- Ирочка, ну, не ты же. Ты - божественная женщина, снизошедшая до скромного лесника.

- Нет, это ты - божественный лесник, охмуривший скромную женщину,- засмеялась Ирина,- ставь мебель ребятам.

И Василич послушно выполнил мою обязанность - выставил столик и стульчики для ребятни. Тут же и вошёл в горницу Лёшик Леонидов. Пожелал всем доброго утра и направился умываться. Самостоятельный мужчина!

- Молокососам можно тоже кашу накладывать, они уже идут,- сказал, выдавливая пасту на зубную щётку.

Из спальни донёсся дружный вопль:

- Сам ты чаесос-компотосос!

' У нас не соскучишься',- подумал я, осаживая самогонку горячим куриным бульончиком. Грузди хрустели, огурчики хрустели...

- Володя, гречка от детей осталась. Будешь? Я тебе туда котлетку подкину.

- Буду. Василич, бог троицу любит, плесни ещё стакашок.

- А не много ли, Володя,- встревожилась Ирина. (Для Веры, Наташи, Ирины - Володя. Для Лёши, Ларисы, Василича - Вова)

- Ирочка, он же не алкаш. Придёт, бывало, ко мне в избушку, налью ему калганной, а он и говорит: 'Нет, Василич, благодарствую, но не хочу'. И стакан отодвинет. Видела ты, чтобыалкаши от выпивки отказывались?

- Видела. Один такой, перед тем, как борщ есть, рюмку обратно в бутылку вылил. На публику работал.

- Вова, ты свидетель,- взвыл Василич, наполняя мой стакан,- она меня обскорбила до самых глубин моей изранетой души. Сегодня спим через стол!

- Дезертируешь, Коленька? Поматросил и бросил?

' У нас не соскучишься',- подумал я и лихо махнул третий стакан 'Биттнера' местного производства. И смёл гречу с котлетой. И слопал сало. И схрупал огурчики. И грузди схомячил. И яйца под майонезом оприходовал. Вылавливал хлебом из миски кусочки лука, когда в избу ворвался Леонидов:

- Вова! Вода уходит!

Я пренебрежительно махнул рукой:

- Пускай себе уходит. Ты не переживай, Лёша! Мы другую найдём, в сто раз лучше. А эта пусть проваливает. Ещё об этом пожалеет. Только обратно уже не возьмём.

Василич с Ириной хохотали, глядя на обалдевшего Лёшу. Меня за рукав подёргала Даша:

- Папочка, мама сказала, чтобы я тебя спать отвела.

- Спать отвезла? Это я тебя отвезу,- вылез из-за стола, встал на четвереньки,- садись, отвезу к маме.

С трудом преодолел порожек между комнатами. Подскочила Маша:

- Я тоже хочу на коняшке прокатиться!

Сделал круг почёта по спальне с дочками на спине. Остановился возле нашей кровати.

- Коняшке пора спать. Скоро уплывём на белом катере. В жаркие страны, где растут бананы.

И ушёл в 'отключ'. Прямо на прикроватном коврикe.

Глава VII.

Оба-на!

Проснулся в постели. Наташа спала рядом. Лариса, сидя на краю кровати, кормила Вовчика. Вовчик скосил на меня глаза и обхватил ручонками грудь матери: 'Не лезь, это моё!'. Поцеловал Ларисёнка и шепнул ей на ушко:

- Времени сколько?

- Шесть часов.

- А чего все спят?

- Не восемнадцать часов, а шесть утра. Двадцать часов ты проспал, солнце наше. (У Натальи я всегда - 'мой'. У Ларисы я всегда - 'наш')

- Ой-ёй. А дежурства как же? Чего не разбудили?

- Так Лёша с Василичем не велели. Сказали, что по восемь часов легко отдежурят. А тебе надо было хорошенько выспаться, чтобы без всяких осложнений, после твоего купания.

Быстро оделся, обул валенки. Голова абсолютно не болела, никаких последствий вчерашнего неумеренного возлияния. Тихонько прошёл через горницу, взял полушубок и вышел во двор. Василич сидел под навесом, на столе стоял термос.

- Кофе?- Показал я пальцем на термос.

- Угу.

Налил себе в крышку. Горячий. Хороший термос - тепло долго держит. Закурил сигарету. Сейчас проснусь окончательно.

- Как вода?- спросил у Василича.

- Так ты же ей велел не возвращаться,- хохотнул он и рассказал, какой перл я вчера выдал Леонидову.

- Да уж, предупреждал ведь Андреич, что в количествах изрядных 'бальзам' шибает по мозгам.

- Опохмел нужен?

- Нет. Совершенно не нужен.

- Значит, норму принял. Если опохмеляешься - лишнего выпил.

Два часа, до выхода Леонидова во двор, на смену, мы обсуждали тему катера. Пришли к выводу, что повторное наводнение исключить нельзя. И неизвестно, до какой высоты поднимется вода в следующий раз. Поэтому, завтра Василич посмотрит дизель и винторулевой комплекс. Я осмотрю трюмы, каюты, рулевую рубку. Наведу порядок, если это необходимо. Зальём в топливные цистерны солярку, благо её ещё больше полусотни тонн. Загрузим катер под завязку продуктами и всем необходимым, вытащив всё из бункера. Чтобы в случае экстренном, можно было произвести посадку, самое большее, за час. А самое меньшее - минут за десять. Это срок от подъёма из кровати, до момента, когда дети окажутся на палубе.

Покурили втроём. И мы с Василичем в дом пошли. По дороге сказал ему, что смену Лёшку в

полдень и отдежурю до восьми вечера. Так что, Василич может отоспаться.

Ага. Отоспишься у нас, как же. Посреди горницы стоял, сжимая кулаки, красный от гнева Лёшик, а вокруг него бегали двойняшки и кричали : 'Компотосос! Компотосос!'. Поймал обеих, взял за руки и подвёл к Леонидову-младшему.

- Так, быстро попросили у Лёшика прощения и поцеловали его. Одна - в правую щёчку, другая - в левую. А то он вас любить не будет. За кого тогда замуж пойдёте?

- За Вовчика.

- За Вовчика нельзя, он ваш братик. И у Вовчика Надюша есть.

- Ты чего несёшь?- Вошла в горницу Наташа,- всех переженил, ещё с пелёнок.

- А раньше так и делали. Сватались, когда невеста с женихом в колыбельках лежали,- сказал, выставляя детский стол и стульчики. Вкусный завтрак внёс окончательное примирение в детскую среду. И вскоре они играли все вместе, как ни в чём не бывало.

Позавтракав, отправился пилить дрова. Вездеход ещё не разгружали, а по одному чурбачку носить во двор нерационально. Поэтому просто пилил брёвна до тех пор, пока из-за напиленных чурок было уже не подобраться к штабелю. А там и на дежурство собираться пора.

Восемь часов протекли спокойно. Покормил всех животных и птиц. Почистил кое-где снег лопатой. И в восемь вечера сдал смену Лёшке.

Дома поужинал, потом с Наташей укладывали спать дочерей. Рассказали им продолжение бесконечной сказки, про кота-хулигана и добрую собачку. Про собачку и за собачку вещала Наташа, я рассказывал про кота. И, хотя дети осуждали совсем уж дикие выходки кота, но он им нравился больше, чем добропорядочная собачка.

- Котик весёлый, а собачка какая-то очень уж правильная. С ней скучно играть,- говорили дети.

В половине четвёртого ночи - подъём. В горнице на столе мне приготовлен термос с кофе. Ирина ждёт Василича. Всё, как всегда.

Выхожу в морозную кромешную темень. Хлопаем с Василичем рукавица об рукавицу, в знак приветствия, и он уходит в дом. Ничего не сказал, значит, без происшествий. Рукавицей смахиваю со стола под навесом снег, ставлю термос, кладу рядом рукавицы и наливаю первую чашку кофе. С сигаретой, разумеется.

Днём можно чем-то позаниматься по хозяйству. А ночью - скучновато. Ну, пройдёшься туда-сюда. Свиньи, куры и собаки спят. Остаётся только хлебать кофе под сигаретку, да думы думать.

Вот и размышлял я о непрочности нашего бытия. День прошёл - и слава Богу. Жди, что следующий день принесёт. Какое уж тут планов громадьё! И на неделю вперёд нельзя загадывать. Это и угнетает.

А больше всего гнетёт положение наших детей. Два-три года им не видеть солнца, не гулять вволю на свежем воздухе. После 'ядерной' зимы обещают сумасшедший парниковый эффект. То есть, мороз сменится влажным пеклом. Тоже детям не разгуляться, не походить босиком по

траве-мураве.

Ведь как я радовался прошедшим летом за двойняшек. В одних трусиках и маечках, без сандаликов, бегут по двору, покачиваясь (не так давно ходить начали). Если и шлёпнутся на землю, только хохочут - не на асфальт упали. Не поленился я, три раза сгонял уазик на реку, и заполнил только что построенную песочницу чистым речным песком. И качели повесил. Из-за которых тут же начались скандалы - ни одну с качелей не стащить, а второй обидно. Пришлось повесить вторые качели. И каждый день мы с Наташей по часу, а то и по два, раскачивали счастливых дочек.

Ну, у этих хоть одно нормальное лето в жизни было. А Вовчик с Надюшей так и вырастут бледными и болезненными? Хоть и ухаживают за ними мамы, хоть и кормят грудью, а свежий воздух и солнышко ничем не заменишь, никакими кварцевыми лампами.

Я же безмерно рад был, что дети расти будут на природе, вдали от биг-маков, кока-колы, лапши быстрого приготовления, гэмэошных бананов и прочих 'благ' цивилизации! А воздух, про который Ларисёнок сказала, приехав сюда, что его кусать можно!.. И вот печальный итог. И хорошо, если на заимке останемся, а не на катере, качающемся на волнах. Понимаю, что нашим детям ещё повезло, по сравнению с тысячами других детей. Но... Вот у меня было детство, у Наташи было, у Ларисёнка какое-никакое, а было, со своими горестями и радостями детскими. А у наших детей - не детство, а выживание.

- Скажите, а Вы согласились бы отдать свою жизнь за то, чтобы у Ваших детей было такое детство, как Вы хотите? - Прозвучал голос. Стряхнув с рук толстые меховые рукавицы, я сдёрнул с плеча карабин, одновременно поднимаясь со стула и оборачиваясь. За спиной - никого. Вокруг - никого. И понял, что голос раздавался в моём мозгу.

Мне был задан вопрос, и, чуть помедлив, я произнёс про себя ответ:

- Согласился бы. Хоть безотцовщина - это плохо, но лучше быть без отца в раю, чем с отцом в аду. Такое моё личное мнение. Я понятно изъясняюсь?

- Вполне. То есть, самое главное для Вас в жизни - счастье Ваших детей?

- Конечно. Как и у каждого нормального родителя.

- Продолжение рода является для Вас самым важным делом?

- При чём тут продолжение рода? Это мои дети. Я смотрю, как они растут, баюкаю, пою колыбельные, рассказываю сказки. Учю их жить. Это моё Я, и даже не второе, а первое! Их весёлый смех - главная награда мне за всё! - мысленно я уже орал.

- Понятно,- произнёс голос и умолк. Исчез.

Посидев минуту с карабином наизготовку, я отложил его, налил себе кофе и закурил очередную сигарету. Почему меня разозлил этот мысленный опрос? Спрашивали вежливо, корректно, спокойным тоном. Впрочем, понятно, почему. Потому, что декларируя счастье своих детей, я им его дать, в полной мере, не могу. Демагогией занимаюсь. Сам же думал только что о том, что у них выживание будет, а не детство. Интересно, кто это со мной общался? Что за экстрасенс потусторонний? Глюки? Или дух деда Афанасия? Или силы светлые? А, может, и не светлые, а тёмные? Или разум инопланетный? Тогда я ещё не знал,

что одна из моих догадок верна.

Встал, походил по двору. Усевшись снова на стул, прикрыл глаза. Нет, не задремал, был настороже. Просто с закрытыми глазами лучше думалось. Толчок почвы меня не очень взволновал, привыкли мы уже к ним. 'Только бы не цунами', - вздохнул с тоской. И вслед за этой мыслью, сразу почувствовал, что вокруг что-то изменилось. Но, поскольку ничего хорошего в будущем не ожидал, глаза открывать не торопился. Вот только, чёрт возьми, до чего же знакомый шум! И почему мне внезапно стало так жарко? Придётся глаза растопырить.

Словами передать невозможно, что я испытал, открыв глаза. Нет, не сплю. Нет, не бред. На столе и стульях вокруг стола ни единой снежинки. И, хотя до рассвета, по моим прикидкам, около трёх часов, вокруг предрассветные сумерки, вместо густой темноты. В этих сумерках видно, что во дворе снега тоже нет ни грамма. А жарко мне, потому, что мороза нет и в помине, а я в полушубке, свитере, валенках. Скинул шапку, повесил полушубок на спинку стула, стянул с себя свитер. В одной футболке совершенно не холодно.

Поднялся на помост у забора. Что тут скажешь? Знакомый шум был шелестом набегающих на песчаный пляж волн. Расстилалась неоглядная водная даль. Но совсем не та, что недавно подступала к заимке. Сошёл с помоста, открыл дверь в заборе, вышел за ограду. Неподдалёку протекает речка. В речке стоит 'наш' катер. Вода намыла в устье небольшой песчаный бар, в него катер и упёрся пером руля. С носа свисают швартовы и свободно лежат на обоих берегах речки. Поскольку елей, на которые швартовы были заведены, нет. Вместо них растут пальмы. А за речкой...

Я был в ватных штанах и в валенках. Речку вброд не перейдёшь. Но и так прекрасно видно: на другом берегу - два шалаша. Вокруг кострища валяется посуда и стоит самогонный аппарат. Это 'лагерь пьяниц' из заполярной пятиэтажки. А выше по течению, уже на этом берегу, видна проволока вокруг пенсионерского огорода. Кто бы сомневался, а я не буду - это тот самый остров.

Медленно бреду обратно, стараясь привести мысли в порядок. Получается плохо. Запираю за собой дверь на щеколду. Сейчас ведь солнце встанет! Быстро подхожу к дому, тихо закрываю все ставни на окнах. Они добротные, без единой щелочки, так что в доме будет царить темнота.

Сажусь на стул, и тут по лицу моему начинают катиться слёзы. Ругаю себя распоследними словами, но ничего поделать с собой не могу. Плачу молча, противно шмыгая при этом носом. Мне повезло! Мне чертовски повезло - меня никто не видит! Проревевшись, и вытерев слёзы с соплями, стягиваю с себя валенки и ватные штаны. Остаюсь в футболке и в трусах. На цыпочках захожу в дом. Прекрасно ориентируюсь в темноте. Достая из холодильника бутылку с 'бальзамом' и иду во двор. Скручиваю пробку.

- С возвращением Вас, Владимир Сергеевич, - и делаю пару больших глотков из горлышка. Выдохнув, сижу пару минут, и чувствую, что напруг, от которого сводило сердце, начинает отпускать. Делаю третий, последний глоток, и решительно закрываю бутылку. Закуриваю. И пугаюсь пришедшей мысли: а не отправят ли нас обратно, как в случае с пятиэтажкой.

- Отправлять вас уже некуда, - говорит тот голос, что выпытывал у меня про счастье для детей, - и вы, и ваши потомки будете жить на этой планете.

- А Земля?

- Сейчас к ней приближается флот танкеров, который заберёт всю воду с планеты. Затем придут газозовы, и планета останется без атмосферы. После чего из неё будут извлечены полезные ископаемые, и она разделит судьбу четвёртой планеты вашей звёздной системы. К сожалению, мы не смогли воспрепятствовать процессу разрушения, слишком поздно узнали о вашей звезде. А война в наши планы не входит. Даже с цивилизацией, которая намного слабее нас.

Все земляне, оставшиеся в живых, переселены на десять планет. На этой планете находятся русские, немцы, шведы, норвежцы и финны. Поскольку ваши народы близки друг другу. Но, вне зависимости от расы и национальной принадлежности, все земляне, страдающие повышенной агрессивностью, человеконенавистничеством, кровожадностью, психическими заболеваниями, например, сторонники однополых браков, переселены на одну планету. С несколько повышенной силой тяжести и несколько разреженной атмосферой. Поскольку, мы - не люди, упрекать нас в отсутствии человечности за это, по меньшей мере, нелогично.

- А те, кто разрушил нашу планету, они сюда не ..?

- Ваши планеты заключены в коконы силовых полей. Поэтому в этом секторе космоса демиурги не появятся.

- Значит, и человечеству будет закрыта дорога в космос?

- Вам сейчас долго предстоит восстанавливать свою цивилизацию. Но мы о вас не забудем. И, когда вы будете готовы к межзвёздным контактам, проходы в силовых полях будут открыты. А сейчас они закрываются, поэтому мне пора. И поверьте, всё у вас наладится. У людей.

- Что ж, наверное, надо сказать вам спасибо. Меня воистину переполняет чувство благодарности. И всего одна маленькая просьба...

- Пожалуйста, если это в моих силах.

- Мне бы хотелось Вас увидеть. Чтобы рассказать потом детям...

- Я могу предстать перед вами в любом виде: человека, ящера, птицы... Ну, что ж, вот мой истинный облик.

И никаких триллеров. И никаких монстров. В паре шагов от меня, примерно в полуметре от земли, повис шар, диаметром метра в полтора. Он состоял из фиолетовых мерцающих искр, а внутри шара виднелось ядро зелёного цвета. Я не успел внимательно его рассмотреть. Шар не взмыл в небо, не растворился в воздухе. Просто исчез, словно его и не было. Ушёл по-английски, не прощаясь. Так и не удалось мне задать кучу вопросов. Про ту же заполярную пятиэтажку, к примеру.

Вот, значит, такие дела. Надо обживать терру инкогниту. Господи, а ведь теперь можно планировать на месяц вперёд. Даже на год. И я засмеялся. Смеялся долго, пока не начал думать: 'А чего это тебя, дружок, не забрали на планету с повышенной гравитацией? 'Башня'-то у тебя вполне сдвинулась'. Может, хлебнуть ещё из бутылки? Нет. Не буду. Дел впереди - только успевай поворачиваться. Какие уж тут пьянки-гулянки. Хотя... Ведь у Натальи сегодня день рождения. А завтра - у Ларисёнка. Надо поздравить Наташу. Есть идея! Взял из сеней кроссовки, одел на босу ногу. С карабином не расстался, вдруг инопланетники тигра воскресили. Они такие, могут. Вышел за забор и углубился в джунгли.

Обратно возвращался с охапкой спелых бананов. Запер дверь, карабин оставил на столе. Когда мы взапёрты, никакому зверю сюда не проникнуть. Вошёл в нашу спальню, включил ночник. Наташа спала, обняв Ларисёнка. Поднёс гроздь бананов к её лицу. Она смешно подвигала носом и открыла глаза.

- С днём рождения, любимая,- сказал не шёпотом, а в полный голос.

- Бананы?! Откуда?

- Из джунглей.

- Из каких таких джунглей?

- Из наших. Из тех самых, в которых ты мне свою девственность подарила.

- Ну и шуточки у тебя, Володенька!

- Да он же выпимши,- вмешалась Лариса,- не чувствуешь, что ли, как от него пахнет? Напился и пришёл кормящим матерям спать мешать.

Подошел к окну, открыл вовнутрь рамы и распахнул ставни. Солнечный свет залил комнату. Обе жены подскочили с постели, как подброшенные пружиной. Бросились к окну.

- А снег где? Ой, тепло-то как!

- Мамочка, я ещё не выспалась,- заканючила Даша и тоже подскочила в кровати,- ой, солнышко!

Солнечный луч попал на лицо Вовчика и он смешно сморщил носик-пуговку. Потом вякнул, призывая мать к порядку, и Лариса тотчас оказалась возле кровати. Потом посмотрела на часы.

- Господи, ещё шести часов нет!

Я схватил на руки дочерей, как были, в ночных рубашонках, и вынес их на крыльцо.

- Ура! Лето вернулось!

Со двора не только убрали весь кислотный снег. Двор покрывала свежая зелёная трава. Впрочем, для созданий, способных перебросить дом вместе с обитателями из одной планетной системы в другую, сотворить газончик - сущая ерунда. Открыв все ставни в доме, впустил солнце во все комнаты. И все проснулись.

- Сегодня ранний подъём по случаю дня рождения Наташи!- объявил я всем.

- Ага, перевёл все стрелки на меня!- возмутилась именинница.

Но всех интересовало только одно: откуда солнце? И уж заодно: откуда зелень во дворе, где снег, куда делись облака, закрывавшие небо?

- Умываемся, завтракаем, дежурства все отменяются, все мужчины вернулись в семьи. Объясню все метаморфозы после завтрака.

- Мамочка, а что такое ме... мета.. метаморозы? Опять зима будет после завтрака? Тогда я

завтракать не пойду,- заявила Даша,- я по солнышку соскучилась.

- И я,- подхватила Маша.

- Я тоже завтракать не буду, если из-за этого солнышка не станет,- сказал Лёшик.

- Солнышко теперь будет и после завтрака, и после обеда, и после ужина. Зимы больше не будет никогда. Шубы и валенки можно спрятать в сарай.

- Это хорошо. А что ты про морозы говорил?

- Не морозы, а ме-та-мор-фо-зы. Это значит - превращения, изменения.

- Детям нельзя так сложно говорить. Проще надо,- поучала меня Маша. И в кого она такая? Похоже, в мать. Тоже любит наставления читать. Всё равно люблю и Маху, и Натаху!

После завтрака все собрались в горнице, усевшись по лавкам. Окно распахнули, и свежий тёплый воздух заполнил избу. Одеты в футболки, майки, сарафаны, шорты. По летнему, короче. Я восседал во главе стола, с торца. Когда все разместились и шум-гам поутих, обвёл всех взглядом, и увидев на лицах интерес и нетерпение, начал своё повествование.

- Было это почти три с половиной года назад.

- Ой, меня и Маши на свете не было,- пискнула Даша, и все на неё зашикали. Я продолжил:

- Был конец апреля месяца. Сидел я за компьютером в своей трёхкомнатной квартире, которая находилась в пятиэтажном доме. Вдруг дом трянуло и свет погас...

Слушали меня с неподдельным вниманием, но когда я дошёл до места, где в моей жизни появились Лариса с Наташей, жены не утерпели и принялись подавать реплики и дополнения. По словам Наташи, выходило, что я бегал за ней по всему острову, пытаюсь соблазнить. А Лариса сочинила сказочку, как я стоял перед ней на коленях, признаваясь в любви, и умоляя ничего не говорить Наташе. Мне надоело их враньё и я воспользовался обычной фразой:

- Жёны, замолкните, разлюблю обеих.

Рассказ про инопланетянина происходил в абсолютной тишине. И, когда я закончил, все помолчали еще с десяток-другой секунд. И взорвались вопросами, на которые я еле успевал отвечать. Когда вопросы иссякли, раздалось два высказывания.

- Если бы кто мне полгода назад сказал, что я буду на другой планете сидеть рядом с моей красавицей-женой - плюнул бы в очи за безбожное враньё,- изрёк Василич, заставив Ирину скромно потупить взор. И никто его слова не взялся оспаривать. Все были того же мнения. Это и подтвердила тихая и молчаливая Вера:

- Мне Лёша обещал, в своё время, что у нас будет не жизнь, а сказка. Сидела я в бункере и думала: 'Ничего себе, сказочка!'. А теперь вижу, что он своё обещание выполнил.

Пришла пора поскромничать Лёше.

- Да я-то, что? Это всё Вова.

- Когда увидел Веру на крыльце роддома с Надюшкой на руках, она была на мадонну похожа. И

понял, что такой красоте нельзя дать пропасть в хаосе,- объяснил я.

Лёгкое облачко пробежало по Лёшиному челу, но у меня с двух сторон сидели мои прекрасные богини.

- Вера для него - мадонна, а ты, Ларисёнок, так, погулять на крылечко с Вовчиком вышла...

- Тебе, Наташенька, на расправу его правая половина, а мне - левая.

- Ты не хмурься, гражданин Отелло,- сказал я Лёше,- мои Дездемонши сейчас меня будут инвалидом делать. Морду всю когтями обдерут, как липку.

- Папочка, мы тебя спасём!- закричали двойняшки. От их крика проснулся и скуксился Вовчик.

- И Вовчик меня в обиду не даст. Вас двое, а нас - четверо. Преимущество на нашей стороне. Сдавайтесь, по-хорошему.

- Ну, всё, пошли Кольцовы воевать,- заметил Василич.

- Они просто все очень любят друг друга,- отозвалась Ирина.

- Ларочка, давай детишек на улицу вынесем,- позвала Вера.

- Пусть вам Лёша коляску из сеней вытащит. Поставьте её в тенёчек и дети целый день во дворе будут,- предложил я.- Им теперь, после месяца в бункере да в тесной избе, двойная норма свежего воздуха полагается. Да, Ларисёночек, как ты смотришь на то, чтобы твой день рождения сегодня отпраздновать, вместе с Наташиным. По случаю чудесного переселения устроим грандиозный праздник. А с завтрашнего дня впряжёмся в хлопоты - их у нас, хоть отбавляй.

- Я не против,- согласилась Лариса, выходя из горницы вместе с Верой. Лёшка пошёл вытаскивать коляску. Василич вызвался дров принести. Обговорили с Ириной и Наташей меню торжественного обеда, и они принялись хлопотать. Решили ни на чём не экономить, теперь-то голодная смерть нам точно не грозит.

Двойняшки и Лёшик, получив по банану, отправились с лопатками, ведёрками, совками и формочками в песочницу. Вот он - рай, о котором мне мечталось всего пять часов назад. И всё сбылось. Ну, как тут не верить в чудеса?!

И полез я в подпол, доставать варенья-соленья. А заодно и бутыл с самогонкой. Полынный 'бальзам' подходил к концу, после моего лихого загула. Увидев бутыл, Наташа не удержалась:

- А тебе плохо не станет от такого пузырька?

- Так это же на троих. Всего-то по тринадцать литров на каждого.

Василич вывалил у печки охапку дров и помог мне налить самогонку в ковш. А уж из ковша, через воронку, разлили по бутылкам. Василич понюхал продукт, лизнул, плеснул чуток возле печки и поджёг спичкой.

- Ничего, употреблять вполне можно,- одобрил он.

В горницу вошла с улицы Лариса.

- Я вам помогать пришла. И хлеба свежего испечь надо. Вера там сидит у коляски, справочник по педиатрии читает. Я ей объяснила, что на острове никого летучего нет, так она в полном восторге. Спят беспробудно чертёнок с ангелочком.

- Ангелочек, я полагаю, это Надя. Почему Вовчик чертёнок?

- Так твой же сын. На тебя будет похож.

- Целовать не буду. Неделю, не меньше.

- Я и говорю, что чёрт ты.

- Всё, подарок на день варенья не получишь.

- О, кстати, где подарок?- отвлеклась от готовки Наталья.

- Пойдёмте в спальню.

В спальне пришлось залезать на стул, чтобы достать с антресолей платяного шкафа запрятанные там два пакета. Вручил каждой с поздравлением и поцелуем. Жены извлекли из пакетов два роскошных пеньюара. Наташе - нежно-розовый. Ларисе - нежно-салатного цвета.

- А почему мне розовый? Это, что, намёк на что-то?

- Это намёк на то, что ты похожа на лепесток розы.

- Ага. А у меня зелёный, значит, я на лист лопуха похожа?

Я чуть не взвыл от отчаяния! И тут они принялись меня целовать.

- Володенька, чудесный подарок!

- Вовочка, и цвет чудесный! Ты шутики, что ли, понимать разучился?

Сгрёб обеих в охапку и, повалив на кровать, стал тискать.

- Володька, синяки же будут!

- Вовка, сейчас молоко побежит!

- Пускай будут, пускай бежит.

- Прости нас, господин наш! Мы больше не будем! Ради дня рождения прости!

Ира только головой покачала, глядя на наши раскрасневшиеся физиономии. На три противня уложили три курицы с картошкой в рукавах для запекания. Засунули в печь. Туда же Лариса отправила печься три каравая. Потом они с Ириной состряпали два сладких пирога. Один покислее - с вишнёвым джемом, другой очень сладкий - с малиновым. Тоже отправили в печь. И ещё в чугушке варилась картошка и морковь для салата, и яйца в алюминиевом ковшике.

- До чего же чудесная штука - русская печь,- восторгалась Ирина,- представляете, сколько времени с духовкой бы возились? А тут всё за раз поместилось!

Лариса уже вошла в роль поварихи, по которой соскучилась.

- Вова, большую банку с горошком открой. Так, варёной колбасы, естественно нет, но полукопчёная в вакууме ещё осталась.

- Может, с курицей салат сделать?- попыталась вмешаться Наталья.

- С курицей, это не оливье, а 'Цезарь', к нему маслины надо. Курица и так есть. Делаем оливье-классику, с колбасой. Василич, хватит слоняться, разведи морсику брусничного в этом стеклянном кувшине. Свёкла сварилась? Лёша, сейчас свёклу тереть будешь. Чтобы быстрее остыла, отнеси её на ледник. Надеюсь, он не растаял моментально. Прошлым летом там до осени лёд держался, до новых морозов. Вова, ты майонез собираешься открывать или нет?!

Стол накрыли во дворе, вытащив из избы стулья и табуретки. Что не поместилось на столе, оставили на крыльце. Детишкам вынесли их маленький столик и стульчики. И праздник удался на славу. Детям и женщинам открыли вишнёвый, абрикосовый и яблочный соки. Младенцы были, как всегда, на высоте - насосавшись молока, мирно спали. И даже гомон голосов им не мешал. А убаюкивающий шум прибора только укреплял сон. Все были веселы и счастливы.

Когда все наелись-напились, когда дети, облопавшись сладких пирогов, отправились на часок-другой поспать, когда женщины убрали всё со стола и перемыли всю посуду, Лёша, я и Василич продолжали посиделки. Нам оставили тарелку с хлебом, блюдце с салом, огурцы, капусту, грибы. Закуску, одним словом. Женщины вынесли единодушный вердикт: 'Пускай посидят мужики, заслужили'. Одного при этом щёлкнули по макушке, другому взъерошили волосы на затылке, третьему отпустили два подзатыльника. Мы просидели за столом до сумерек, наговорившись вволю. После чего нас развели по спальным местам.

## Глава VIII.

Визиты. Мы не одиноки.

Утром разбудило солнце. Я чертыхнулся: 'Ставни надо было закрыть!'. Потом вспомнил, что вчера было уж не до ставен. Ладно, встаю. Жёны привычно обнялись и продолжили спать. Прошёл на улицу в одних трусах, прихватив по дороге банку с кофе, сахарницу и чайник. Прошлым летом электрик, проводя под навес свет, заодно установил на столбе и розетку, закрывавшуюся крышкой. Вскипятил чайник, сходил за чашкой-ложкой и за сигаретами.

Только сделал первый глоток, на крыльце показался Лёша, тоже в одних трусах. Понимающе кивнул, вернулся в дом за чашкой. Попив кофе и покурив, вспомнили вчерашний разговор. Потихоньку стали собираться, стараясь никого не разбудить. Ларисёнок поднялась, чтобы покормить Вовчика. Я ей объяснил, куда мы уходим. Вышли со двора и секреткой заперли за собой дверь.

За забором инопланетяне оставили только тот кусочек поляны, где был сложен штабель брёвен, да напиленные мною дрова. Бурелом убрали весь. Поэтому мы прошли вдоль забора, протаптывая в густой траве тропинку, обогнули усадьбу и вышли на берег моря-океана. Сначала я рассказал Лёше про морское чудище, которое мы с Наташей видели, потом про тигра. Так что не расслаблялись. Я держал под наблюдением море, Лёша - джунгли. Впрочем, это нам не мешало болтать.

- Теперь-то я понял, почему у тебя две жены,- сказал Лёша.- А поначалу удивился. Я встречал в жизни случаи, когда мужик на двух сёстрах женился, а один, так сразу на трёх сёстрах-погодках. Наташа же с Ларисой друг на друга чем-то похожи, но видно, что не сёстры. А вас троём, значит, судьба свела...

- Точно. Как мы не пытались ей противиться поначалу. А сейчас по- другому уже и не мыслим свою семью. Главное, как правильно заметил Сергеев, что они ладят между собой. Хоть и цапаются иногда, из вредности. Но это уж издержки женского характера. Взбалмошные обе немного.

За разговорами не заметили, как отмахали десяток километров. А вот и вешка у поворота на поляну, к ней по-прежнему привязана, добела выгоревшая на солнце, тряпка. Вот уже и ограду видно, мною возведённую. Стоит цела-целёхонька. А вот справа в траве что-то блеснуло.

- Погоди, Лёша,- делаю пару шагов в сторону и поднимаю из травы помповое ружьё. Его туда бросила Наташа во время нашего поспешного бегства к дому. Ружьё влажное от росы, но ничуть не поржавевшее. Такое впечатление, что пролежало пару дней, от силы.

Подожли к входу в ограду. Хорошо, что уходя, я её закрыл. Никакая скотина в лагерь не проникла. Всё было на месте. Как будто мы ушли за продуктами в дом. Я дошёл до огорода. Лук, морковка, картошка - всё растёт, как росло. Взял лейку с водой и полил грядку с огурцами и грядку с чуть увядшими перьями зелёного лука.

- Представляешь, Лёша, инопланетяне тут всё оставили так, как было при нас. Словно мы отсюда только вчера ушли.

Лёша с восхищением осматривал лагерь:

- И это всё ты собственными руками?..

- Ну, да. Изначально тут были кусты и трава. Больше ничего.

- Обалдеть! А, если мы сюда переберёмся жить? Я своё семейство имею ввиду.

- Да ради Бога. Живите, если вас всё здесь устроит. Смотри, и в продуктовой палатке всё целёхонько. Это получается, что наши продзапасы сразу почти вдвое выросли. Здесь же чего только нет, И крупы, и мука, и сахар, и масло постное. Галеты, печенье, сигареты, туалетная бумага, консервы какие угодно. Спички, свечи, компоты, шоколад.

Лёша восторженно покрутил головой:

- Остаётся только славить твою кулацкую натуру. И что бы мы без твоей запасливости делали? Сухарики бы грызли. Один на троих. Решено, завтра с утра переезжаем. И вы вздохнёте свободно. Василич-то, помнишь, вчера говорил, что они с Ирой переселятся к огороду на берегу речки. Сказал, что избушку за пару недель соорудит, а пока в шалаше поживут.

- Да я им палатку хорошую дам, вот точную копию этой. Во, тут в палатке от близнецов и фломастеры остались, и альбомы, и книжки детские. Лёшику скучать не придётся без своих невест.

Лёша посмотрел на меня:

- Ты думаешь?..

- А какие варианты? Он на одной женится, а вторая ей глаза выцарапает? И у Вовчика с Надюшкой всё судьбой predetermined. Всякое, конечно, может случиться в жизни, но, если без эксцессов...

- Значит, породнимся...

- Выходит, что так.

Походили по лагерю с ознакомительной экскурсией. Выкурили по сигаретке на пеньках у кострища. Лёшка попил воды из родника, одобрил.

- Нет, здорово здесь. Чего нам тесниться в одной избе? Ну, а за лагерь этот, я тебе по гроб жизни обязан. Ведь сколько труда твоего вложено!

- 'Сочтёмся славою, ведь мы свои же люди',- как сказал мой тёзка Маяковский. Пойдём, по гребню скал прогуляемся до тигриной пещеры. Поглядим, что там со зверьём.

Со зверьём всё было в порядке. Два больших и два маленьких скелета блестели костями на солнце. Мы спустились по осыпи вниз, и я посветил фонарём в тигриное логово. Никто там не поселился. А пещерка была очень даже ничего. Если что... Хотя инопланетник обещал, что всё будет нормально. Да и подспудно я никаких пакостей больше для нас не ожидал. Стали подниматься обратно на хребет. Я показал Лёше на ветку, торчащую из осыпи.

- Здесь я похоронил останки Наташиной матери. А через три месяца встретил её на улице, живую-здоровую. Вот такая фантастика!

- Тигрят-то жалко, небось, было.

- Это само-собой. Но когда представил, какие матёрые звери из них вырастут...

- Или ты, или тебя. Мне знакомо. Самому пришлось мальчишку пристрелить лет десяти. Но 'Калаш' он держал так, словно с ним родился. Уж больно мне в то утро умирать не хотелось. Всего-то на долю секунды и опередил. Он, уже падая, в небо очередь послал.

Поднялись на хребет, попили морсику из фляжек, перекурили и дошли до самого конца хребта. Он обрывался не в море, а чуть раньше. Между скалами и морем была узенькая полоска джунглей. Мы спустились на берег и двинулись в направлении дома.

- По левую сторону от хребта я не бывал. Некогда было сходить. В бинокль осматривал только. Вроде бы, озеро там небольшое есть. Свинью дикую видел с выводком поросят.

- Обоснуемся в лагере, схожу на разведку. Мне-то проще, я на всё готовенькое...

- Это тебе кажется. И у тебя будет хлопот полон рот.

До дома оставалось совсем немного, когда мы услышали гул дизеля. Лёша вопросительно посмотрел на меня. Я, что, справочник ходячий? Дизель чихнул пару раз и умолк. Догадка моя оказалась правильной. Когда вышли к усадьбе, увидели на палубе катера Василича, вытирающего ветошью перепачканные маслом руки. Он показал нам большой палец.

- Совсем-совсем на ходу?- спросил я, подойдя ближе.
- И запустился с пол оборота, и работает, как часы,- радостно доложил Василич.
- Отлично! Бар раскопать - минутное дело. И рванём открывать Америку.
- Эй-эй, не надо нам Америку! Нас и здесь неплохо кормят.
- От этих Пиндостанов одни неприятности,- поддержал Василича Лёша.
- Ну, всё, вцепились в юбки, очки на нос напялили и в кресле-качалке прошлогоднюю газету читают.
- Почему прошлогоднюю?
- Так свежих-то нет, печатать некому, да и негде,- захохотал я.
- Пойду-ка я, поведаю Ларисе с Наташей, что ты от них удрать собрался. Посмотрим, далеко ли ты с выдернутыми ногами...
- Твоя взяла, Василич. С этими мне не справиться. Ещё и двойню подключат - туши свет, сливай воду.

Мы с Лёшей перешли вброд речку, сняв берцы и штаны. Василич по трапу сошёл на берег. Отправились домой, где нас уже заждались .

За обедом рассказали о нашем походе и о грядущем переселении Леонидовых.

- Ура, в лесу будем жить,- обрадовался Лёшик,- в палатках!
- Это родители твои будут жить и Наденька,- заявила Даша.

У Лёшика челюсть отвисла.

- А я??!

- А ты с нами останешься. Мы с Машей тебя никуда не пустим! Ты - наш,- сказали безапелляционно.

Из-за хохота взрослых не было слышно, что проблеял бедный Лёшик.

Когда после обеда перекуривали под навесом, я предложил Лёше задержаться с переселением на денёк. Америка не Америка, а мне бы хотелось обойти на катере вокруг острова. Вдвоём с Василичем, он - за моториста, я - за рулевого. А Лёша побудет с детьми и женщинами. Так оно спокойнее. А послезавтра погрузим всё имущество Леонидовых на вездеход и доставим их в лагерь. С неохотой, но пришлось Лёше согласиться.

До вечера мы успели залить цистерны на катере соляжкой. Шланги до катера было не дотянуть, поэтому наполняли соляжкой двадцатилитровые канистры. Та ещё работёнка, скажу вам! Каждому пришлось сделать по десятку ходок с двумя полными канистрами в руках. На наше счастье, цистерны были не совсем пустые, залили всего тысячу двести литров.

На длительное путешествие не рассчитывали, но пятилитровую бутылку с водой я в каюту поставил. Чуть-чуть поругались с жёнами, которые считали, что у нас и так всё прекрасно, и не надо никаких походов на катере.

Раскопали бар, вытолкнули катер на чистую воду и пришвартовали к огромным кольям, вбитым глубоко в песок. А поутру поднялись с Василичем по трапу на катер, отдали швартовы, я, стоя на носу, с силой оттолкнулся длинным шестом от прибрежного песка. Катер закачался на пологой волне. Василич запустил дизель, дали задний ход и отошли от берега метров на тридцать.

С берега нам махали Лёшка, Ирина и Лариса с Верой, державшие на руках младенцев. Остальные ещё спали. Потихоньку катер сделал поворот на девяносто градусов и двинулся вдоль берега, понемногу уходя подальше в море. Я всё же опасался каких-нибудь рифов у острова. Хотя, ничто не говорило об их наличии. Прошли мимо лагеря, обогнули остров, оказавшись с обратной, неизведанной его стороны. Катер прекрасно слушался руля, дул лёгкий ветерок. Волны плавно поднимали и опускали наше судно. Курс оно держало устойчиво, и я периодически подносил к глазам бинокль, через открытую дверь рубки, рассматривая остров. И увидел на опушке джунглей резвящихся коз. Их было около десятка. Это открытие полностью окупало наш рейс. Козы - это шерсть и молоко. Робинзона Крузо читали? А приручить их - дело времени.

Оторвав взгляд от острова, перевёл бинокль в противоположную сторону. И тут же передвинул правой рукой рукоятку машинного телеграфа на 'стоп'.

Из машинного отделения показался Василич, послушно исполнивший команду.

- Что случилось, Вова?

Я протянул ему бинокль и показал рукой направление.

- Ого,- сказал Василич при виде тёмной полосы на горизонте,- на остров-то не похоже, тянется, насколько глаза видят.

- Вот именно. Или огромный-преогромный остров, а скорее всего, материк.

- Предлагаешь сходить?

- А что мы теряем? Ходу туда - час от силы. Пулемёт с собой, пара гранат есть. Море спокойное, на небе ни облачка. Солярки на десять таких рейсов хватит. Давай рискнём. Шампанского не будет, но самогонки за открытие Америки выпьем. Заслуженно.

- Ох, искушаешь ты меня, лукавый!

- Позавчера Ларисёнок чёртом назвала, сегодня ты - змеем-искусителем. Нашли сатанинское отродье. Я ведь могу и разозлиться.

- Не обижайся, Вова.

- Я и не обижаюсь, на обиженных воду возят. Мне, как человеку верующему, неприятно, что меня с дьяволом путают.

- Ну, что, поворачивай, Святой Владимир равноапостольный. Погоди, сейчас.

Василич нырнул в машинное, появившись оттуда, залез на крышу рубки и привязал к фалу мачты советский военно-морской флаг.

- Пусть враги трепещут,- гордо сказал Василич и скрылся в машинном отделении.

До неведомого берега оставалась примерно половина пути. Счисление не вели, вахтенный журнал тоже. Чисто первобытный каботаж - плавание в пределах видимости берегов. И тут с берега запустили ракету. При солнечном свете смотрелась она бледновато, красная звёздочка на сияющем небосклоне. Нас, значит, заметили. Я покосился на стоявший на баке РПК на сошках. Одет я был в майку-тельняшку, но в набедренных карманах камуфляжных штанов лежали две 'лимонки'.

Однако я вспомнил, что говорил инопланетянин. Всех агрессоров и неадекватов отправили на 'весёлую' планету. Чтобы жизнь им мёдом не казалась. Так что, напрасно я волнуюсь. Главное, подходя к берегу, ни во что не впилиться.

Вскоре уже ясно была видна группа людей на берегу. Они подпрыгивали и размахивали руками. Наверное, и кричали, но из-за грохота дизеля я ничего не слышал. Береговая линия образовывала небольшую бухту, туда я и направил катер. Сбавил ход до малого, потом до самого малого. На камни наскочить не хочу никоим образом. Обязательно надо вернуться обратно, к жёнам и детям.

Берег был не пологим, а обрывистым, но невысоким. Песчаная полоса шла по низу обрыва, в неё катер и ткнулся форштевнем. Я прошёл на бак и подал швартов на берег. Там его подхватили и ловко закрепили вокруг толстеного пня. Трап лёг на берег почти горизонтально. Пока Василич пробирался на бак, я успел сойти на берег. Пулемёт остался стоять на своём месте, но левая рука моя обнимала в кармане ребристую насечку гранаты. Ко мне подскочил молодой парень.

- Ду ю спик ин англиш? Шпрехен зи дойч? Парле ву франсе?

- Чаво? Не разумею я твоего басурманского, нехристь.

Здоровенный бородач оглушительно захохотал:

- Тебе же сказали, Мишка, у них на мачте наш военно-морской флаг. Здравствуйте, товарищи,- заключил меня в объятия.

С трудом переводя дух, я шепнул ему на ухо:

- Василича так не обнимай, старые кости не выдержат.

Бородатый снова расхохотался басом и прогудел:

- Давайте знакомиться. Огарков Николай Алексеевич. Как бы, председатель здешней коммуны. Мурманские мы.

- Кольцов Владимир Сергеевич. А это - Рассказов Николай Васильевич. Мы - с Горного Алтая. Но пару лет я прожил в Мурманской области.

- Здорово. Большая у вас коммуна? Катер с Земли?

- Да уж, не местный. Мы на острове обитаем, в десятке километров отсюда. Всего три семьи. Остров небольшой, но нам хватает.

Тут я вспомнил, что забыл сообщить Лёшке о том, что задержимся. Ведь волноваться будут. Достанет до острова рация или нет? Достала, хвала Создателю.

- Лёша, мы сейчас в Америке. Как в какой? Которую открыли. Ладно, кроме шуток, мы на материке, здесь русские люди живут. Сейчас пожужжим, потом обратно пойдём. Я с тобой свяжусь. Всё. Конец связи.

Огарков нам поведал, что в их коммуне около ста человек. Девяносто восемь, если быть точным. Все они спасались от наводнения на одной из Хибинских гор.

- Вообще-то, в Хибинах многие могли спастись, на горы там подняться не очень сложно, это не Гималаи. Кто успел до гор добраться,- сказал он, помрачнев.- Мне вот хорошо было - дом у самого подножия горы стоит. Когда вода стала подниматься, народ мимо моего дома в гору потянулся. Так я успел два рюкзака провизией набить, топор и лопату с собой прихватил, спички, фонарик, ну, там, по мелочи всякое, типа ниток с иголками. А многие ведь только и успели, что одеться.

Ночь на горе просидели, гадая, доберётся вода до нас или нет. Крыши пятиэтажек уже под воду ушли, так что, кто пытался на крыше отсидеться, не спаслись. Впрочем, приплыли к нам двое на импровизированных плотках. Плоты их тут же на дрова пустили, костры разжечь не из чего было. Опять же боялись, как бы сверху лавина не сошла. Так что, как вода к вечеру спала, часть людей в посёлок вернулась.

Я в дом зашёл, а там вода кругом. Ну, набрал дров и на гору вернулся. Остались те, кто нового наводнения боялся. Спустятся в соседний с горой дом, пошарят чего-нибудь съестного, и обратно. Кое-как перебились ещё одну ночь, а на следующее утро просыпаемся - уже здесь. Часть горы, где наш лагерь был, сюда перенесли, вместе с двумя палатками и со всеми людьми. Но ведь, наверное, эти добрые волшебники, кроме нас и вас, ещё кого-то спасали?

Я рассказал ему и стоящим вокруг людям про судьбу планеты и её населения. Да, народа, наверняка, много погибло. Но все выжившие русские должны находиться на этой планете. Причем упомянул, что инопланетник обозначил не госпринадлежность, а нацию. Не россияне, а русские, он сказал.

- Здорово они придумали,- сказал высокий крепкий мужчина в тельняшке,- то, что на десять планет расселили, так это, наверняка, негров на одну планету, арабов - на другую. Чтобы конфликтов не было. А самых 'отмороженных', значит, в тяжелые жизненные условия? Молодцы, право слово!

Нас звали посмотреть лагерь мурманчан, но мы отказались. Ничего хорошего там увидеть не ожидали. Сотня человек без еды и самого необходимого. Я человек не слов, а действия (вот, похвалил сам себя, мелочь, а приятно). Поэтому оформил свои мысли в конкретику.

- Найдётся среди ваших моторист-дизелист и рулевой ?- поинтересовался у Огаркова. Тот, ещё не понимая, зачем мне это, достал блокнот, заглянул в него и изрёк:

- Мотористов двое, один с рыбфлота, второй - со спасательного буксира. Рулевого нет, есть штурман. Сможет, наверное, на руле стоять. Бывших матросов срочной службы пять человек.

- Подберите из них команду на этот катер. Поедете со мной на наш остров. Поможем, чем сможем.

- Да мы тут рощу банановую нашли...

- И долго протянете на бананах-то? Тем более, что они, рано или поздно, закончатся. А у вас одна лопата на сто человек.

- Две.

- Всё равно не серьёзно. Хотя бы штук пять надо. А сажать что будете?

- С этим проблема. Всего десяток картофелин есть.

- Короче, собирайтесь, поехали.

Через полчаса отдали швартовы и пощли к острову. Василич наставником пробыл недолго. Дизель, он и есть дизель. Вылез Василич из машинного, сел возле открытого люка и закурил папиросу. Я постоял возле штурмана, объяснил ему, как лучше огибать остров, напомнил, что судно, всё-таки речное, а не морское. Штурман усмехнулся.

- Ну, что поделаешь, в природе это человеческой заложено. Любим мы других поучать,- вздохнул я.

- Сам такой,- успокоил штурман,- кому хочешь нравоучениями плешь проем.

Я уселся на скамеечку, стоявшую на полубаке, на которой сидел Огарков.

- Ты кто по специальности-то, Николай?

- Геолог я. Все Хибины истоптал.

- Профессия у тебя очень нужная по нынешним временам. Надо же здесь и медь искать, и железо, и олово. Считаю, как бронзовый век у нас сейчас будет. До железного ещё не дотягиваем.

- Да уж, железо не скоро обрабатывать начнём.

- Всё же, какая-никакая, а база у нас есть. И знаний побольше, чем у древних. Вы только на социальные преобразования не заморачивайтесь. Главное - материальную базу создать. И строй, пока что, считай, первобытнообщинный. Ты вот председателем коммуны назвался, но это всё отрывки прошлого. Ты - вождь племени мурманчан. Твоя первоочередная задача - земледелие и металлообработка. Огнестрел есть у вас?

- Два ружья, три травматика.

- Ну, травматика - это для баловства. Охотиться с ней не будешь. Я вам подкину немного. Тут свиньи дикие есть, козы. Выдай оружие самым надёжным мужикам. Они и охотиться будут, и порядок в племени поддерживать. В море только не суйтесь. Тут такие акулы водятся - фильм 'Челюсти' отдыхает. Ловите рыбку с берега. Правда, насчёт её съедобности ничего сказать не могу. Мы, пока, решили на себе не пробовать.

- Слушай,- сказал Огарков,- я тут вчера после обеда, что-то вроде переписи населения

производил. Ну, у кого какая профессия, что умеет. И выяснилась интересная подробность. Нас профильтровали. Потому, как вечером в лагере были два азербайджанца и один узбек. А поутру исчезли.

- Может, в посёлок вернулись.

- Не собирались они в посёлок. Короче, в лагере у нас сейчас - одни русские, украинцы и белорусы. Было два еврея. Не в Израиль же они с горы убежали.

- Чёрт их знает. Говорил инопланетник, что на этой планете русские, немцы и скандинавы. Дескать, близкие друг другу народы.

- А что? Я с норвежцами работал. Хорошие ребята, спокойные.

- А я с немцами общался. Если не считать их занудной педантичности и мелочности... Нам Великая Отечественная отношения подпортила, а до первой мировой, вроде бы, дружно жили.

- Ага, а до этого Семилетняя война с Пруссией...

- Всё же, по мне, лучше немчура, чем латиносы или алжирцы.

- Согласен.

Услышав шум катерного двигателя, на берег вышли все наши, кроме Веры. Наверное, младенцев 'пасёт'. У берега я сменил штурмана на руле и загнал катер в речку до половины корпуса. Бар опять подзатянуло песком, в реку не войти. Но трап подали не с носа, а с борта. Грузить удобнее будет.

Какое-то время заняла процедура знакомства, рассказ о нашем плавании.

Прошли во двор. Огарков не без зависти окинул взглядом нашу усадьбу:

- У вас тут и электричество! Полная цивилизация. Так, со всем хозяйством, и перенесли?

- Да. И даже бункер подземный перетасили. И катер.

- Повезло вам. Вы в горах, что ли, жили?

- Горный Алтай. Около семисот метров над уровнем. Вода до нас десятка два-три сантиметра не дошла.

- Натерпелись страху?

- Конечно. Так же, как и все. Никто же не знал, затопит или нет.

Женщины на скорую руку накрыли стол, и гости с аппетитом отобедали. Даже по стопочке не отказались принять. За знакомство.

А потом началась погрузка. Я выделил десять коробок куриных консервов из бункера. По сто банок в каждой коробке. Отдал 'мелкашку', помповое ружьё (у нас их стало два, одно в лагере) и 'Сайгу', сделав окончательный выбор в пользу нарезного 'Тигра'. К 'Сайге' и ТОЗовке отдал

все патроны, к помпухе - половину. Отдал три лопаты и двое граблей с 'пензионерского' огорода, Алексеич их там прятал под плёнкой, чтобы в дом не таскать. Дал один топор. По коробке с пакетами макарон, с пачками соли, круп две коробки. Коробка с бутылками постного масла. Мешок картошки и мешок репы.

- Все очистки - в землю. Прорастут. В здешнем климате по два-три урожая снять можно. И самое главное для вас. Семена. Вот тут лук, морковь, свёкла, чеснок, огурцы, помидоры, тыква, редиска. Разберётесь, все пакетики с надписями. Весь урожай не съедайте, на посадку оставляйте. Отдельно, в стороне, вот это посадите. Это табак. Теперь разувайтесь и речку вброд переходите. Видите шалаши? Там у кострища куча посуды набросана. Отдрайте песочком, вам совсем не лишнее. И даже самогонный аппарат забирайте. Ханьги как-то из бананов самогон гнали. Авось и у вас получится. Сейчас коробку под посуду дам.

Мурманчане обалдели от свалившегося на них богатства. Но они ещё не всё знали. Я сказал им, чтобы все приобретения складывали на баке.

- Дифферент на нос будет,- сказал штурман Сергей.

- Так, запускайте машину и разверните катер кормой к берегу.

Команду мою беспрекословно выполнили. Убрали кормовые леерные стойки. Положили листовничные доски-пятидесятки с берега на корму. Я вывел из ворот УАЗик, развернул его задом к катеру и по доскам осторожно заехал на корму катера, пока не ткнулся задним бампером в кормовую надстройку. Захлопнул дверцу.

γ - Колодки под колёса ставьте и принайтовьте вот этими концами его к палубе намертво. Будет на чём вам рассекать по материку. Чёрт, обидно, но обе доски придётся вам подарить. Иначе его там у вас на берег будет не согнать.

- Ты, что, отдаешь нам машину??!

- А зачем она мне здесь, весь остров за пару часов пешком пересечь можно. Бензобак полный, канистру бензина в запас выделяю. Сами знаете, как УАЗы бензин жрут. Позже ещё бензина подброшу.

- Нет, ну просто не знаю, как тебя и благодарить,- вздохнул Огарков.

- А вот, как поселение создадите, так на центральной площади мне памятник и поставьте.

- И поставим. Запросто.

Штурман Сергей заметил:

- Слушай, если тебе доски эти нужны, оставь их. У нас можно катер в речку завести, откуда воду питьевую берём. Река пошире вашей будет. Развернём катер кормой к берегу, кликнем десятка два мужиков, они УАЗик на руках на берег вынесут.

- Отлично. Доски мне и вправду нужны. Чёрт, про галеты и муку забыли. Хлеба вам Лариса сейчас испечёт несколько караваев, а так - галеты грызите. Найдите плоский камень, на нем можно лепёшки печь.

- Володя, благодетель ты наш!

- Миша, Сергей, пойдёмте в бункер, за мукой.

Мишаня, ходивший по усадьбе мрачнее тучи, взваливая на плечо мешок с мукой, пробурчал:

- Нам на сто человек два мешка муки, а вам на десятерых - десять мешков. Несправедливо.

- Стоп!- приказал я,- положи мешок. Ты, значит, считаешь, что эту муку надо взять, да и поделить?

- И не только муку. Вон, тут у вас консервов сколько. А нам всего несколько коробок дали. Надо по числу едоков...

- Миша, ты что год назад делал? Не в армии служил?

- Не служил я в армии. Я студент.

- Бывший студент. Заметно, что не служил. Так что ты год назад делал, кроме учёбы?

- Ну, с девушками гулял, пиво пил.

- Ага. Ты, значит, пиво пил и с девушками гулял. А я в это время картошку сажал, консервы запасал. Консервы ты запастись не хотел, а вот делить их хочешь?

Сергей скинул свой мешок с плеч.

- Не слушай ты этого гадёныша. В семье, как водится, не без уroda,- и шагнул к Мише, сжимая кулаки.

- Не бей. Последние мозги вышибешь. И так некоторый недостаток наблюдается. Бери-ка, Миша, мешок и тащи на катер. Потом за вторым придёшь.

- А?..

- Это называется - воспитание трудом. Потом коробки с галетами таскать будешь. А то нечего делить будет.

Погрузку закончили. Подошли оба моториста, наш Василич и мурманский - Петрович.

- Ну, удачи. И чтобы не ломался никогда!- и сунул Петровичу поллитровку. Глянул на меня: - это для протирки приборов.

- Знаю, сам протирал. Пять грамм на приборы, четыреста девяносто пять - в себя.

- Приятно иметь дело со знающим человеком,- Петрович крепко пожал нам руки и, поднявшись на катер, скрылся в машинном отделении. Клянусь, что через пару минут эту поллитру никакой обыск не найдёт.

Подошли Огарков со штурманом.

- Пойдёмте, уже. Отваливать пора.

- Куда пойдём?

- Так на катер.

- И чего я на этом катере забыл? Пулемёт забрал давно.

- А кто же его назад погонит?

- Зачем его назад гнать? Теперь это ваша коробка.

- Катер отдаёшь?!!

- Ну, да. Сами его гоняйте туда-сюда. Сергей, цистерны вмещают тысячу пятьсот литров. Расход - пятьдесят литров в час. Литров сто мы сожгли. Значит, осталось тысяча четыреста литров. Это на двадцать восемь часов хода. Чтобы не на последних каплях ползти на заправку, рассчитывайте на двадцать пять ходовых часов. Время фиксируй где-нибудь. Через месяц придёте, ещё вам полторы тонны зальём.

- Всё понял.

- Держи, Николай три рации. Одна будет на катере, одна на УАЗе, одна - у тебя. Дальность около пятнадцати километров. Аккумуляторы очень ёмкие, но, если будете болтать по пустякам, останетесь без связи. До острова рация достаёт, проверено. Когда катер придёт на заправку, поменяю аккумуляторы на заряженные. Вроде бы, всё. Удачи вам, ребята.

Сергей попросту пожал мне руку, а Огарков, не выдержав наплыва чувств, опять заставил мои кости затрещать в своих мощных объятиях.

- Николай, чуть не забыл, тут у вас один тип страдает бреднями о социальной справедливости. Сергей в курсе. Поставь этого либерала на самую тяжелую работу. И каждое утро пусть отжимается сто раз. Без этого пайку не выдавать.

- Сделаем. Лично займусь. Мне диссиденты в тылу не нужны.

- Вот это правильно. Власть должна быть справедливой, но строгой. И наоборот.

Катер отошёл от берега на самом малом ходу, метрах в полстах медленно развернулся и так же медленно двинулся вдоль берега. И это было разумно, из-за УАЗика на корме. Дойдут. Только времени больше затратят.

Провожали катер на берегу только Василич, Наташа и я. Вера с Ларисой кормили младенцев, Ирина хлопотала у печи, Лёшки Леонидовы вдвоём чистили и смазывали оружие. Двойняшки во дворе играли с собаками. Хоть и в шутку, играючи, но хаски прихватывали их зубами. А им хоть бы хны! Только хохочут. Отчаянные у нас дочки, чему я очень рад.

Василич направился в сторону своего огорода. Там все овощи выросли, и лесник носил нам к столу редиску, зелёный лук, укроп, морковку детям.

Наташа положила мне руки на плечи:

- Как хорошо, Володенька, что ты катер отдал. Я всё утро переживала из-за твоего плавания. Помню же, какое чудище тогда из воды глядело. Думаю: 'А вдруг там кто-нибудь поздоровее водится'. Испсиховалась, пока вы не вернулись.

Я поцеловал её в кончик носика, потом прижался к губам.

- Завтра Леонидовы в наш старый лагерь переезжать будут. Весь день займёт, наверное. А

послезавтра, после обеда, оставим спящих дочек на Ларису, возьмём покрывало и пойдём по берегу на ту маленькую полянку...

- Володя, как ты здорово придумал! Я бы хоть сейчас побежала. Люблю тебя!- обвила руками мою шею, подпрыгнув, скрестила ноги у меня на бёдрах сзади, прижавшись ко мне всем телом.

Поднял её на руки и понёс во двор. Двойняшки, оставив свои игры, тут же подскочили к нам.

- Мама, у тебя ножка болит?

- С чего вы взяли?

- Папа тебя на ручках несёт...

- Вас он носит на ручках, а ножки у вас не болят.

- Мы же маленькие.

- И я для папы - маленькая. Он меня любит, поэтому на руках носит. И вас носит потому, что любит.

- Лё-ёшик,- вкрадчивым голосом протянула Маша.

- Эй-эй, ему тебя не поднять, тяжело будет. Вот когда он вырастет, тогда и будет вас на руках носить.

- Так и быть, мы подождём,- покивала головой Даша.

Глава IX.

Хорошим людям априори...

Рация запищала, когда я, стоя возле детского столика, объяснял дочерям пользу овсяной каши, которую они не очень жаловали. Не противореча мне, тем не менее, с кислым видом принялись возить ложками по тарелкам.

- На связи,- отозвался я в микрофон рации.

- Владимир Сергеевич, это Сергей Владимирович вызывает, капитан катера 'Владимир Кольцов'. Как вы смотрите, если мы на заправку подойдём через пару часов? Ровно месяц прошёл.

- Подходите, конечно, заправим без проблем.

- Хорошо. Конец связи.

Ни фиги себе, времечко летит! Уже месяц просвистел, как мы на острове!

- Ну-ка, ложками кашу не размазывайте по тарелкам, а ешьте нормально!- Наташа обращалась с двойняшками строже, чем я.

- Наташ, через пару часов мурманчане придут на катере, сваргань им чего-нибудь на обед.
- Сейчас займусь. Ларисёнок, что у нас с хлебом?
- Печь собираюсь.
- Пеки побольше, земляки в гости приедут.

Дизель катера услышали издалека. Кроме меня на берегу стоял Василич. Женщины заканчивали приготовления к обеду.

Странно, как-то работал дизель. Поработает минуточку-две и тишина. Потом опять запускают. Когда, наконец, увидели катер, поняли, в чём дело. На самом носу катера стоял человек с лотом. Опускал лот в воду, делал замер, стоящий рядом человек, что-то записывал в блокнот.

- Промеры глубин делают. Молодцы, зря солярку не жгут,- одобрил Василич.

На палубе было много народа. И, когда катер подошёл поближе, Василич вдруг присвистнул:

- Вова, там, на катере - Сергей Сергеич.
- Какой такой Сергей Сергеевич?
- Да Сергеев же. Полковник наш из РУВД.
- Мать честная! И вправду он!

Катер развернулся перпендикулярно берегу, прибавил ходу и выскочил корпусом на песчаный бар нашей речки. На берег спустили трап и по нему легко сбежал полковник. За ним сошли два дюжих полица с автоматами на плечах. Ещё среди гостей был Огарков, это он записывал глубины в блокнот. Из машинного отделения вылез Петрович, из рубки вышел Сергей. Сергеев крепко сжал мою ладонь:

- Здравствуй, паролод и человек. Вот и довелось свидеться.

С юмором у полковника всё в порядке.

- Это уж мурманчан идея, насчёт паролода.
- Паролод - это мелочь. Они и поселение своё хотят Кольцовском назвать. Продали тебе свои души за УАЗик и два мешка муки.
- Нет, Василич, и этот туда же - в слуги сатаны меня записал
- О, Николай Васильевич,- обрадовался полковник, пожимая Василичу руку,- ты-то как тут очутился?

- Так уж четвёртый месяц на заимке живу. Мы же с Вовой соседи, по таёжным меркам, два километра - всего ничего. Вот он меня по-соседски и позвал у него отсидеться, лихое время переждать. А я тут, у него, свою вторую половину встретил. Вон моя избушка стоит, поодаль. Там и живу со своей Иришей.

Действительно, Василич отстроился за две недели, как и обещал. Взял у меня бензопилу и

принялся крушить джунгли - только опилки летели. Через две недели, пахнувшая свежим деревом изба, стояла возле 'пенсионерского' огорода. Мы с Лёшей помогали только верхние венцы класть, да крышу крыть. В избе не было печи, но место под неё Василич оставил.

- Мало ли где глину найду. Печку и сварганю. По здешней погоде избу греть ни к чему, но не будешь же еду готовить на костре у дома. Печь непременно нужна.

Возле дома поставил Василич столярный верстак, мигом соорудив себе мебель. Стол, табуретки, широченную двуспальную кровать. Посуду и постельные принадлежности мы им выделили. Но, всё равно, поковырявшись с утра в своём огороде, шла Ирина Тимофеевна к нам - пироги испечь или с двойняшками пообщаться. Василич с утра, позавтракав, отправлялся в дорогу дальнюю - к Леонидовым. Они там с Лёшкой возводили 'фазенду' - летний дом. От моей помощи отказались, взяли только материалы - гвозди, доски да брусья из лиственницы, которые оставались у меня в количестве изрядном, после прошлогоднего строительства.

- А Леонидов где?- поинтересовался у меня Сергеев.

- Они от нас съехали. Теперь в нашем старом лагере живут.

- В каком 'старом лагере'?

- В котором я с Наташей и Ларисой жил, когда мы сюда первый раз попали,- и тут сообразил, что Сергеев не знает ничего про 'первый раз'.

- Так вы раньше уже побывали на этой планете?- удивился Огарков.

Пришлось вкратце рассказать, как пятиэтажку на этот остров перенесли, а потом обратно в Заполярье вернули. Слушатели только рты раскрывали.

- Они, инопланетяне, то есть, получается, на вас проверяли, годится планета для жилья или нет?

- Скорее, смотрели, как мы себя поведём в этой ситуации.

- Теперь мне понятно, почему у тебя две жены. А то я раньше удивлялся. Парень, вроде бы, нормальный, а с жёнами чего-то... Тогда, конечно, вопрос разъяснился,- сказал Сергеев.

Из двора вышел Волчок. На спине у него лежала Даша, обхватив собаку за шею руками. Подъехав к нам, выпрямилась, поздоровалась и тут же шлёпнулась на траву. Подняв ко мне сияющее личико, объявила:

- Мама сказала, чтобы вы за стол шли. Всё готово.

- И ты на Волчке поехала, ногами не дойти было?

- Мама сказала, что хаски - ездовые собаки. Вот я на нём и ездю.

- Езжу.

- Езжу на нём. Он не кусается, значит, разрешил.

- Что ж, пойдёмте к столу, гости дорогие. Отобедаем, чем Бог послал.

- Да уж, целый месяц вспоминали, что он нам в прошлый раз послал,- потёр руки в предвкушении Огарков. И пояснил Сергееву: - У них тут питание по докатастрофной норме.

Перед тем, как сели за стол, я объявил:

- Вы уж не удивляйтесь и не досадуйте, но кормить вас 'от пуза' не будем. Как бы заворот кишок не случился после длительного поста. Поэтому только то, что наши поварахи включили в меню, с учётом вашего полуголодного бытия на материке.

Всем досталось по тарелке горохового супа со свиной, по тарелке жареной на сале картошки, с большой котлетой и по три куса хлеба. Плюс квашеная капуста с луком и постным маслом (уже заканчивалась последняя бочка), солёные огурцы, свежая редиска и зелёный лук. Разлил по стопкам 'Битнера'. Катерникам, Петровичу и Сергею пояснил:

- Вам всего по одной, вы на работе. Кстати, а матрос-то ваш где?

- Палубу драит. Закончит, потом поест.

- Ладно, не лезу в ваш монастырь... Капитан на судне - первый, после Бога. А 'бальзам' я вам сухим, точнее, мокрым пайком выдам. Пришвартуетесь в родной гавани - и хоть упейтесь. У вас сегодня работа сложная - плот буксировать.

- Какой плот?

- На котором вездеход стоять будет.

- Это ты нам вездеход отдаёшь!- возликовал Огарков, но я его восторг убил на корню:

- Не вам, а Сергею Сергеевичу. У вас УАЗик есть.

- Так у них тоже УАЗик, ещё лучше нашего - 'буханка'.

Сергеев, не забывая орудовать ложкой и вилкой, рассказал про себя и горожан.

- О том, что вода идёт, нам сообщили танкисты. Примчались на машинах, проорали, чтобы мы спасались, руками поразмахивали и дальше поехали. А дело-то к ночи. Стали мы народ будить, велели всем садиться на транспорт и срочно уезжать из города. А вода уже к городу подступает. Короче, рванули, кто как. Кто на колёсах, а кто и пешком. Мы из города последние уезжали, уже колёса в воде до половины. Дороги не видно. Несколько десятков оптимистов решили в девятиэтажках отсидеться. Большая часть горожан, кто на машинах, рванула по дороге до перевала и дальше. А за перевалом-то опять спуск. Не знаю, удалось ли им куда-либо добраться. Полторы тысячи человек вскарабкались по старой дороге до заброшенной каменоломни. Один упрямец в гору умудрился УАЗ-'буханку' загнать. Она у него, правда, битком была детьми набита.

- Это который педиатра Марию Васильевну возил?

- Точно. Сидим на площадке перед входом в каменоломню, а вода всё прибывает. Некоторые отчаянные наверх по горе начали карабкаться. Я своим приказал: 'Как вода дойдёт до площадки, каждый сажает на шею по ребёнку, второго берёт на руки и - наверх, на гору'. Полметра по высоте всего вода до нас и не дошла. А уж когда рассвело, спадать начала. И что прикажете делать?

Послал пять человек в город. Вернулись, говорят, что всё водой в домах залито. Консервов, правда, принесли. Дров нарубили на склоне горы, костры разожгли. В город возвращаться никто не захотел. Танкистов больше нет, чтобы о воде предупредить. Сходили ещё раз в город, теперь уже двадцать человек пошли. Принесли ещё еды, то, что не намокло, одеяла для детей. Решили, что на кострах высушим. А ночью, когда почти все спали, нас сюда и переправили. Тепло, сухо.

И, самое главное, переселили нас вместе с куском горы, где каменоломня. А там, у выхода, и рельсы со шпалами сохранились, и десяток вагонеток. И ещё два сарайчика у выхода стояли. Взломали мы один - там слесарка. Почти всё из неё раньше вынесли, но пара тисков осталась, напильников старых несколько штук. А во втором сарае - ломы, кирки, лопаты. Правда, в основном, совковые, но есть несколько штыковых. Молотки отбойные, конечно, без компрессора ни к чему, но всё же металл. Опять же пики с них снять можно.

С горы на равнину спустились - река неподалёку. Бананы растут и ещё какие-то фрукты, на ананас похожи. Съедобные.

Топоров три штуки, шалашей настроили. Вся тёплая одежда - на матрацы и подушки. А уж когда обнаружили, что ни мух, ни комаров нет, то некоторые начали вещать, что мы в рай попали.

И тут приезжают к нам на уазике мурманчане. А я посмотрел: мать честная, номера-то на машине наши, алтайские. Стали расспрашивать, мурманские про тебя и рассказали. Ну, меня и отправили к вам с поклоном. Нам бы посадочным материалом разжиться. В смысле - семенами. Я просил у Огаркова, а у него у самого пока ещё не густо - все очистки сажают, семьдесят пять процентов урожая на семена запланировали. Вот со второго урожая, говорят, может чем-нибудь и поможем.

- Мы же числом-то выросли,- вмешался в разговор Сергей-капитан,- двадцать пять ходовых часов разбили на четыре части по шесть часов. Плюс час на подход-отход к берегу. Шесть часов в одну сторону от нашего поселения прошли, соответственно, шесть на обратный путь. И шесть часов - в другую сторону. Четыре группы мурманчан нашли, они все к нам переселились. Нас теперь триста человек. А в другую сторону пошли - там уральцы. Человек с тысячу. Эти объединяться не захотели, у них и речка своя и три фруктовых рощи рядом. Они сказали, что в глубине материка сибиряки обосновались. На той же реке, только у самых истоков, озеро там есть. В озере - рыба. И охота богатая, а ружья у них есть. Стараются, конечно, силками и волчьими ямами охотиться - патронов закупить негде будет. Мы тоже луки и арбалеты мастерим.

Все наелись и без конца благодарили хозяек за угощение. Никто не высказывал желания 'опрокинуть по второй'. А я и не предлагал. Впереди ждала работа. Сделаем дело - погуляем смело.

- Ну, гвардейцы, насытились?- обратился я к полицейским,- тебя Павлом звать, а второго?..

- Пётр.

-Во как! Что ж, господа апостолы,- тут Сергеев усмехнулся, не иначе, как специально их в пару поставил,- вам сейчас на лесоповал. Топор и бензопилу выдам. Надо свалить двадцать четыре дерева, чтобы диаметр ствола был у комля не меньше тридцати сантиметровов. Сучья обрубаете, после чего мы брёвна забираем. Приходилось заниматься?

- Знакомы немного,- пробасили парни в бело-голубых тельняшках.
- Тогда ставьте автоматы в стойку, вон, у стены, и пойдёмте за инструментом.
- Ничего, что оружие так, в открытую, держите?- спросил Сергеев,- всё же дети в доме.
- Дети у нас не беспризорные. Мы их воспитываем. Не дебилы и не олигофрены. Вовчик ещё неразумное дитя, так он ходить не может. А когда сможет, при нём постоянно мать будет, пока в разум не войдёт. Чтобы пуговицу не проглотил, песка не наелся, с крыльца не сверзился.

Сергеев поднял руки вверх: 'Сдаюсь'. Огарков хитро посмотрел на меня:

- А, если матери отойти надо? В туалет, к примеру.
- На этот случай у Вовчика есть тётка Наталья, бабушка Ира, дедушка Коля. Да и отец родной у него имеется,- и повёл 'апостолов' к сараю. Заметил их взгляды, брошенные на стол под навесом. Там стояла банка-пепельница, лежала пачка сигарет и спички. Выдав пилу и топор, показал на навес:

- Перекурите и за работу.

Они кинулись к сигаретам, с блаженным видом выпустили первый дым.

- Сигареты себе возьмите. Двенадцать деревьев свалите - перекурите.

- Вот спасибо!

Я пошёл к катеру. Матрос, стоя на корме, вылил из ведра грязную воду, зачерпнул чистой. Ведро ополоснул, засунул в него голик. Повернулся ко мне и вежливо поздоровался. Это был не кто иной, как Мишка-революционер.

- Закончил? Пойдём, пообедаешь, студент.

- Я не студент. Я - матрос катера 'Владимир Кольцов'.

- На катер назначили потому, что его поделить нельзя?

- Вы уж извините меня, Владимир Сергеевич, ерунду я тогда городил. Сергей Владимирович за этот месяц меня уму-разуму научил.

- Что ж, в трудные времена люди взрослеют и умнеют намного быстрее. Пойдём, подарок получишь.

Усадил Михаила под навесом и через минуту вынес ему тельняшку:

- Носи на здоровье, раз мысли о дележе оставил.

Он, совершенно по-детски, обрадовался:

- Здорово! Все в тельняшках, и капитан, и Петрович. А я - как сухопутчик какой-то. Спасибо огромное!- тут же скинул с себя рубашку и одел тельник-майку.

- Совсем другой вид. Настоящий морской волк.

- Скажете тоже. Но я учусь...

- Обедать идём.

Увидев Мишку в тельняшке, Сергей присвистнул:

- Это за какие такие заслуги?

- Это ему компенсация за утраченные революционные идеалы.

Все захохотали. Мишка смущённо улыбнулся, но тут ему под нос поставили тарелку с гороховым супом, и он принялся орудовать ложкой.

- Первый раз сотню отжиманий делал по двадцать отжиманий за подход, последние - даже по десять. А сейчас за два подхода по пятьдесят справляется. После этого получает завтрак,- шепнул мне Сергей,- быстро с гнилым либерализмом распрощался.

Я показал ему большой палец. И мы пошли таскать брёвна на берег, чтобы собрать плот. Подошёл Леонидов, отправил Лёшику к двойняшкам и принял участие в работе. Через четыре часа плот был готов.

- Брёвна на стройке пригодятся, проволока, тросы и нагеля тоже в дело пойдут,- радовался Сергеев,- прямо, вот, судьбой ты нам послан, князь Гвидон.

- Почему Гвидон?- поинтересовался я.

- 'Остров на море лежит,

Дом на острове стоит',- перефразировал Пушкина Сергеев,- а грамоту мы тебе на княжество выдадим. Когда бумага будет.

- Вагонетку помойте, дерево измочальте и варите целлюлозу.

- Пока не до этого. У нас кузница сейчас на очереди. В слесарке две кувалды валялись без ручек. Ну, ручки, сам понимаешь... С вагонетки колёса сняли, кверху дном перевернули, металл там толстенный - наковальня готова.

- Так гул же будет стоять, тот ещё.

- Мы же не совсем дураки - песком её набили. Сейчас горн надо складывать. Глину нашли, кирпичи научились формовать и обжигать.

- Это хорошо. Нам кирпичей на две печки не подкинете?

- Не вопрос. А вы нам Николая Васильевича дайте на недельку. Он и по печному делу мастер, и по строительному. Избу, какую себе возвёл! Плотники у нас есть, их только обучить немного.

- Василич, поедешь?..

- А куда деваться, ежели надо... Лёшке осталось только стёкла в окна вставить, сам справится. Печь ему решили в южном варианте поставить - во дворе, под навесом. Очень даже удобно будет.

- Значит, порешили. Отдаём тебя в рабство, в обмен на кирпичи. Ирина, готовь мужа в дорогу дальнюю, на материк он в командировку убывает.

- Ой, сокол мой ясный, и на кого ж ты меня покидаешь?!- заголосила Ирина Тимофеевна. Но, не выдержав роли, улыбнулась,- смотри мне там... Мне-то тут загулять не с кем, а ты, если налево сходишь - домой не пуцу. Сейчас котомку тебе спроворю,- и пошла к дому, напевая:

'Женское счастье - муж в командировке.

Хомячок и дети у свекровки'.

- Весело у вас,- улыбнулся Сергеев.

- Вот, Василич, через неделю с кирпичами будешь, наваляешь печей.

- Ура!- закричали катерники,- через неделю опять в ресторане пообедаем!

- Лишь бы брюхо вам набить...- прогудел Огарков.

- Тебя не возьмём, ты больно здоровый. Расход солярки повышается и ешь за двоих,- пошутил Петрович.

Канистрами таскали на катер солярку, переливая в цистерны. Полицейские (бывшие) носили коробки с продуктами для алтайцев.

- Вам муки больше не дам,- объявил я Огаркову,- получите мешок зерна для посева. Вам, Сергей Сергеевич, два мешка зерна. Мешок пшеницы и мешок ржи. Ну, и, как мурманчанам - муки пару мешков. Хотя, у вас людей больше намного. Ладно, даю четыре мешка муки. Пшеница у меня взошла, но пока заколосится, пока сожнём, пока намелем. Ещё вот мельницу мне мастерить надо.

Загнали вездеход на плот, закрепили намертво.

- Придётся одному из апостолов на плоту плыть. Вдруг что-то с буксиром, чтобы было кому конец завести,- решил капитан Сергей.

Женщины устроили во дворе под навесом, что-то вроде шведского стола. Наставили тарелок со всякими закусками, с хлебом, с овощами. Выставили рюмки, стаканы, бутылку литровую с 'бальзамом', морс брусничный. Пирог с джемом на части порезали, выложили на большое блюдо. 'Апостолы', выпив по паре рюмок и закусив салом с редиской, отправились на берег, подымить. Катерники, взяв пару тарелок и наложив на них всякой снеди, пошли на катер. Василич попрощался с Ириной.

Я достал из буфета четыре пузатых рюмки, открыл бутылку коньяка, подаренную нам Сергеевым, выложил на стол плитку шоколада. С Огарковым, Леонидовым и Сергеевым уселись за столом под навесом. Отхлебнув ароматного коньяка и бросив в рот дольку шоколада, я произнёс речь:

- Я не Христос, семью хлебами всех накормить не могу. Продукты, которые выделил, в основном, детям достанутся. Ещё больным да немощным. Остальным придётся, пока, бананы есть. Но смело можете обещать людям, что через год будет и хлеб, и овощи, и мясо. Катер с

кирпичами придёт - отправлю вам пару свиней и хряка. Четырёх кур и петуха. Эти пускай цыплят высиживают. Уж когда петушков разведётся много, тогда их и под нож можно. В коробке с семенами в отдельном пакете - семена табака. У Огаркова уже вырастили, небось, самосад. Только вот с бумагой плохо, придётся учиться сигары крутить. Пока табак расти будет - коробку сигарет выделил. Три палатки отдаю: двухместную, четырёхместную двухслойную и армейскую десятиместку. В каюту бросил свёрток, там два одеяла пуховых. Здесь, при такой погоде, они ни к чему. А вы в палатке на пол постелите - детишкам спать мягко будет.

Вездеход заправлен 'под пробку', катер тоже. Бензина даю шесть канистр, больше просто тары нет. Не забудьте их через неделю пустыми обратно привезти, ещё сто двадцать литров получите. Масла к бензопиле дал пятилитровую канистру пластиковую. Вам - 'Штиль', нам 'Гускварна' остаётся. Гвоздей ящик, соток. Василич свою избушку без единого гвоздя поставил и вас научит. Ну, с остальным, что погрузили, сами разберётесь. Три тетради выделил, десяток карандашей. Дети ваши пока пусть палочками на песке пишут. Вроде бы, и всё. Аккумуляторы в рациях поменял на заряженные. Вот вам, Сергей Сергеевич, тоже рация одна. Если что-то позарез надо будет, радируйте, через неделю с катером пришлю.

- Спасибо за всё, Владимир. Кстати, город ведь такой на Земле был. У мурманчан - Кольцовск, а у нас, пускай, Владимир будет. А планету как именовать будем? А землю нашу?- спросил Сергеев.

- С землёй всё ясно - Русь. Русичи мы все. А с планетой - не знаю. По мне, так и Земля-два можно.

- А остров свой как назвали?

- С островом просто: есть у нас Вера, есть Надежда. И любви, хоть отбавляй. Так что - остров Веры, Надежды, Любви. Кому длинно - ВНЛ. Хотя, я против аббревиатуры. Ну, что, посидели? Пора вам отправляться. И идти медленно будете, и разгрузиться засветло надо. Кстати, о свете: у нас же дизель-генератор есть. Новёхонький. Мы им и не пользуемся. Я к следующему приходу катера его приготовлю, провода дам моток, пару-тройку лампочек. Будете на праздники центральную площадь освещать.

Сергеев устало махнул рукой:

- Уже все слова благодарности у меня закончились. Огарков говорил, что ты шутил насчет памятника. Но тут уж явно не до шуток - придётся поставить.

- Я уже Леонидову цитировал Маяковского:

'Мне наплевать на бронзы многопудье, мне наплевать на мраморную слизь. Сочтемся славою - ведь мы свои же люди,- пускай нам общим памятником будет построенный в боях социализм.'

- Так что, социализм строить будем?

- Если с 'человеческим лицом', то можно и социализм. Принцип: 'От каждого по способности, каждому - по труду' довольно справедлив. Не обязательно же строить марксистско-ленинский социализм. Вон, у тех же шведов был шведский социализм. И всем им было хорошо, пока мигрантов к себе не пустили из стран жарких. Дело не в названии, дело в сути. Пусть хоть коммунизмом зовётся, лишь бы всем жилось нормально. Вообще-то, я сторонник монархии, но не наследственной. 'На детях гениев природа отдыхает'. И будет чехарда: сначала хороший царь, потом плохой, потом опять хороший, потом опять плохой. Нет, пусть народ выбирает царя. Но не на пять-десять лет, как президента. Тогда десять раз подумают, прежде, чем

выбрать. И чтобы единоначалие было, без всяких сенатов, конгрессов и госдур. Царь и казнит, и жалует. Но это сугубо моё личное мнение. Никому навязывать не хочу.

- Ладно,- поднялся из-за стола Огарков,- продолжим дебаты как-нибудь в другой раз. Пора двигаться к дому. Пойду, зайду в здешнее культурное заведение. Прямо рай - и унитаз стоит, и бумага туалетная, а не лист лопуха. Я быстренько. И - на катер.

Лёша Леонидов пошёл в дом. Он, собственно, к нам за хлебом пришёл, да вот, подзадержался. Мы остались с Сергеевым вдвоём, и я спросил у него:

- Внуков-то сколько?

- Две внучки. Так и живу, с пятью женщинами. У обеих дочек семейная жизнь не сложилась. Остались с нами жить.

Через полминуты я вышел из дома с пластиковым контейнером и двумя шоколадками. В контейнер положил четыре куска пирога, плотно закрыл крышкой. Шоколадки - сверху. Заметил я, какими глазами Сергеев на пирог посмотрел, но сам есть его он не стал. Протянул ему контейнер и шоколадки:

- Это вашим внукам подарок с острова Веры, Надежды и Любви.

- Я не могу взять. Там и другие дети...

- Сергей Сергеевич, щепетильность не должна переходить границы разумного. Вот, катерники, думаете, обе тарелки на катере опустошили? Нет. Стопроцентно по паре кусочков вкусенького отвезут, кто - жене, кто - своей девушке, а Петрович - внуку или внучке. На виду у всех, конечно, подарок внукам не отдавайте. И едят пусть в гордом одиночестве,- вынул из кармана чёрный непрозрачный полиэтиленовый пакет.- Положите в пакет, а вечером отдайте.

Да, и ещё советую сразу палатку-десятиместку поставить, все продукты туда сложить и самому там поселиться. Знаете, как у индейцев было: вигвам вождя - самый большой в поселении. И охрану к продуктам выставлять не придётся. Ну, а дождь начнётся - запустите туда детей.

- Думаешь, у кого-то поднимется рука продукты у детей воровать?

- Народ разный. Инопланетяне только самых отпетых мерзавцев отдельно поселили. В тяжёлые времена, а сейчас их лёгкими не назовёшь, сильные становятся сильнее. А слабые - слабее. Кто-то может и не выдержать искушения. Зачем вам лишние проблемы?

- Внуки мои до сих пор тот каравай вспоминают, что ты мне подарил. Говорят, что никогда такого вкусного хлеба не ели.

- Пирог те же самые руки пекли. Да ещё и сладкий, в придачу.

Всё это мы говорили по дороге со двора до катера. Василич уже стоял на палубе. Рукопожатия, слова благодарности, обещание сообщить по радию, когда доберутся до места. И вот катер, взбурлив винтом воду, дал задний ход, выдираясь из песчаного бара. Развернулся кормой к берегу, натянулись два толстых буксирных каната и плот с вездеходом пополз в воду. Вода полностью покрыла плот, Петру пришлось залезть на крышу кабины вездехода. Но вода скрыла гусеницы даже не на треть, а едва до кромок нижних траков. Катер тронулся в путь. С него нам

махали руками на прощание. Ирина Тимофеевна, я, Даша и Маша махали в ответ.

Эпилог.

- Поз-ва-ла кош-ка мыш-ку.- Дальше уже скороговоркой:- дедка за репку, бабка за дедку, внучка за бабу, Жучка за внучку, кошка за Жучку, мышка за кошку. Тянут-потянут, вытянуть не могут. А, нет, тут как-то по-другому. Тянут-потянут, вы-тя-ну-ли реп-ку. Ура! Вытянули репку! Вот и сказочке конец, а кто слушал - молодец.

- Умница, Машенька,- похвалил я дочку, сидевшую с книжкой за столом во дворе. Ревнивица Даша - тут, как тут:

- Завтра суббота, Леонидовы в баню придут. Вот она и будет перед Лёшиком выделываться. Я читать умею, а Дашка неграмотная совсем.

- А, что, неправда?

- Да мне скучно так тянуть: тук-мык-пык. Я хочу сразу быстро научиться читать, как мама.

- Так не получится.

- У меня получится. Все же говорят, что я шустрая.

- Это они про другое говорят. В смысле, что ты озорница и хулиганка.

- Подумаешь, всего один разочек...

Мы сидели у стола, только что пообедав. Всем нашим населением сидели.

В избу влетели Лёшик и Маша, и с рёвом бросились к Наташе:

- Спаси, нас Дашка бьёт.

В горницу ворвалась разъярённая Даша:

- А, вот вы где, изменщик и коварная обольстительница? Под юбку спрятаться решили?!

Я поймал её за руку:

- Стоп, Дарья Владимировна! Что происходит? Ты где слов-то таких нахваталась?

Даша тоже залилась слезами:

- Он Маху поцеловал, а меня нет.

Казалось, что от хохота стёкла в окне вылетят.

- Давайте миритесь сейчас же. А то не посмотрю, кто прав, кто виноват - всех накажу,- грозно приказал я.

Даша шмыгнула носиком:

- И маму накажешь? И Вовчика с Надюшей?

У меня от смеха живот заболел.

- Маму в первую очередь накажу. За то, что таких дочек мне вырастила.

- Не наказывай маму,- про слёзы уже забыли,- лучше мы в угол встанем.

Оставив женщин успокаивать детей, вышли во двор на перекур. Лёша Леонидов покрутил головой:

- Он же её старше почти вдвое. И сильнее.

- В этом возрасте не сила главное, а бесстрашие. Кто боится, того и бьют.

- Вообще-то, да, если наше детство вспомнить, то так оно и было. Придётся мне Лёшику ещё повоспитывать усиленно.

- О, это процесс бесконечный!

- Ты почему без косынки?

- Так, Маша тоже... - тряхнула светлыми кудряшками.

- Маша в тенёчке сидит, под навесом, а ты по солнцепёку бегаешь с Волчком наперегонки. Одень косынку. А то в избу загоню.

- Я и сама в избу собираюсь. Только не в нашу, а к бабушке Ире в гости. Можно?

- Если косынку оденешь, то можно.

Встал в дверях забора и провожал взглядом маленькую фигурку, пока навстречу Даше и Волчку не выскочил Пират. На крыльце показалась Ирина и я, успокоенный, пошёл к столу, на котором пиццала рация, мигая лампочкой вызова.

- Кольцов на связи.

На острове работали три рации, на материке - четыре. Приходилось как-то обозначать себя. Совсем недавно подслушал разговор Сергеева с Огарковым.

'- Сергей Сергеевич, выдели пару вагонеток в долг с отдачей. За аренду расплачусь самогонкой.

- За фигом мне твоё банановое пойло. Зерном.

- Побойся Бога, Сергеич. Я тебе и так за вездеход с плугом с этого урожая три мешка должен. Хлебушка-то все хотят. Бери самогонкой. Намашутся твои мужики кайлом да лопатой, ты им вечером и нальёшь по стопочке.

- Это мне народ спаивать?

- Им эта стопка, как слону - дробина. Они же у тебя пашут от зари до зари. Давай самогонкой,а? Не притесняй малые северные народы.

- Северный, у тебя хоть раз холоднее плюс двадцати пяти было?
- Да, как-то после дождя ночью аж двадцать один градус был.
- Ладно, пригоняй УАЗик, думаю, две вагонетки он утащит. С тебя три кувшина самогона.
- Так вагонеток две, и кувшина два.
- Три. Или не приезжайте.
- Хорошо, три, грабитель ты наш.
- Будешь обзывать, отдашь четыре.
- Всё, всё, конец связи.!

И в цирк ходить не надо, клоунада по рации. Сергеев своих мужиков уговорил работать по десять часов, пока на ноги твёрдо не встанут. Алтайцы расходились с площади не очень счастливые. Уральцы и мурманчане работали по восемь часов. Но русскому человеку, если объяснить всё, как надо, он и по шестнадцать часов работать сможет. И через полгода алтайские признали правоту Сергеева - далеко вперёд, против других поселений, вырвались. Уровень жизни самый высокий. Не в шалашах живут, как те же сибиряки. У каждого свой дом с личным огородом. А, оставшихся от работы и сна, шести часов, на себя самого хватает.

- Владимир, это Сергеев. Послезавтра катер за тобой придёт. Что-то вроде совета правителей у нас собирается. Все вожди, плюс камчатские ещё объявились. Эти люди отчаянные - от наводнения на вулканах спасались. Да, и новость у нас - сибиряки целое озеро нефти нашли. Осталось перегонку наладить и перестанем твои цистерны доить.

- Бензин мне для мотоплуга и бензопилы нужен, а солярку пусть катерники подчистую выбирают. А зачем я вам на совете вашем?

- Так порешили. Говорят, не забудь своего князя Гвидона с Волшебного острова позвать. А то мы не знаем, с чего вы так круто поднялись.

- Блин, если только на день, не больше. Сам понимаешь, хозяйство у меня. И пришли с катером компрессорщика и электрика. У меня компрессор, тот, что воздушную завесу в бункере создавал, без дела ржавеет. Но ставили мне его специалисты, сам я могу чего-нибудь не так отсоединить. На катер закатим, он на колёсах, будет у вас сжатый воздух.

- Отлично! Хорошо, что у нас руки не дошли отбойные молотки на металл пустить. Теперь - прощай, кайло! Электриков полно, компрессорщика найду.- И смущённо добавил:- прихвати с собой 'бальзама' пару-тройку бутылок. А то не хочется вождей-то банановкой угощать.

- Обязательно возьму. Ладно, аккумулятор сядет. До связи.

Сергеев не удержался и хихикнул в рацию:

- Сибиряки-то запальцевали: 'Мы теперь нефтяные монополисты!'. А я им и говорю: вы от рыбы скоро в темноте светиться начнёте. И свинина дикая, жёсткая, с домашней не сравнится. У нас же свиноматки поросят как на конвейере гонят. И курятина у нас. И мука. И яйца куриные.

'Мы по гнёздам яйца собираем...'. Ага, ваших три яйца против нашего одного. Десяток яиц

собрали, две ноги сломали. Опять же за гипсом для своих калек к нам прибежали.

- Сергеич, меня жена зовёт. Послезавтра наговоримся. Катер спозаранку присылайте, пока компрессор погрузим... Всё. Конец связи.

Сергеев был готов хвалиться успехами своего поселения до бесконечности. А у меня, и вправду, во двор вышла Лариса. За её указательные пальцы крепко ухватился кулачками Вовчик и перебирал заплетающимися ногами в кожаных башмачках. Халат у Ларисы был нараспашку и я не отводил от неё взгляда. Маша ушла в дом за новой книжкой.

- Вот, Вовочка, мама забыла халат застегнуть после того, как тебя кормила, и папа сейчас в маме дырку глазами просверлит.

Я засмеялся: - Зачем в тебе дырку сверлить, она там и так есть.

- Пошляк ты, Вова. Там не дырка, а щёлочка.

Присев на корточки, развёл руки в стороны. Вовчик затопал совсем стремительно и, радостно выдохнув: 'Папа!', упал ко мне на руки.

- Мама у него - ма, Ира - ба, Наташа - На, Даша - Да. Одного тебя нормально называет,- ревниво заметила Лариса, застёгивая халат.

- Замри,- приказал я ей и, не спуская Вовчика с рук, наклонился к вырезу халата.

- Вера Наташу специальной гимнастике научила и обтираниям. Наталья говорит, что через пару месяцев грудь у неё будет, как до родов. Вот Вовчика перестану кормить, тоже займусь собой.

Я опустил сына на траву, дал ему в руки свои пальцы и мы пошли к крыльцу. На крыльцо вышла Наташа. Она была в шортах и в топике, как обычно ходила. Руки, ноги и живот у неё покрывал светло-коричневый загар. В отличие от белокожей Ларисы.

- У тебя загар шоколадный, а у меня красный. Не хочу ходить, как рак варёный,- говорила Лариса Наташе,- я Вове беленькая нравлюсь. Он меня Белоснежкой называет.

Вышедшая на крыльцо Наташа, погладила себя по животу:

- Вот, Володенька, и ты так же через двадцать месяцев пойдёшь.

Подхватив Вовчика на руки, я помотал головой.

- Какой Володенька?

- Который у меня в животике. Мне Вера точно срок назвала, когда мальчика зачать. Хочу мальчика!

- Это что же, два Владимира Владимировича Кольцова будет? И как их различать?

- Хочу Володеньку! Не расстраивай беременную, а то дауна рожу.

- Мы им татушки сделаем разные,- хохотала Лариса,- а я-то думаю, с чего это в Наталье такая

бешеная страсть проснулась - каждый день Вову в джунгли таскает? А это она для стопроцентного результата. Молодчина, упорная!

Наташа показала ей язык. Лариса тут же аналогично ответила.

- Ничего, Вовчика кормить закончу, мне Вера скажет сроки, чтобы у меня девочка родилась.

- Эй-эй, у нас девочек и так много. Вас четверо, а нас, мальчиков, сейчас двое.

- Хочу доченьку Наташеньку! Брошу предохраняться, и никуда ты не денешься. Не расстраивай кормящую мать, молоко пропадёт. Пусть Наташа тебе двух мальчиков родит.

Наташа улыбнулась:

- Как говорит одна моя хорошая знакомая,- и они засмеялись, а потом сказали хором:

- Это я запросто.

mir-knigi.org